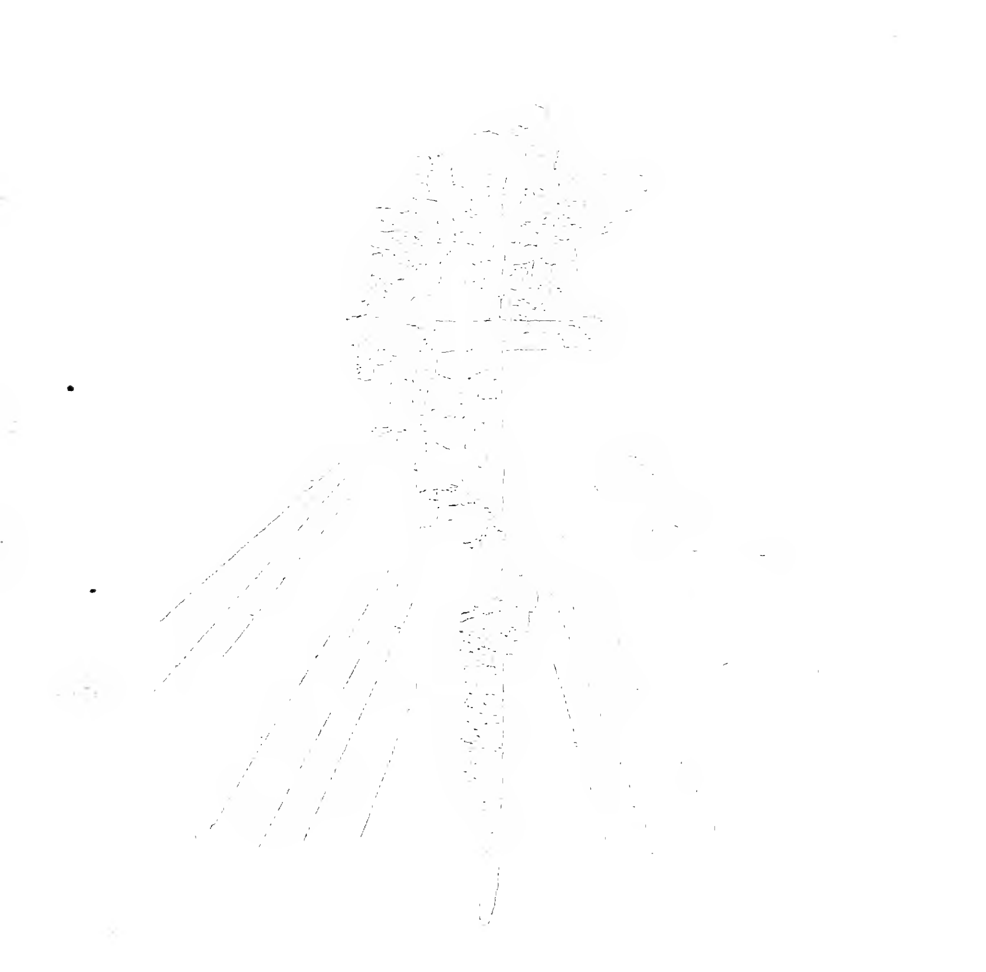
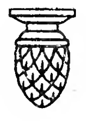


В. ФОНЪ ДРЕЙЕРЪ

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ВО ИМЯ РОДИНЫ

ДВУХЛѢТНЯЯ ВОЙНА КРАСНАГО СѢВЕРА СЪ БѢЛЫМЪ ЮГОМЪ 1918 — 1920 ГОДА



1921

Петру Петровичу

ЗЕЛЕНОВУ

посвящаетъ свой трудъ

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Воистину Крестный Путь...

Я глубоко вѣрю, что не такъ далеки дни — можетъ быть, иные изъ насъ доживутъ до нихъ — когда человѣчество очнется отъ того водоворота звѣриной жестокости и безумнаго эгоизма, въ который его вовлекла чудовищная міровая война, и Россія, вмѣсто того, чтобъ представлять собою зіяющую, втягивающую, грозную пустоту, утвердится на прочныхъ устояхъ, занявъ подобающее ей положеніе въ равновѣсіи и благополучіи другихъ странъ.

Тогда уже не мы, а грядущія новыя поколѣнія сумѣютъ въ той правильной перспективѣ, которую даетъ время, оцѣнить по справедливости причины и ходъ семилѣтней взаимной бойни. Тогда, несомнѣнно, въ безпристрастномъ освѣщеніи выступятъ всѣ событія, свѣренныя съ исторіей возникновенія и дѣятельностью Добровольческихъ армій, ибо сама собою отвѣется шелуха клеветы, преувеличеній и личная близорукость, а останется чистое зерно правды.

Тогда въ подлинномъ героическомъ свѣтѣ предстанетъ передъ потомствомъ борьба Южной бѣлой арміи противъ большевиковъ, начиная съ легендарнаго самозарожденія ея первой крошечной ячейки, вплоть до потрясающихъ крымскихъ дней, — и еще далѣе до тѣхъ дней, которые еще занавѣшены судьбой.

Тогда-то особенный интересъ для историковъ пріобрѣтутъ книги, подобныя той, какую написалъ В. фонъ Дрейеръ — „Крестный путь во имя Родины“. Написанныя подъ личнымъ, живымъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ, онѣ особенно отличаются однимъ качествомъ, составляющимъ одновременно ихъ достоинство и недостатокъ — близостью къ описываемымъ событіямъ. Эта близость съ одной стороны даетъ богатый матеріалъ и устанавливаетъ преемственную связь между отдѣльными моментами: съ другой — она нерѣдко и невольно служитъ причиной слишкомъ индививуальныхъ характеристикъ лицъ и дѣлъ.

Но если даже не всѣ участники и внимательные свидѣтели Южной Кампаніи будутъ цѣликомъ согласны съ книгой В. фонъ Дрейера, тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что въ основу ея легли, кромѣ посильной безпристрастности,

— горячая любовь къ Родинѣ и вѣра въ нее; скорбь и негодованіе по поводу неудачъ и промаховъ; а — главное — ясное пониманіе и доказательное признаніе несравненной доблести русскаго солдата и офицера въ тѣ періоды, когда ими руководитъ самоотверженная и непоколебимая воля. И потому читаешь эту книгу со странными смѣшанными чувствами: изумленія, ужаса, преклоненія, гордости и мучительной жалости.

Кажется, что созерцаешь издали невозможное, невѣроятное... Изъ горсточки отважныхъ людей выростаетъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, среди боевъ, громадная армія; мужественно борется съ красными ордами, терпитъ неуспѣхъ, разлагается, но вновь собирается въ крѣпкій кулакъ, побѣждаетъ, беретъ тысячи плѣнныхъ, безчисленные трофеи... и опять неудачи, опять развалъ, и снова воскресенье, снова соединеніе въ упругую, плотную массу, — и такъ — трижды, четырежды.

Какое то безпрерывное чудо, совершать которое доступно только людямъ, крѣпко вѣрящимъ и ни во что считающимъ свою жизнь передъ страданіемъ Родины.

Читаешь про войны на Кубани и Терекѣ, про Манычскую, Царицынскую и Камышенскую экспедиціи, про оборону и эвакуацію Крыма, и не перестаешь удивляться тому, до чего доходила выносливость самаго хилаго въ мірѣ созданія — человѣка, и до какой высоты иногда достигаетъ героическій взлетъ его души. Останавливаясь на этихъ эпизодахъ, спрашиваешь себя: да когда же отдыхали, спали и ѣли эти желѣзные люди? Какая упорная и святая сила помогла имъ разутымъ и раздѣтымъ драться и побѣждать въ жестокіе морозы; переходить степныя голыя пространства въ долгіе знойные дни, когда лошади не пили по трое сутокъ, а люди не ѣли по десяти; совершать неслыханно тяжелые обходы и безъ передышки, съ безумной дерзостью, разрушать тылъ вдесятеро сильнѣйшаго противника. Какой мѣрой можно измѣрить то постоянное напряженіе душевной энергіи, какую проявляли въ теченіе цѣлаго ряда дней и ночей — сподвижники Врангеля — Улагай, Мамоновъ, Бабіевъ Кутеповъ и многіе другіе?...

На фонѣ этой изумительной двухлѣтней эпохи ярко и твердо выдѣляется въ книгѣ В. фонъ Дрейера стальная прекрасная фигура Вождя. Его военныя операціи, вмѣстѣ съ глубокой продуманностью, носятъ всегдашній характеръ опытной находчивости и хладнокровія, соединеннаго съ безудержной отвагой. Его собственная храбрость и сила обаянія давно стали легендой. Но, даже оставивъ въ сторонѣ показанія и разсказы очевидцевъ, мы по однимъ приказамъ и рапортамъ Врангеля можемъ составить понятіе о исключительной величинѣ его личности, какъ воина, вождя и патріота. Какимъ достоинствомъ и мощью дышетъ его отвѣтъ англичанамъ, предлагавшимъ въ началѣ Крымской обороны, почетный миръ большевиковъ съ бѣлыми.

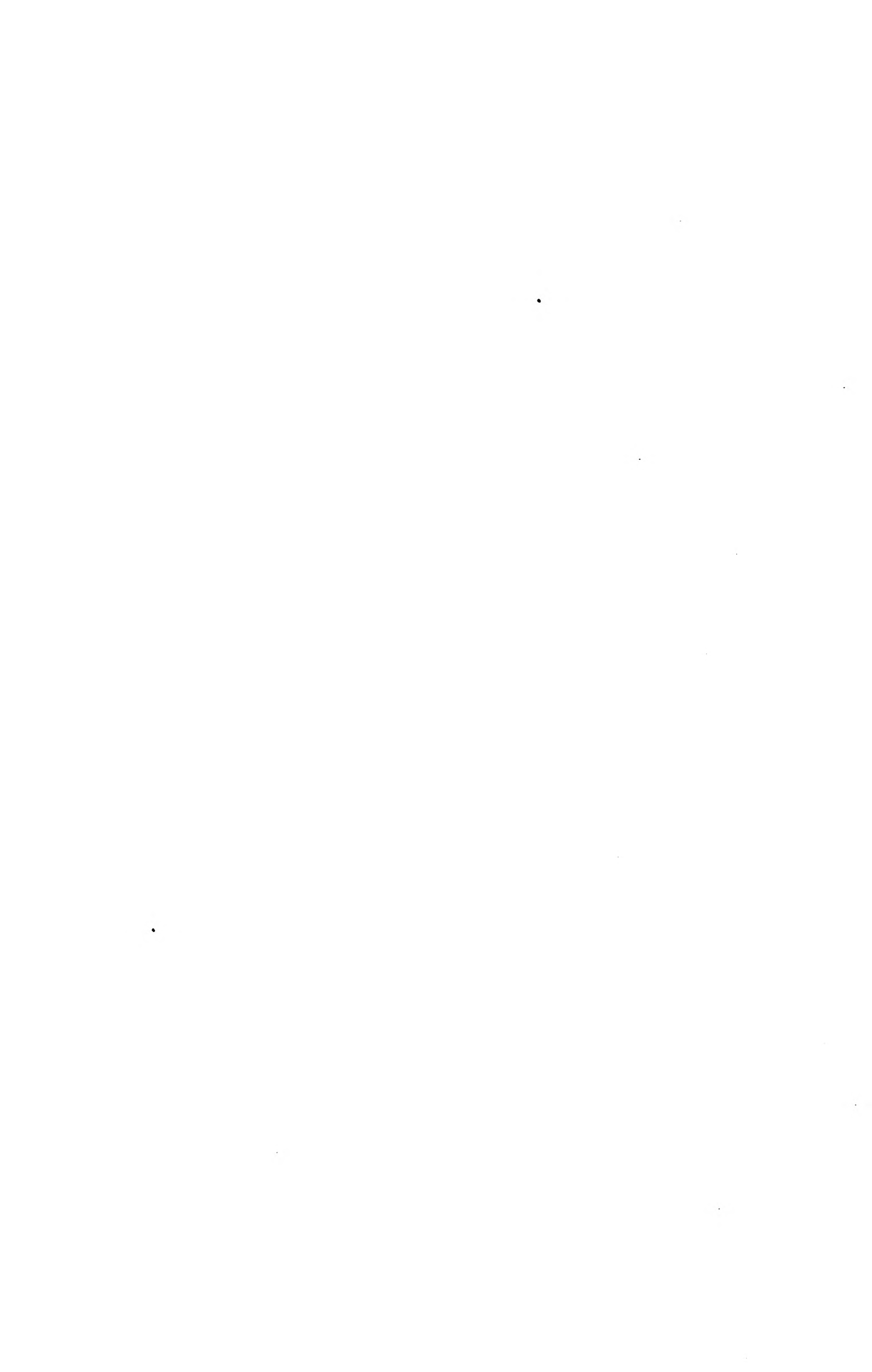
Документальныя строки книги В. фонъ Дрейера говорятъ о Врангелѣ не только какъ о начальникѣ, умѣвшемъ командовать, но и какъ о солдатѣ, умѣвшемъ подчиняться. Прозорливѣе и яснѣе всѣхъ добровольческихъ вождей, онъ чувствовалъ и понималъ, что самая фантастическая удачливость въ бояхъ, удвоенная самой безумной смѣлостью, ничего не стоятъ (слава Богу, въ герояхъ у насъ недостатка нѣтъ) въ сравненіи со строгимъ привычнымъ умѣніемъ самозабвенно подчинять свою волю и дѣйствія общему плану, цѣли и руководству. Это драгоцѣнное умѣнье Врангель обнаружилъ не разъ, и умѣло внушалъ его другимъ.

Закончу мою бѣглую статью вотъ чѣмъ:

Мы, русскіе черезчуръ мѣшкотны и не радивы. У насъ до сихъ поръ еще не закончены академическія изданія — не только исторіи Японской, но даже и Турецкой войны 1877—1879 гг.

О Великой Германской войнѣ существуютъ лишь незначительныя отрывочныя сочиненія.

Если книга В. фонъ Дрейера не обнимаетъ цѣликомъ и подробно всей Южной Кампаніи, то она все же является драгоцѣннымъ вкладомъ въ военную исторію. И тѣмъ болѣе она дорога, что, закончивъ ее, думаешь и вѣришь, что окончательное низверженіе большевиковъ вооруженной рукой не только возможно, но и неизбѣжно, но и неотвратимо.



ГЛАВА I.

Къ серединѣ 1918 года положеніе на югѣ Россіи было таково:

Подъ покровомъ нѣмецкихъ штыковъ еще существовала Украина Гетмана Скоропадскаго; Крымъ былъ оккупированъ германскими войсками; на Дону атаманъ Красновъ своимъ могучимъ организаторскимъ талантомъ поднялъ Тихій Донъ и собралъ казачью конницу; на Кубани вела безпрерывно бои съ большевиками, подъ руководствомъ Деникина, Добровольческая армія — наслѣдіе убитаго подъ стѣнами Екатеринодара Корнилова.

Большая половина области Кубанской и вся Терская, а равно часть Сѣвернаго Кавказа были заняты войсками „Совѣтской Россіи"; южнѣе, за Кавказскимъ хребтомъ выкристаллизовывались отпавшія отъ прежней Имперіи государственныя образованія Грузія и Азербейджанъ.

Добровольческая армія, созданная изъ горсти храбрецовъ, уже совершила свой эпическій „Ледяной походъ" и, усиленная казачьими пополненіями и офицерами стекавшимися со всѣхъ уголковъ безпредѣльной Русской Земли, была крѣпка духомъ, сильна презрѣніемъ къ красному врагу и полна вѣры въ своихъ вождей и въ свое правое, святое дѣло.

Составъ арміи къ концу августа 1918 года былъ невеликъ: I-ая Конная, I-я Кубанская, 1, 2 и 3 пѣхотныя дивизіи, нѣсколько партизанскихъ отрядовъ различнаго наименованія.

Общая численность Добровольческой арміи едва доходила до 7000 штыковъ и сабель.

I-ая конная дивизія состояла почти исключительно изъ кубанцевъ и черкесовъ и имѣла 6 конныхъ полковъ и 3 конно-горныхъ батареи. Пѣхота комплектовалась главнымъ образомъ добровольцами и, въ незначительной части, мобилизованными. Добровольцами являлись преимущественно офицеры, составлявшіе цѣлыя офицерскія роты и команды. Личный составъ батарей почти исключительно состоялъ изъ офицеровъ.

Между тѣмъ численность красныхъ армій, оперировавшихъ противъ Добровольцевъ на Сѣверномъ Кавказѣ, достигала внушительной цифры — до 100.000 человѣкъ.

Слабая числомъ Добровольческая армія была бѣдна и средствами. Она нуждалась положительно во всемъ, не получая ни откуда помощи. Союзники въ это время еще не оказывали матеріальной поддержки, и армія должна была расчитывать только на свои силы. Части арміи снабжались случайными поступленіями съ Дона, главнымъ же образомъ жили за счетъ противника. Особенно страдала армія отсутствіемъ техники: она не имѣла вовсе ни броневиковъ ни тяжелой артиллеріи, не имѣла даже необходимаго телефоннаго имущества. Снабженіе огнестрѣльными припасами было крайне недостаточно. Такъ, въ теченіе всего августа, сентября и части октября на дивизію конницы въ среднемъ выдавалось около 1200 патроновъ въ день, на батарею 1-2 снаряда въ день. Медицинскія средства отсутствовали вовсе. Въ дивизіяхъ были лишь летучки, которыя для перевязокъ сплошь да рядомъ пользовались бѣльемъ мѣстнаго населенія.

Продовольствіе, при отсутствіи правильнаго снабженія, добывалось исключительно отъ жителей.

Между тѣмъ противникъ, помимо подавляющей численности, былъ богато снабженъ и технически. Въ его рукахъ оставалось все уцѣлѣвшее, еще не вполнѣ расхищенное имущество старой арміи, заготовленное во время войны съ Германіей.

Расположеніе частей Добровольческой арміи къ этому времени было слѣдущее:

Екатеринодаръ былъ взятъ и служилъ тыломъ арміи. І-я Конная дивизія наступала въ общемъ направленіи отъ Екатеринодара на Ставрополь. Бои велись у станицъ Петропавловки и Михайловской. І-я Кубанская дивизія дѣйствовала южнѣе Екатеринодара и была занята очищеніемъ Майконскаго Отдѣла отъ многочисленныхъ большевистскихъ бандъ. Пѣхотныя дивизіи занимали раіонъ Армавира и сѣвернѣе.

Въ концѣ августа въ Екатеринодаръ, гдѣ находилась Ставка Деникина, изъ Крыма прибылъ генералъ Врангель, получившій предложеніе принять командованіе одной изъ конныхъ частей.

Врангель, котораго прекрасно зналъ покойный Корниловъ, уже давно стремился въ ряды добровольческихъ войскъ, но всѣ его письма, по роковой случайности, не достигали назначенія, равно какъ и письма Корнилова тщетно разыскивали Врангеля по Россіи.

Ко времени прибытія Врангеля, ввѣренная ему І-я Конная дивизія занимала станицу Петропавловку, бывшую ранѣе однимъ изъ центровъ кубанскихъ большевиковъ и названную ими „Кубанскимъ Петроградомъ". Красные укрѣпились въ станицѣ Михайловской — „Красной Москвѣ", упираясь своимъ лѣвымъ флангомъ въ р. Чамлыкъ.

Соотношеніе силъ было далеко не равное: въ 1 Конной дивизіи около 1200 сабель и штыковъ, тогда какъ против-

никъ насчитывалъ до 12000 человѣкъ, т. е. въ 10 разъ больше.

Наступившій періодъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, выдержанныхъ когда либо кубанскими частями. Ежедневно полки I-ой Конной дивизіи вели упорные бои съ численно и технически превосходнымъ непріятелемъ, безпрерывно тревожа его неожиданными нападеніями, неоднократно проникая въ его тылъ, выходя на его пути сообщенія, между станицей Михаиловской и Туапсинской жел. дорогой.

О напряженіи боевой работы за указанный періодъ свидѣтельствуютъ цифры дивизія за это время потеряла 260 офицеровъ и 2460 казаковъ, т. е. болѣе 200% своей численности. Однако Кубань, въ сознаніи важнаго значенія происходящей борьбы за право своего существованія, дѣлала крайнія напряженія и высылала непрерывно новыхъ бойцовъ на смѣну павшихъ, все время поддерживая такимъ образомъ неизмѣннымъ численный составъ I-ой конной дивизіи.

18 сентября на помощь истомленной конницѣ кубанской Главнокомандующій двинулъ 3 пѣхотную дивизію полковника Дроздовскаго изъ Армавира, которая и повела наступленіе на станицу Михайловскую съ сѣвера.

Смѣненная Дроздовцами I-ая конная дивизія получила свободу дѣйствія и тотчасъ устремилась въ обходъ укрѣпленной Михаиловской позиціи съ востока, вышла въ тылъ краснымъ и перехватила всѣ тыловые пути противника въ раіонѣ станицы Курганной. Въ теченіе цѣлаго дня 18 сентября выдерживали казаки неравный, но успѣшный бой съ пѣшими и конными резервами противника, поддержанными тремя бронепоѣздами, и захватили при этомъ плѣнныхъ и большой обозъ красныхъ.

Между тѣмъ атаки 3-ей пѣхотной дивизіи Дроздовскаго на фронтъ укрѣпленной станицы Михайловской съ сѣвера не увѣнчались успѣхомъ, и Дроздовцы къ вечеру были вынуждены отойти въ исходное положеніе. Отбивъ эти атаки, противникъ въ свою очередь значительными силами самъ перешелъ въ наступленіе противъ I-ой конной дивизіи, положеніе которой стало весьма тяжелымъ. Приходилось отходить въ сумерки черезъ единственную переправу у желѣзнодорожнаго моста черезъ озеро Чамлыкъ. Только благодаря искусству своего начальника, дивизія отошла благополучно, не потерявъ артиллеріи.

20 сентября 3-я пѣхотная дивизія двинулась обратно къ Армавиру на помощь оставленному ею заслону, сильно тѣснимому противникомъ.

Такимъ образомъ 1-ая конная дивизія вновь была предоставлена лишь своимъ силамъ и продолжала работать въ районѣ станицы Михайловской.

Въ ночь на 1-ое октября развѣдчики донесли, что противникъ взрываетъ желѣзнодорожные мосты въ своемъ тылу и начинаетъ отходъ. изъ Это было переломомъ операціи. Стало яснымъ, что если противникъ, несмотря на подавляющее численное превосходство силъ началъ отходъ, значитъ моральныя силы его уже сломлены.

Урупская операція. Оцѣнивъ важное значеніе даннаго момента, Врангель рѣшилъ немедленно перейти въ энергичное наступленіе и не дать противнику гдѣ либо задержаться. Отъ станицы Михайловской дивизія повела наступленіе двумя колоннами: лѣвая направилась на станицу Урупскую, а правая на станицу Безскорбную. Въ первый день, 1-го октября, было пройдено 45—50 верстъ, что свидѣтельствуетъ о спѣшности отхода противника и той энергіи, съ которой велось преслѣдованіе. Въ этотъ день лѣвой колонной полковника Топоркова были взяты плѣнные и большой обозъ.

2-го октября наступленіе возобновилось.

Лѣвая колонна, не доходя р. Урупа, атаковала большую колонну красныхъ съ многочисленными обозами. Однако противникъ не растерялся и, бросивъ противъ атакующихъ главную массу своей конницы, остальной бросился на артиллерію, причемъ захватилъ 2 горныхъ орудія. Здѣсь доблестно погибли всѣ офицеры и прислуга батарей. Находившіяся тутъ начальствующія лица: Врангель, Топорковъ и ихъ штабы едва успѣли спастись.

Въ теченіе послѣдующихъ дней продолжались упорные бои. Наконецъ 7 октября пала станица Безскорбная, за ней Урупская, и такимъ образомъ противникъ былъ отброшенъ.

Цѣлую недѣлю тщетно пытались части 1-ой Конной дивизіи форсировать рѣку Урупъ, чтобы помочь Казановичу, который подъ давленіемъ противника отходилъ отъ ст. Овечки (Владикавказской жел. дороги) на Армавиръ, неся большія потери.

На разсвѣтѣ 12-го октября обнаружилось наступленіе противника въ разрѣзъ между 1-ой Конной и 1-ой пѣхотной дивизіями, и къ вечеру красные уже переправились на лѣвый берегъ Урупа. Немедля Врангель перебрасываетъ изъ станицы Безскорбной (правая колонна) всѣ части къ станицѣ Урупской, переходитъ въ наступленіе, и 13-го октября, послѣ упорныхъ боевъ, заставляетъ противника вновь вернуться на правый берегъ Урупа, послѣ чего пользуясь сложившейся обстановкой, снова бросаетъ свои главныя силы въ районъ станицы Безскорбной, форсируетъ Урупъ и неожиданно выходитъ въ тылъ противнику Въ это время, остав

шіяся у станицы Урупской части переходятъ Урупъ и атакуютъ противника съ фронта. Этотъ искусный маневръ рѣшаетъ дѣло. Атакованные одновременно съ фронта, фланга и тыла красные обратились въ паническое бѣгство. Преслѣдованіе разбитаго врага велось всю ночь, и къ разсвѣту 15-го октября кубанцы, идя на плечахъ противника, форсировали р. Кубань и захватили станицу Успенскую.

Противникъ понесъ громадныя потери. Однихъ плѣнныхъ 1-ая Конная дивизія взяла около 3000, т. е. почти втрое больше своего состава. Было взято много пулеметовъ и обозовъ.

Результатомъ Урупской операціи явилось очищеніе отъ красныхъ всего лѣваго берега р. Кубани, что дало возможность дивизіи Казановича снова выдвинуться отъ Армавира до ст. Овечки.

Ставропольская операція. Разбитый противникъ, переправившись черезъ Кубань у станицы Успенской, двинулся частью своихъ силъ вдоль линіи желѣзной дороги прямо на Ставрополь, а другой частью внизъ по теченію рѣки Кубани въ направленіи на Армавиръ, выходя такимъ образомъ въ тылъ 1-й пѣхотной дивизіи.

Дабы помочь этой дивизіи Врангель, послѣ переправы у Успенской, рѣшилъ преслѣдовать красныхъ, двинувшихся на Армавиръ, съ цѣлью отрѣзать отъ частей, бѣжавшихъ на Ставрополь.

19-го октября 1-я Конная дивизія, переправившись черезъ Кубань, стала настигать съ востока противника. День былъ холодный; вихри вѣтра, бившіе въ лицо, были столь сильны, что конница могла двигаться въ атаку только шагомъ. Противникъ не принялъ атаки и сталъ поспѣшно отходить на станицу Сенгилѣевскую. Бросивъ для его преслѣдованія бригаду Топоркова, Врангель съ остальными полками обратился для преслѣдованія главныхъ массъ противника, отходившихъ на Ставрополь и свернувшихъ также на Сенгилѣевскую.

Тѣсня противника, обѣ колонны 1-й Конной дивизіи вечеромъ 21 октября подошли къ Сенгилѣевской и тотчасъ атаковали уже соединившихся красныхъ. Противникъ, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывалъ слабое сопротивленіе, и ночью, прикрывшись арьергардами, отошелъ на Ставрополь.

Въ послѣднихъ числахъ октября части Добровольческой Арміи со всѣхъ сторонъ стремились къ Ставрополю, дабы тамъ окружить большевиковъ и покончить съ ними однимъ ударомъ. Вдоль желѣзно-дорожной линіи Ставрополь — Кавказская наступали 2-я и 3-я пѣхотныя дивизіи; со стороны Кугульта — Дубовка подходила 2-я Кубанская дивизія Улагая,

со стороны Бешпагиръ двигалась 1-я пѣхотная дивизія Казановича, и со стороны Темнолѣсской наступала дивизія Покровскаго.

30-го октября на плечахъ отходившаго отъ Сенгилѣевской противника подошли къ Ставрополю также части 1-й Конной дивизіи, загнавъ такимъ образомъ большевиковъ въ кольцо, которое и сомкнули.

Однако въ ночь съ 30-го на 31-е октября, противникъ внезапнымъ ударомъ, въ разрѣзъ между 2-й пѣхотной и 2-й Кубанской дивизіями, прорвалъ замкнувшееся вокругъ него кольцо и сталъ уходить, направляясь главной массой вдоль желѣзной дороги на Петровское, и частью силъ на Ново-Георгіевское и Благодатное.

На Врангеля, въ силу сложившейся неожиданно обстановки, выпала задача облегчить положеніе пѣхоты, на которую обрушился противникъ, востановить положеніе и преградить врагу доступъ на сѣверъ.

Съ разсвѣтомъ 31 октября, оставивъ на дорогѣ Сенгилѣевская — Ставрополь бригаду Топоркова и бригаду Чекатовскаго, Врангель съ остальными 4-мя полками своей дивизіи выступилъ на ст. Ново-Марьевскую и уже на разсвѣтѣ слѣдующаго дня атаковалъ противника, наступавшаго вдоль желѣзной дороги противъ 2-й пѣхотной дивизіи. Конной атакой Бабіева непріятель былъ остановленъ и затѣмъ отброшенъ къ городу Ставрополю.

Идя на плечахъ противника, Бабіевъ ворвался въ городъ и захватилъ вокзалъ вмѣстѣ съ находившимся тамъ бронепоѣздомъ красныхъ.

Къ вечеру 1-го ноября противникъ снова перешелъ въ наступленіе и отбросилъ казаковъ отъ вокзала; однако ночью контръ-атакой части дивизіи выбили красныхъ и захватили всю западную часть города.

Для закрѣпленія положенія Главнокомандующій спѣшно выслалъ на помощь подкрѣпленіе.

Всю ночь дивизія Врангеля, спѣшившись, вела упорный уличный бой съ противникомъ, засѣвшимъ въ городѣ. На разсвѣтѣ 2-го ноября ударная группа изъ Запорожцевъ, Уманцевъ, Черноморцевъ, Алексѣевскаго коннаго полка и пѣхоты, при поддержкѣ броневика „Вѣрный", повела атаку на городъ съ юга. Противникъ оказывалъ отчаянное сопротивленіе; каждую улицу, каждый домъ приходилось брать съ боя. Лишь къ 17 часамъ 2-го ноября, послѣ безпрерывнаго 24-хъ часоваго уличнаго боя, Ставрополь былъ взятъ.

3-го ноября со своимъ штабомъ прибылъ Главнокомандующій Деникинъ.

Такъ закончилась Ставропольская операція. Хотя планъ полнаго окруженія большевиковъ и кончился неудачей, но здѣсь, подъ Ставрополемъ, имъ былъ нанесенъ жестокій ударъ. Противникъ лишился крупнаго опорнаго центра и послѣ ряда боевъ вынужденъ былъ уходить въ сѣверо-восточномъ направленіи, т. е. въ сторону отъ важнѣйшихъ дорогъ и жизненныхъ узловъ Сѣвернаго Кавказа.

Петровская операція. Для объединенія дѣйствій, 1-я Конная и 2-я Кубанская дивизіи были сведены въ 1-ый Конный корпусъ, во главѣ котораго Деникинъ поставилъ Врангеля.

Отъ Ставрополя большевики начали отходъ широкимъ фронтомъ вдоль желѣзной дороги на Петровское.

Новый командиръ корпуса повелъ преслѣдованіе двумя колоннами: лѣвой (2-ая Кубанская дивизія) отъ ст. Донское на Тугулукъ и Благодатное и правой—(1-ая Конная дивизія) на село Михайловское, Дубовку и Константиновку.

За время преслѣдованія было захвачено много плѣнныхъ, пулеметовъ и обозъ одной изъ дивизій красныхъ въ полномъ составѣ. 10 ноября колонны одновременно овладѣли — лѣвая с. Благодатной, и правая — с. Константиновкой. 11-го ноября 1-ый Конный корпусъ послѣ ожесточеннаго боя овладѣлъ селомъ Петровскимъ — конечной станціей желѣзной дороги — и снова взялъ плѣнныхъ, орудія и пулеметы. Бой кончился уже въ полной темнотѣ. Штабъ заночевалъ въ станицѣ Константиновкѣ.

Воспользовавшись тѣмъ, что корпусъ значительно выдвинулся впередъ, красные рѣшили произвести нападеніе съ тылу, и на разсвѣтѣ 12-го ноября отрядомъ въ составѣ полка конницы, двухъ ротъ пѣхоты, посаженной на повозки, и 2-хъ легкихъ орудій, подойдя съ тыла, внезапно атаковали Константиновку.

Единственнымъ прикрытіемъ расположившагося тутъ штаба, радіостанціи, парковъ, обозовъ и летучки Краснаго Креста былъ конвой Врангеля, насчитывавшій всего около 30 казаковъ.

Уже свѣтало, когда красные открыли по деревнѣ огонь. Частью своей конницы они ворвались въ село и стали стрѣлять въ окна домовъ, гдѣ расположились офицеры, и преимущественно въ тотъ домъ, на которомъ развѣвался штандартъ съ двуглавымъ орломъ.

Дежурный офицеръ бросился будить чиновъ штаба и солдатъ. Конвой посѣдлалъ коней, обозы быстро собрались и стали отходить на Петровское, подъ прикрытіемъ команды изъ отдѣльныхъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ Инспектора Артиллеріи корпуса, генерала Бѣляева. Самъ Врангель едва не попалъ въ плѣнъ.

Вскорѣ на помощь прибыли изъ Петровскаго два полка, которые и отбросили красныхъ, пробывшихъ такимъ образомъ въ Константиновкѣ всего лишь нѣсколько часовъ.

Въ этотъ день 12-го ноября одновременно шелъ ожесточенный бой у Петровскаго. Части корпуса въ теченіе всего дня удерживали за собою мѣстечко, но съ наступленіемъ темноты, уступая подавляющей численности красныхъ, вынуждены были отойти на линію Константиновка-Благодатное.

14-го ноября противникъ перешелъ въ наступленіе противъ Константиновки, выдвинувъ въ сторону Благодатнаго сильный заслонъ. Цѣлый день шелъ упорный бой. Наконецъ къ вечеру у Коннаго корпуса оказались израсходованными патроны и положеніе стало критическимъ. Между тѣмъ изъ перехваченнаго приказа противника было видно, что красные въ 6 часовъ утра 15-го ноября должны перейти въ общее наступленіе.

Врангель не растерялся и принялъ смѣлое рѣшеніе, использовавъ элементъ внезапности.

Понимая, что удержаться въ занятыхъ пунктахъ, не имѣя патроновъ и уступая противнику въ численности, нельзя, онъ рѣшилъ атаковать самъ. Съ этой цѣлью одной бригадѣ корпуса было приказано спѣшиться и прикрыть направленіе на Константиновку. Въ эту бригаду были переданы всѣ имѣющіеся въ корпусѣ патроны. Остальныя части корпуса, подъ начальствомъ полковника Улагая, были собраны въ раіонѣ села Благодатнаго, съ приказаніемъ атаковать противника въ 4 часа утра, т. е. за 2 часа до времени, назначеннаго имъ для наступленія.

Едва стало свѣтать, какъ ударная группа Улагая, въ составѣ 7 полковъ, въ конномъ строю, внезапно атаковала красныхъ, не успѣвшихъ еще принять боевого порядка для атаки и, несясь на его плечахъ, прижала его къ рѣкѣ Калаусъ.

Объятые паникой красные бѣжали къ бродамъ бросая по дорогѣ оружіе, спасались вплавь; многіе потонули въ рѣкѣ.

Критическое положеніе корпуса было спасено, и обратилось въ блестящій успѣхъ.

Къ 20-му ноября общее положеніе на Кавказскомъ фронтѣ было слѣдующее: 1-ый армейскій корпусъ ген. Казановича располагался въ раіонѣ Бешкагиръ; 1-ый Конный корпусъ ген. Врангеля уступомъ впереди въ раіонѣ села Петровскаго; отрядъ ген. Станкевича, состоявшій изъ 3-хъ родовъ войскъ, занималъ раіонъ Б. и М. Джалги и станицъ Винодѣльной и Предтеча.

Командующій XI красной арміей, оправившись, рѣшилъ перейти въ наступленіе.

КАРТИНА-ЛУБОКЪ,
БЫВШАЯ ВЪ ШИРОКОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ СРЕДИ
НАСЕЛЕНІЯ ЮГА РОССІИ ЛѢТОМЪ 1919 Г.

подъ мудрымъ Его водительствомъ войска Славной Кавказской Арміи овладѣли могучей опорой врага-городомъ Царицыномъ предварительно разбивъ въ періодъ сорокадневныхъ боевъ X-ю и XI-ю арміи, взявъ 40000 т. плѣнныхъ, 70 орудій, 300 пулеметовъ, бронепоѣзда, броневики и много другой военной добычи.

Первая попытка была направлена противъ Станкевича и имѣла въ началѣ успѣхъ. Станкевичъ былъ оттѣсненъ до жел.-дор. линіи Торговая — Великокняжеская. Тогда Главное командованіе снова обратилось къ Врангелю и подчинило ему части Станкевича. Врангель двинулся отъ Петровскаго по обѣимъ сторонамъ рѣки Калаусъ вслѣдъ за противникомъ, и рядомъ послѣдовательныхъ боевъ, угрожая прижать его къ болотамъ Маныча, вынудилъ пріостановить свое наступленіе на западъ.

Однако красные перемѣнили операціонное направленіе и повели атаку противъ I-го армейскаго корпуса, выдвинувшагося на фронтъ Гружевка - Орѣховка. Корпусъ безпорядочно сталъ отходить за рѣку Калаусъ, неся большія потери. Врангель предложилъ Главнокомандующему помочь I-му армейскому корпусу и, получивъ разрѣшеніе, выступилъ съ своей конницей, оставивъ на фронтѣ отъ Петровска до Маныча отрядъ Станкевича и бригаду Бабіева.

Въ это время въ Екатеринодаръ прибыла миссія союзниковъ, во главѣ съ англійскимъ генераломъ Пулемъ, для выясненія размѣровъ той помощи, которую Англія должна была оказать Добровольческой арміи.

Генералъ Деникинъ, предполагая выѣхать съ миссіей на фронтъ, запросилъ Врангеля по телеграфу, что онъ можетъ показать союзникамъ, на что получилъ отвѣтъ: „могу показать лишь одно, какъ кубанцы бьютъ большевиковъ“.

Главнокомандующій, его штабъ и англичане немедленно выѣхали, и въ ночь на 21 декабря уже были въ Петровскомъ. Съ разсвѣтомъ всѣ они выступили въ походъ вмѣстѣ съ войсками.

Походъ былъ крайне тяжелый, такъ какъ непрерывные дожди превратили глинистую почву въ непролазную грязь. Часть артиллеріи и обозы пришлось оставить въ тылу, удвоивъ число запряжекъ въ остальной артиллеріи за счетъ освободившихся лошадей. Полевыя орудія везли на телѣгахъ въ разобранномъ видѣ.

Въ сумерки противникъ, не ожидавшій нападенія, былъ атакованъ съ фронта и фланга, очистилъ с. Шишкино и ст. Медвѣдскую и сталъ поспѣшно отходить въ трехъ направленіяхъ: на Благодарное, Новосельцы и Александровское, оставивъ въ рукахъ казаковъ около 1.000 плѣнныхъ, 65 пулеметовъ, 12 орудій и большіе обозы.

Минераловодская операція. Послѣ боя 21-го декабря Главнокомандующій призналъ цѣлесообразнымъ объединить части I-го арм. корпуса, I-го Коннаго корпуса, I-ой Кубанской дивизіи Покровскаго и отрядъ Станкевича, подъ общей командой Врангеля, образовавъ изъ этихъ войскъ армейскую группу.

На очереди стояла задача: не дать оправиться разбитому противнику, поспѣшно отступавшему по нѣсколькимъ направленіямъ на югъ и востокъ. Къ исполненію ея новый Командующій немедля и приступилъ.

Оставивъ въ раіонѣ Камбулатъ—М. Айгуры отрядъ Бабіева, въ составѣ двухъ конныхъ и одного пѣхотнаго полка, для прикрытія с. Петровскаго и желѣзной дороги на Ставрополь, Врангель направилъ ген. Улагая съ шестью конными полками преслѣдовать противника, отходившаго на Благодарное, съ приказаніемъ гнать его на Святой Крестъ. Всѣми остальными силами повелъ наступленіе противъ красныхъ, отходившихъ на Александровское - Новосельцы и далѣе на юго-востокъ, имѣя цѣлью выйти въ тылъ Минераловодской группѣ противника, оказывавшей упорное сопротивленіе 3-му корпусу ген. Ляхова.

Чтобы пріостановить это наступленіе, непріятель сдѣлалъ отчаянную попытку атаковать тылъ арміи, для чего 26-го декабря сосредоточилъ свои силы въ раіонѣ с. Казгулакъ - Овощи и бросилъ ихъ противъ Бабіева, тѣсня его до самаго села Петровскаго.

Узнавъ о тяжеломъ положеніи отряда Бабіева, Врангель направилъ къ нему изъ Ставрополя два полка, съ помощью которыхъ Бабіевъ возстановилъ положеніе, разсѣявъ атаковавшую колонну красныхъ.

Улагай 24-го декабря занялъ станицу Благодарное и, преслѣдуя противника, на его плечахъ ворвался въ Св. Крестъ и захватилъ тамъ громадную военную добычу — всю базу бывшей Таманской арміи красныхъ.

Получивъ это донесеніе, Командующій приступилъ къ выполненію задуманной операціи. Развернувъ главныя силы на линіи Александровское-Новосельцы-Преображенское, онъ двинулся на Георгіевскій желѣзно-дорожный узелъ, дабы этимъ нанести окончательный ударъ врагу.

Во исполненіе намѣченнаго плана, ген. Шатиловъ, объединившій подъ своимъ командованіемъ 1-ю Конную и 1-ю Кубанскую дивизіи, выдвинулъ полки 1-й Конной дивизіи вдоль желѣзной дороги Св. Крестъ-Георгіевскъ. 1-я Кубанская дивизія направилась имъ изъ Новосельцъ на Обильное.

1-й армейскій корпусъ двинулся изъ Александровскаго на ст. Александрійскую. Одновременно Ляховъ продолжалъ тѣснить противника къ ст. Минеральныя Воды.

Такимъ образомъ занятый непріятелемъ Георгіевскъ былъ почти окруженъ.

Послѣ двухдневныхъ боевъ Шатиловъ 8-го января 1919 года овладѣлъ Георгіевскомъ, захватилъ здѣсь богатую добычу, перерѣзалъ пути отступленія группы красныхъ, дѣйст-

вующей у Минеральныхъ Водъ, и тѣмъ вынудилъ противника совершенно очистить Минераловодскій раіонъ.

Красные, отошли въ полномъ безпорядкѣ, бросая по пути оружіе, пулеметы и обозы.

Для преслѣдованія ихъ былъ направленъ 1-ый Конный корпусъ Покровскаго. Неутомимо идя на плечахъ бѣгущихъ остатковъ XI-ой арміи, Конный корпусъ за 12 дней прошелъ 350 верстъ. Нѣсколько разъ противникъ старался задержать наступленіе, но деморализованныя части его уже не могли оказать стойкаго сопротивленія и продолжали бѣжать къ Каспійскому морю и далѣе въ раіонъ Астрахани.

Во время преслѣдованія разбитаго врага было захвачено 8 броне-поѣздовъ, 200 орудій, 300 пулеметовъ, 31.000 плѣнныхъ и громадные обозы.

Операціи Врангеля на Кубани, Терекѣ и подъ Ставрополемъ, извѣстныя въ исторіи гражданской войны подъ именемъ 2-го Кубанскаго похода, привели къ окончательному торжеству бѣлаго оружія на всей территоріи Сѣвернагѳ Кавказа. Отъ большевистскаго гнета и произвола были очищены казачьи станицы, аулы горцевъ, легко вздохнули жители городовъ.

Въ ряды войскъ Деникина, носившихъ общее названіе „Добровольческая армія“, стали стекаться не только казаки, но и всѣ племена свободолюбиваго Кавказа.

Русскіе патріоты, бросая все, рискуя жизнью, рвались на югъ изъ Совѣтской Россіи, чтобъ стать плечомъ къ плечу съ деникинскими добровольцами.

Росла армія, росли надежды, создавалась растоптанная государственность.

ГЛАВА II

Въ концѣ декабря 1918 г. Врангель былъ назначенъ Командующимъ Кавказской Добровольческой арміей. Принявъ командованіе, онъ обратился къ войскамъ со слѣдующими словами:

„Славныя войска Кавказской Добровольческой арміи Волею Главнокомандующаго, генерала Деникина, я съ сегодняшняго дня поставленъ во главѣ васъ. Горжусь командовать вами, храбрецы.

„Полгода кровавыхъ битвъ я провелъ среди васъ, почти всѣ вы сражались подъ моимъ начальствомъ, и съ нами всюду была побѣда.

„Доблестью кубанскихъ казаковъ освобождена родная Кубань. Врагъ, пытавшійся укрыться въ богатой Ставропольской губерніи, настигнутъ, разбитъ и бѣжалъ въ голодную Астраханскую степь. Очередь за Терекомъ: уже поднимаются на защиту родныхъ станицъ славные терцы и каждый день стекаются въ наши ряды. Услыхавъ кличъ кубанцевъ и терцевъ, уже встаютъ храбрые кабардинцы и осетины, всталъ, какъ одинъ, горный Дагестанъ, джигиты сѣдлаютъ коней, берутъ оружіе и спѣшатъ вмѣстѣ съ нами въ бой . . .

„Впередъ же кавказскіе орлы. Расправьте могучія крылья грудью прикройте свои гнѣзда и, какъ трусливаго шакала, гоните отъ родныхъ станицъ и ауловъ презрѣннаго врага“

Но недолго командовалъ Врангель Кавказской Добровольческой арміей Обходя поѣзда съ больными, среди которыхъ преимущественно были тифозные, онъ заразился сыпнымъ тифомъ. Въ концѣ января болѣзнь обнаружилась въ очень тяжелой формѣ, и въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ Врангель долженъ былъ оставить руководство арміей Только въ серединѣ апрѣля, еще не вполнѣ оправившись, вернулся онъ къ войскамъ.

Обстановка на фронтѣ Деникина въ апрѣлѣ 1919 года рисовалась такъ:

Крымская армія ген. Боровскаго была вытѣснена изъ Крыма и удержалась съ трудомъ на Акманайскихъ позиціяхъ, съ тыломъ на Керчь и Керченскій перешеекъ.

Кавказская Добровольческая армія, которой за болѣзнью Врангеля, командовалъ начальникъ его Штаба, ген. Юзефовичъ, вела тяжелые бои въ Донецкомъ угольномъ бассейнѣ, и, казалось, готова была сдать и покатиться назадъ.

Донцы держали фронтъ по Донцу и Дону противъ IX красной арміи, стояли неподвижно, и только у Луганска дивизія Калинина одерживала частные успѣхи и нѣсколько умиротворяла тревожное настроеніе Екатеринодара, гдѣ располагалась Ставка Главнокомандующаго и находился центръ гражданскаго управленія. На правомъ флангѣ арміи и въ ея тылу положеніе было еще хуже:

Деникинъ, полагая главнымъ операціоннымъ направленіемъ Харьковъ—Москву, совершенно отказывался считаться съ обще-россійской обстановкой всего бѣлаго фронта, предоставилъ Колчака собственной судьбѣ и, вмѣсто того чтобы итти на Царицынъ и вдоль Волги на соединеніе съ адмираломъ, оставилъ безъ всякаго вниманія это важнѣйшее въ то время направленіе, и всѣ свои помыслы обратилъ на расширеніе территоріи къ сѣверу. Результатомъ этой ошибочной стратегіи было то, что красная X армія, полковника ген.-штаба Клюева двинулась отъ Царицына на западъ во флангъ и тылъ Добровольческой арміи, и къ серединѣ апрѣля своими передовыми конными частями была всего въ 11 верстахъ отъ Ростова. Еще въ январѣ мѣсяцѣ Врангель обращалъ вниманіе Главнокомандующаго на всю важность Царицынскаго направленія, — упрямый Деникинъ оставался глухъ ко всякимъ доводамъ. 4 апрѣля Врангель снова пишетъ объ этомъ Деникину.

Вотъ его рапортъ:

„Прибывъ въ Екатеринодаръ послѣ болѣзни, и подробно ознакомившись съ обстановкой, долгомъ службы считаю доложить слѣдующія мои соображенія:

„1. Главнѣйшимъ и единственнымъ нашимъ операціоннымъ направленіемъ, полагаю, должно быть направленіе на Царицынъ, дающее возможность установить непосредственную связь съ арміей адмирала Колчака.

„2. При огромномъ превосходствѣ силъ противника, дѣйствія одновременно по нѣсколькимъ операціоннымъ направленіямъ невозможны.

„3. Послѣ неудачной нашей операціи подъ Луганскомъ, мы на правомъ берегу Дона вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ лишь затыкаемъ дыры, теряя людей и убивая въ нихъ увѣренность въ своихъ силахъ.

„4. Въ ближайшемъ мѣсяцѣ на сѣверѣ и востокѣ Россіи наступаетъ распутица и, вопреки провокаціоннаго заявленія Троцкаго о необходимости перебрасывать силы противъ арміи адмирала Колчака, операціи на этомъ фронтѣ дол-

жны пріостановиться и противникъ получитъ возможность перебросить часть войскъ на югъ; используя превосходство силъ, противникъ самъ перейдетъ въ наступленіе отъ Царицына, при чемъ создастся угроза нашей базѣ.

„5. Необходимо вырвать наконецъ въ наши руки иниціативу и нанести противнику рѣшительный ударъ въ наиболѣе чувствительномъ для него направленіи.

„На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, полагалъ бы необходимымъ, отказавшись отъ активныхъ операцій на правомъ берегу Дона, ограничиться здѣсь лишь удержаніемъ линіи: устье Міуса—ст. Гундоровская, чѣмъ прикрывается ж. д. Новочеркасскъ—Царицынъ. Сокращеніе фронта на 135 верстъ (0,4 фронта занимаемаго нынѣ до Гундоровской) дастъ возможность снять съ праваго берега Дона находящіяся здѣсь части Кавказской Добрарміи, использовавъ ихъ для дѣйствій на главнѣйшемъ направленіи. Въ дальнѣйшемъ, наступая правымъ флангомъ, наносить главный ударъ Кавказской Добрарміей, дѣйствуя отъ Торговой вдоль линіи ж. д. на Царицынъ, одновременно конной массой въ двѣ-три дивизіи обрушиться на степную группу противника, и, по разбитіи ея,—двинуться на Черный Яръ и далѣе по лѣвому берегу Волги въ тылъ Царицына, выдѣливъ небольшую часть силъ для занятія Яшкульскаго узла и поднятія сочувствующаго намъ населенія Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпитъ, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпускаемую нами изъ рукъ иниціативу.

4 апрѣля 1919 г. № 82.

Генералъ-Лейтенантъ Врангель".

Печальнѣе всего, что ошибка допущенная Деникинымъ въ оцѣнкѣ главнѣйшаго операціоннаго направленія, сказала свое роковое вліяніе на весь ходъ гражданской борьбы: Колчакъ потерпѣлъ отдѣльное пораженіе подходя къ Волгѣ, не поддержавшій его Деникинъ раздѣлилъ ту же участь позже, подъ Орломъ.

Пріѣхавъ полубольной, съ опухшими отъ сыпного тифа ногами, Врангель сразу попалъ въ водоворотъ, гдѣ требовалось отъ него напряженіе всѣхъ силъ и принятіе неотложнаго рѣшенія, дабы сбросить съ арміи закинутую на ея шею петлю. Фронтъ лежалъ далеко впереди, къ тылу въ Екатеринодаръ шла единственная желѣзнодорожная линія черезъ Ростовъ и Батайскъ, угрожаемая каждую минуту быть перерѣзанной, и путь отхода — перехваченнымъ 20—30 тысячной арміей противника. Приказавъ Май-Маевскому держать пѣхотой донецкій узелъ путей, Командующій немедленно снялъ съ фронта конный корпусъ Покровскаго и направилъ его на Манычъ.

Рядомъ боевъ Покровскій отбросилъ передовыя части красныхъ за Манычъ, однако положеніе продолжало оставаться угрожающимъ.

Только теперь это сознали Деникинъ и его Штабъ. Рѣшено было сосредоточить крупную конную массу изъ семи казачьихъ дивизій, какъ противовѣсъ дивизіямъ Думенки и Буденнаго, придавъ этой конницѣ части пѣхоты, и поручить веденіе операціи Врангелю, находившемуся въ Ростовѣ.

1 мая Врангель прибылъ къ войскамъ на Манычъ. Здѣсь подъ его начальствомъ вновь собрались кубанцы, терцы и горцы,—тѣ войска, которыя очищали отъ большевиковъ свои родныя станицы на Кубани, брали Ставрополь, а въ декабрскихъ бояхъ разгромили XI Совѣтскую армію. И вотъ старые боевые товарищи вновь встрѣтились въ грозной конной массѣ, которую долженъ былъ повести впередъ ихъ начальникъ, въ котораго они такъ вѣрили.

Для обезпеченія успѣха предпринимаемой операціи, Врангель рѣшилъ переправить на правый берегъ Маныча возможно большее количество артиллеріи. Переправа была намѣчена въ 18 верстахъ къ востоку отъ Баранниковскаго, въ пунктѣ, гдѣ противникъ менѣе всего могъ ожидать этого. Все населеніе окрестныхъ деревень было мобилизовано для плетенія щитовъ, необходимыхъ при устройствѣ переправы черезъ топи Маныча.

На разсвѣтѣ 4 мая конница начала переправу.

Длинной лентой потянулись одинъ за другимъ конные полки, представляя пеструю, красочную картину. Всѣ народы Кавказа прислали своихъ конниковъ — кубанцы, терцы, кабардинцы, черкесы, карачаевцы, осетины, калмыки. Орудія везли крѣпкіе мулы — подарокъ англичанъ. Авіоотрядъ, подъ начальствомъ испытаннаго летчика полковника Ткачева, работалъ энергично и точно: ни одно движеніе противника не оставалось незамѣченнымъ. Куда бы ни уѣхалъ Командующій, гдѣ бы онъ ни остановился, вездѣ розыскивали его воздушныя птицы по георгіевскому штандарту. Одинъ за другимъ спускались пилоты къ штабу, докладывали свѣдѣнія о противникѣ и, получивъ новую задачу, снова взвивались на воздухъ.

Переправа конницы закончилась къ утру 4-го мая, а къ часу дня переправилась вся артиллерія.

1-ая Конная дивизія стремительной атакой овладѣла позиціей красныхъ на сѣверномъ берегу р. Маныча. Развивая успѣхъ, полки этой дивизіи заняли Баранниковскую переправу съ прочными мостами черезъ рѣку, что обезпечивало дальнѣйшій переходъ войскъ черезъ Манычъ.

На слѣдующій день бой возобновился. Казачья конница погнала противника къ Великокняжеской. Скоро все поле покрылось колоннами плѣнныхъ.

Взятые красноармейцы всячески старались подчеркнуть свою непричастность къ большевизму, отчетливо отдавали честь, называли всѣхъ офицеровъ „Ваше Превосходительство".

Казаки Запорожскаго коннаго полка вели нѣсколько сотъ плѣнныхъ красноармейцевъ.

„Спасибо за лихую работу, молодцы запорожцы", обратился къ казакамъ встрѣтившій ихъ Врангель.

„Рады стараться, Ваше Превосходительство", дружно отвѣчали красноармейцы.

Въ 5 часовъ вечера Врангель отдалъ приказъ начать общую атаку.

Впередъ двинулась 1-ая Конная дивизія, прорвала фронтъ красныхъ, и начала уже преслѣдованіе, когда со стороны станціи Ельмутъ во флангъ атакующихъ вышли подвезенные по желѣзной дорогѣ двѣ бригады непріятельской пѣхоты, а въ тылу появился конный корпусъ Думенки, спѣшно переброшенный красными для спасенія станицы Великокняжеской.

Вся X-я армія противника сама перешла въ рѣшительное наступленіе, тѣсня конницу къ болотистой долинѣ Маныча.

Тогда Врангель измѣнилъ первоначальное рѣшеніе и сдѣлалъ распоряженіе о перегруппировкѣ своихъ войскъ для отраженія удара. Переходя въ контръ-атаки и нанося непріятелю большія потери, въ теченіе цѣлаго дня онъ задерживалъ его, и къ ночи остановилъ лавину красныхъ, удержавъ переправу черезъ Манычъ въ своихъ рукахъ.

Положеніе заночевавшихъ на правомъ берегу Маныча войскъ было опасно въ томъ отношеніи, что въ тылу ихъ находилась единственная переправа Баранниковская, а противникъ все продолжалъ вливать изъ резерва свѣжія силы, накопляя ихъ для удара.

Въ силу этого рѣшено было перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, и съ разсвѣтомъ слѣдущаго дня атаковать противника.

Весь день 6 мая длился бой, и уже на закатѣ солнца, когда выяснилось что красные потрясены, рѣшено было завершить ихъ пораженіе конной атакой. Передъ началомъ ея Врангель объѣхалъ всѣ полки, ободряя войска. Подъѣхавъ къ 1-й Конной дивизіи, съ которой его связывало воспоминаніе первыхъ успѣховъ Добровольческой арміи, онъ подогрѣлъ настроеніе казаковъ нѣсколькими словами: „Буду смотрѣть на атаку родной дивизіи, надѣюсь, что она оправдаетъ былую славу"

Какъ на парадѣ построились полки въ линію колоннъ и стали переходить въ строй для атаки. Раздались звуки боевыхъ маршей, и съ развѣвающимися знаменами двинулась конная масса впередъ.

Поле битвы представило величественную и рѣдкую въ исторіи конницы картину: съ обѣихъ сторонъ принимали участіе не менѣе 20 тысячъ всадниковъ. Противникъ открылъ по атакующимъ убійственный огонь. Все небо покрылось дымомъ отъ разрывовъ шрапнелей, дождь гранатъ вздымалъ столбы пыли, трещали пулеметы и ружья...

Прошло нѣсколько минутъ, и полки скрылись въ облакахъ дыма...

Ничто не могло уже остановить порыва кавказской конницы, своевременно брошенной въ атаку. Врагъ былъ сломленъ, станица Великокняжеская взята. Красные стали отходить вдоль желѣзной дороги на Царицынъ.

Совсѣмъ стемнѣло. По дорогамъ потянулись раненые, еще не остывшіе отъ боя, всѣ бодрые и веселые.

„Лихо пошли", говорили кубанцы...

X-я армія красныхъ была окончательно разгромлена; изъ 30.000 штыковъ и сабель осталось около половины, да и тѣ были деморализованы и потеряли вѣру въ свой командный составъ. Все что могло, бѣжало на востокъ. Даже кавалеристы Думенко, если было возможно, бросали своихъ лошадей и вскакивали въ вагоны поѣздовъ, отходящихъ на Царицынъ.

Трофеи боя подъ Великокняжеской — 15.000 плѣнныхъ, 55 орудій, 150 пулеметовъ, бронированный поѣздъ и огромные обозы.

8-го мая всѣ войска манычскаго фронта были объединены подъ общимъ командованіемъ Врангеля и составили новую **Кавказскую армію.** Принимая ее, онъ обратился къ солдатамъ:

„Славныя войска Манычскаго фронта. Волею Главнокомандующаго, генерала Деникина, всѣ вы объединены подъ моимъ начальствомъ и намъ дано имя „Кавказская армія". Кавказъ — родина большинства изъ васъ; Кавказъ — колыбель вашей славы...

„Отъ Чернаго до Каспійскаго моря пронеслись вы, гоня передъ собой врага, — палящій зной и стужа, горы Кавказа и безлюдныя Ставропольскія степи не могли васъ остановить...

„Орлинымъ полетомъ пронесетесь вы и черезъ пустынную степь калмыковъ къ самому гнѣзду подлаго врага, гдѣ хранитъ онъ награбленныя имъ богатства — къ Царицыну, и вскорѣ напоите усталыхъ коней вашихъ водой широкой матушки Волги..."

Деникинъ, по взятіи Великокняжеской, въ директивѣ своей отъ 8 мая, кратко указалъ: „Генералу Врангелю овладѣть Царицыномъ".

Во исполненіе этой директивы, Командующій рѣшилъ использовать успѣхъ манычскаго разгрома противника, неутомимо гнать его и захватить Царицынъ.

Разбитые на Манычѣ красные, хотя и устремились назадъ къ Царицыну въ полномъ разстройствѣ и безпорядкѣ, но, передохнувъ, стали оказывать упорное сопротивленіе на цѣломъ рядѣ промежуточныхъ позицій.

Вся мѣстность отъ Маныча до Сарепты представляетъ изъ себя цѣлый рядъ параллельныхъ естественныхъ рубежей, въ видѣ рѣкъ и болотистыхъ ручьевъ. Часть этихъ естественныхъ преградъ, какъ напримѣръ р. Салъ, Курмоярскій Аксай и особенно Есауловскій Аксай были приведены противникомъ въ состояніе обороны, усилены колючей проволокой и окопами различныхъ профилей.

Задерживаясь на этихъ позиціяхъ, красные сдѣлали все возможное, чтобы затруднить движеніе Кавказской арміи.

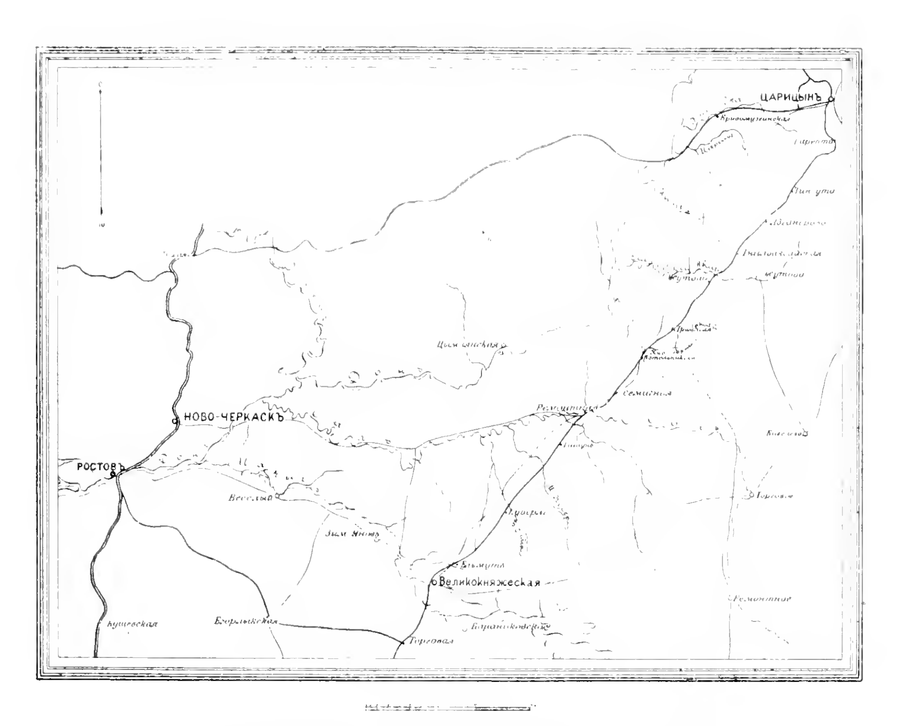
Конницѣ пришлось идти по маловодной степи, а на участкѣ Жутово-Червленная — по совершенно безводной пустынѣ. Приходилось везти съ собою воду въ бочкахъ. Случалось, что лошадей не поили по два дня, а казаки не получали хлѣба по 10 дней. Мѣстныя средства, всегда здѣсь скудныя, теперь совершенно отсутствовали, такъ какъ весь скотъ былъ угнанъ, а фуражъ сожженъ. Противникъ портилъ желѣзную дорогу, разрушалъ мосты, станціонныя зданія и водокачки, увозилъ стрѣлки.

Командующій могъ принять одно изъ двухъ рѣшеній: или пріостановить наступленіе, или продолжать гнать противника къ Царицыну. Первое представляло ту выгоду, что давало возможность войскамъ отдохнуть и устроить тылъ, однако оно позволяло и противнику устроиться и, подвезя подкрѣпленія, задерживать наступленіе Кавказской арміи.

Врангель остановился на второмъ рѣшеніи, правильно учитывая, что все движеніе къ Царицыну займетъ у него не менѣе трехъ недѣль, а въ теченіе этого времени будутъ исправлены разрушенные мосты, что дастъ возможность подвести пѣхоту и техническія средства, необходимыя для взятія Царицына.

Армія наступала на Царицынъ тремя корпусами. Первый корпусъ Покровскаго былъ направленъ вдоль линіи желѣзной дороги для преслѣдованія главныхъ силъ противника; другой корпусъ Улагая вправо отъ желѣзной дороги для нанесенія ударовъ въ тылъ. Третій корпусъ Шатилова оставался въ резервѣ Командующаго арміей.

Кромѣ этихъ корпусовъ въ составъ армiи входили Сводный и Донской корпуса, дѣйствовавшiе на лѣвомъ флангѣ. Сводный корпусъ, послѣ выполненiя возложенной на него задачи — отбросить противника за р. Салъ, — былъ расформированъ. Донскому корпусу надлежало разбить и уничтожить части красныхъ, дѣйствовавшiя между р. р. Саломъ и Дономъ, и выйти въ тылъ Донской ихъ группѣ. Послѣ переправы черезъ р. Донъ этотъ корпусъ вошелъ въ составъ Донской армiи.



Къ степному походу Кавказской армiи въ 1919 году.

11 мая колонны армiи подошли своими частями къ р. Салу, форсировали его и атаковали красныхъ на укрѣпленныхъ ими позицiяхъ. Противникъ оказалъ упорное сопротивленiе, но былъ сбитъ съ позицiи и продолжалъ отходить.

Тогда, въ соотвѣтствiи съ обстановкой, была произведена перегруппировка двухъ переднихъ корпусовъ: 2-й Кубанскiй корпусъ Улагая направился вдоль желѣзной дороги, а 1-й — Покровскаго пошелъ на лѣвомъ флангѣ уступомъ впереди.

15 мая армiя форсировала рѣку Курмоярскiй Аксай и взяла плѣнныхъ, орудiя и пулеметы.

17 мая противникъ, воспользовавшись разрывомъ между 1 и 2 Кубанскими корпусами, повелъ наступленіе въ обходъ лѣваго фланга 2 Кубанскаго корпуса и захватилъ часть его артиллеріи. Положеніе было возстановлено конной атакой, которую лично повелъ ген. Улагай.

На линіи Есауловскій Аксай у ст. Жутово непріятель, получивъ подкрѣпленіе, вновь пытался задержаться. Корпуса Покровскаго и Улагая вели въ теченіе двухъ сутокъ 20—22 мая непрерывные бои, но сломить сопротивленія противника не могли, и только влитые въ центръ полки 3-го корпуса рѣшили дѣло. Красные были сбиты и продолжали отходить къ Царицыну.

Однако всѣ эти успѣхи, сопряженные съ атаками укрѣпленныхъ позицій, дорого обошлись арміи, не имѣвшей нужныхъ средствъ для борьбы съ противникомъ, въ изобиліи пользовавшимся всѣми техническими преимуществами.

Врангель, послѣ боя на рѣкѣ Есауловскій Аксай, доносилъ Главнокомандующему: „Неиспользованіе полностью успѣха считаю преступленіемъ. То, что нынѣ можетъ быть достигнуто цѣною малой крови, въ будущемъ потребуетъ громадныхъ жертвъ. Для использованія успѣха одной доблести мало, конница можетъ дѣлать чудеса, но прорывать проволочныя загражденія не можетъ. Достиженіе конечной цѣли, безъ присылки мнѣ пѣхоты, тяжелой и легкой артиллеріи, выдвиженія въ неограниченномъ количествѣ огнестрѣльныхъ припасовъ и средствъ связи, главнымъ образомъ автомобилей, безъ которыхъ не въ состояніи управлять арміей, — невозможно, и сегодняшній день обратится въ Пиррову побѣду“.

При дальнѣйшемъ продвиженіи армія встрѣтила новое сопротивленіе на рубежахъ рѣкъ Царица и Червленная и у станціи Кривомузгинская.

Такимъ образомъ, послѣ трехнедѣльнаго крайне тяжелаго степного похода, пройдя около 300 верстъ, выдерживая на пути цѣлый рядъ упорныхъ боевъ, кавказская конница къ 1-му іюня подошла наконецъ къ передовымъ позиціямъ Царицына. Здѣсь назрѣвалъ генеральный бой, такъ какъ съ Царицыномъ связывались жизненные интересы обѣихъ сторонъ.

Понимая важность владѣнія этимъ городомъ, противникъ съ лихорадочной быстротой сосредоточивалъ къ нему свои войска.

Кромѣ остатковъ разбитой X-й арміи, сюда была стянута почти вся XI армія съ астраханскаго направленія. Съ фронта адмирала Колчака подошла дивизія коммунистовъ. Изъ 16 городовъ центральной Россіи подвезено 8.000 человѣкъ пополненія. Подошли отряды: Жлобы — въ 1500 человѣкъ и Думенко — изъ 8 полковъ конницы. Изъ Астрахани прибыли два миноносца. Суда и баржи волжской

флотиліи были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллеріей. Съ другихъ фронтовъ были сняты и посланы нѣсколько бронепоѣздовъ.

Царицынская укрѣпленная позиція была дѣйствительно очень сильна и опоясывала городъ нѣсколькими линіями. Окопы были усилены проволочными загражденіями въ 4—5 рядовъ. Сильная артиллерія надежно защищала подступы.

Между тѣмъ Кавказская армія состояла все изъ тѣхъ же трехъ корпусовъ, значительно убывшихъ въ своемъ личномъ составѣ. Ни пополненій, ни техническихъ средствъ еще не прибыло.

Командующій арміей рѣшилъ использовать достигнутый успѣхъ и на плечахъ отходящаго непріятеля ворваться въ Царицынъ. Наличіе у противника судовой артиллеріи побудило Врангеля удалиться отъ Волги и избрать направленіе удара на Царицынъ съ запада.

1-го іюня ударная группа корпуса Шатилова атаковала противника и заняла станціи Басаргино и Воропаново.

На слѣдующій день бой снова разгорѣлся. Развивая успѣхъ, войска стремительно атаковали красныхъ на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Однако, встрѣченныя сильнѣйшимъ огнемъ батарей и бронепоѣздовъ, вынуждены были отойти.

Громадныя потери, чрезвычайное утомленіе людей и лошадей, и отсутствіе снарядовъ заставило Командующаго отложить нанесеніе новаго удара до прибытія подкрѣпленій и техническихъ средствъ.

Между тѣмъ противникъ 4-го іюня повелъ наступленіе въ направленіи на ст. Воропаново и, пользуясь значительнымъ численнымъ и техническимъ превосходствомъ своихъ силъ, хорошо развитыми путями царицынскаго узла, позволяющими быстро производить переброску войскъ, оттѣснилъ армію отъ Царицына.

Чтобы не нести потерь отъ непосредственной близости къ укрѣпленной позиціи, рѣшено было оттянуть назадъ войска къ линіи р. Червленная и Карповка, упираясь правымъ флангомъ въ Сарепту.

Противникъ ликовалъ. Царицынская красная пресса захлебывалась отъ восторга по поводу успѣха, наполняя столбцы газетъ нецензурной бранью по адресу „золотопогонниковъ“ и „деникинскихъ бандъ“.

Комиссаръ города Литвиненко помѣстилъ передовую статью **„Царицынский орех“,** которую приводимъ съ сохраненіемъ орфографіи:

„Стремясь разорвать на части измученную долгими годами грудь рабочего и крестьянина, шакалы старого царского строя наострили свои волчьи зубы. Но, несмотря ни на что, эти зубы уже четыре раза с трескомъ ломались от при-

косновения к стально-революционной скорлупе Царицинского ореха. Теперь ломаются они уже в пятый раз. Разбойники деникинских банд снова это чувствуют, они должны проиграть и на этот раз. Сук, на котором они сидят, уже трещит, ломается, с корнем выворачиваются их проклятые зубы. Славная железная красная армия, боевой революционный флот и вес Царицынский рабочий класс и на сей раз должны вырвать у проклятых разбойников не только зубы, но самые челюсти, из которых выростают эти волчьи зубы. Смерть разбойникам. Да здравствует красный Царицын, эта твердыня русской и мировой революции. Пусть наша доблестная Красная Армия и наш боевой революционный флот золотыми буквами впишут в историю мировой революции новую страницу героизма, мужества, доблести и беззаветной преданности великому делу революции и борьбы за счастье и лучшую долю исстрадавшихся, истерзанных капиталистическим строем трудящихся масс. Пусть над Красным Царицыном вечно развеваются наши святые боевые революционные знамена победы, свободы и счастья русского и всего мирового пролетариата."

Командармъ Клюевъ, „коммунистъ" изъ офицеровъ Генеральнаго штаба, благодарилъ войска, отстоявшія „Красный Верденъ".

Но торжествуя побѣду, красное командованіе чувствовало, что скопившіяся тучи лишь временно разрядились, что послѣдуетъ новый ударъ грома, а потому готовились, накопляя силы и продолжая въ то же время эвакуацію по Волгѣ на баржахъ цѣннаго имущества и заложниковъ.

Къ 10-му іюня противникъ имѣлъ подъ Царицыномъ 16.000 штыковъ, 5.000 сабель, 119 орудій, 6 бронепоѣздовъ. Кромѣ того, на Волгѣ стояла рѣчная флотилія изъ 4 дивизіоновъ катеровъ и понтоновъ и 9 канонерокъ и миноносцевъ.

За два дня до начала второго наступленія Кавказской арміи, въ Царицынъ прибылъ полкъ 2-ой дивизіи красныхъ, переброшенный изъ Уфы черезъ Саратовъ, и въ дальнѣйшемъ ожидалась вся 2-я дивизія.

Планъ обороны города вырабатывался революціоннымъ военнымъ совѣтомъ, который вѣдалъ и оперативными вопросами, причемъ рѣшающій голосъ принадлежалъ политическому комиссару, имѣвшему большее значеніе, чѣмъ самъ Клюевъ.

Послѣдній уже послѣ перваго наступленія понялъ, что красная армія не удержитъ Царицына. И въ этомъ смыслѣ онъ донесъ:

„Считаю болѣе выгоднымъ сохранить армію, чѣмъ защищать, сидя въ окопахъ, городъ, ибо съ потерей города потеряемъ и армію."

Но коммунистическая партія, во главѣ съ матросами, имѣла свое сужденіе и послала Ленину телеграмму, въ которой клялась, что будетъ защищать Царицынъ „до послѣдней капли коммунистической крови". Впослѣдствіи оказалось, что члены партіи не только не пролили своей крови, но первыми бѣжали изъ Царицына.

Изъ Москвы послѣдовалъ приказъ:

„Держаться во чтобы то ни стало".

Помня, что при первомъ наступленіи Врангель стремился охватить правый флангъ красныхъ, Клюевъ придалъ особое значеніе этому флангу и его, главнымъ образомъ, насытилъ войсками. Не имѣя вѣры въ свою армію, въ особенности въ пѣхоту, и чувствуя, что она можетъ побѣжать, Клюевъ принятымъ рѣшеніемъ обезпечилъ себѣ болѣе или менѣе безболѣзненный отходъ на сѣверъ и по Волгѣ.

Къ 9-му іюля въ Кавказскую армію стали прибывать подкрѣпленія и техническія средства: части 7-й пѣхотной дивизіи, бронепоѣзда и танки.

При первомъ наступленіи (1-го іюня) атака велась на центръ укрѣпленной позиціи въ направленіи Басаргино-Воропаново. Здѣсь армія понесла большія потери, такъ какъ на этомъ участкѣ у непріятеля оказалось значительное количество артиллеріи — свыше 50 орудій.

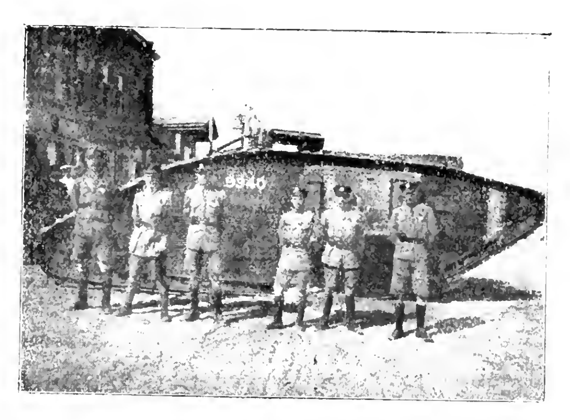
Чтобъ ввести противника въ заблужденіе, Врангель выработалъ чрезвычайно смѣлый планъ: совершенно обнажить свой центръ почти на 25 верстъ, и сосредоточивъ $^3/_4$ силъ на крайнемъ правомъ флангѣ, этимъ кулакомъ нанести ударъ вдоль Волги по лѣвому крылу непріятеля. Лѣво-фланговый корпусъ долженъ былъ отрѣзать пути отступленія на сѣверъ.

Атака Царицына съ юга являлась, конечно, тактически невыгодной, такъ какъ пути отхода противника шли на сѣверъ. Но полученныя арміей могучія средства борьбы — танки и бронепоѣзда, тѣсно связанные въ своихъ дѣйствіяхъ съ желѣзной дорогой, подходившей отъ Великокняжеской къ Царицыну съ юга, — приковывали армію къ этой послѣдней.

Днемъ 14-го іюня войска получили слѣдующую директиву:

„Приказываю группѣ генерала Улагая (2 Кубанскій корпусъ со всѣми приданными къ нему частями, и 4 Конный корпусъ) прорвать фронтъ противника и, развивая затѣмъ наступленіе вдоль желѣзной дороги Сарепта-Царицынъ, овладѣть Царицыномъ съ юга. І-му Кубанскому корпусу, выдѣливъ часть силъ для обезпеченія маневра съ сѣвера, наступать въ общемъ направленіи на Разсошинскій — Гумракъ, дабы прижать противника къ Волгѣ и отрѣзать ему путь отхода на сѣверъ. Начало общаго наступленія съ разсвѣтомъ 16-го іюня".

Въ ночь на 16 іюня ударная группа Улагая построила свой боевой порядокъ: въ центрѣ и впереди 4 танка съ 3 броневыми автомобилями; непосредственно за ними пѣхота — 7-ая дивизія и пластунская бригада; въ резервѣ два конныхъ корпуса; на правомъ флангѣ 3 бронепоѣзда и 3-я Кубанская дивизія.



Англійскій танкъ — передъ атакой царицынской укрѣпленной позиціи, съ англійской командой.

Наканунѣ боя англійская команда инструкторовъ обратилась къ Командующему съ просьбой оказать ей честь разрѣшить участвовать на одномъ изъ танковъ въ штурмѣ позиціи. Врангель поблагодарилъ, и поручилъ общее управленіе всѣми танками маіору англійской службы Бруссу.

Около 2 часовъ ночи танки двинулись впередъ, въ направленіи на деревню Копани, раздавили проволочныя загражденія и разошлись — малые вправо, большіе, гдѣ находились англичане, — влѣво, разстрѣливая побѣжавшую въ паникѣ пѣхоту. Непріятельская артиллерія встрѣтила танки огнемъ. Градъ шрапнелей и гранатъ рвался вокругъ танковъ, засыпая ихъ осколками. Много офицеровъ было ранено. Одному изъ англичанъ капитану Волшу снесло локоть. Но это не мѣшало танкамъ освобождать подъ огнемъ гусенницу отъ проволочной паутины, обвивавшей танки какъ кокономъ, и повсюду итти впереди пѣхоты.

Въ 3 ч. 20 м. утра фронтъ у деревни Копани былъ окончательно прорванъ и пѣхота, а за ней и кавалерія, устремилась туда.

Смѣло повели наступленіе броневые автомобили, подъ командой капитана Рауера. Видя, что противникъ въ центрѣ бѣжитъ, помчались они къ лѣвому флангу ударной группы и, наведя здѣсь на красныхъ панику, облегчили конницѣ Шатилова безъ потерь занять станцію Воропаново.

На правомъ флангѣ ударной группы 3-я Кубанская дивизія, при помощи бронепоѣздовъ, сбила непріятеля у ст. Бекетовки и отбросила къ Ельшанкѣ.

Послѣ прорыва позиціи противника у Копани, онъ отошелъ на вторую и вмѣстѣ послѣднюю свою укрѣпленную позицію, расположенную на высотахъ южнѣе и юго-западнѣе Царицына.

Если бы конный корпусъ Шатилова, занявшій Воропаново, повернулъ на востокъ и атаковалъ красныхъ, Царицынъ, можетъ быть, палъ бы въ тотъ же день. Но Шатиловъ не проявилъ должной инициативы, а Улагай, получивъ неточное донесеніе о сосредоточеніи кавалеріи противника въ тылу, отвелъ часть конницы къ сел. Басаргино, вслѣдствіе чего благопріятный моментъ былъ упущенъ, и обстановка перемѣнилась.

Въ то время, какъ развивался бой на участкѣ ударной группы Улагая, корпусъ Покровскаго, послѣ артиллерійской подготовки, перешелъ въ наступленіе въ общемъ направленіи на Котлубань, но успѣха не имѣлъ. Въ 3 часа дня Покровскій повторилъ атаку, прорвалъ фронтъ и совершенно разгромилъ красныхъ, взявъ 5 000 плѣнныхъ и 8 орудій. Хотя части этой группы и были почти уничтожены, но вслѣдствіе плохого пониманія Покровскимъ общаго положенія, пути на сѣверъ въ этотъ день отрѣзаны не были, и эвакуація по Волгѣ продолжалась.

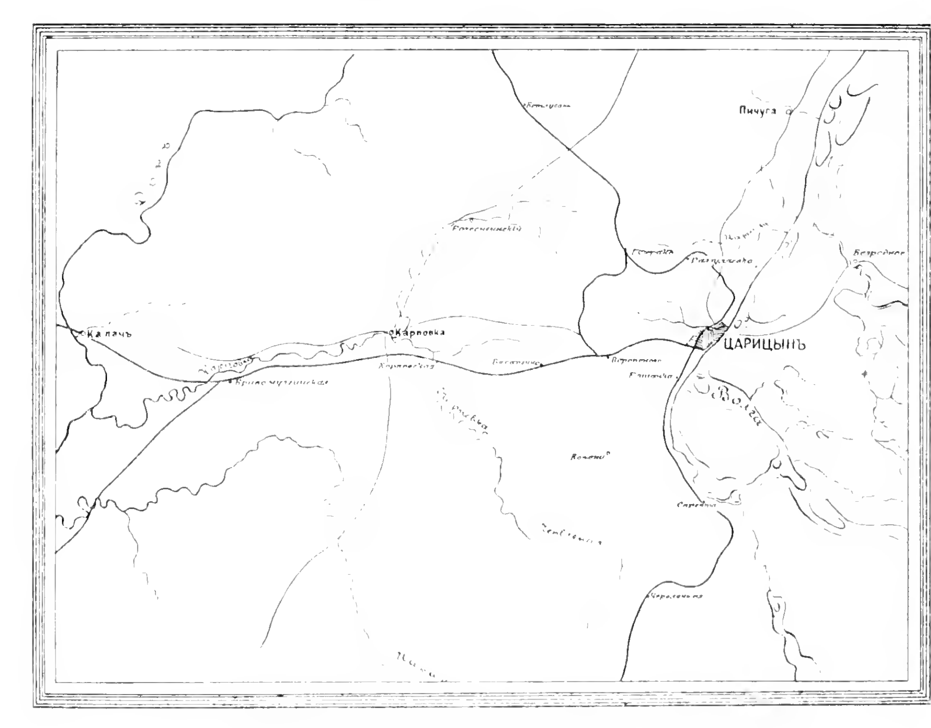
Такимъ образомъ, бой 16-го іюня хотя и далъ Кавказской арміи большіе трофеи, но не былъ рѣшительнымъ, благодаря ошибкамъ старшихъ начальниковъ.

Стратегическое положеніе красныхъ ко второму дню оказалось далеко не безнадежнымъ и давало Клюеву возможность вывести остатки войскъ изъ боя, такъ какъ путь отступленія вдоль Волги оставался свободнымъ.

День 17-го іюня до вечера прошелъ въ относительномъ бездѣйствіи по той причинѣ, что начальникъ ударной группы Улагай впалъ въ состояніе прострации, иногда ему свойственной. Врангель видѣлъ это и съ трудомъ сдерживался, чтобъ не вмѣшаться въ распоряженія своего подчиненнаго. Успѣхъ дѣла рѣшилъ смѣлый начальникъ 3 Кубанской дивизіи, полковникъ Мамоновъ, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ бронепоѣздами на крайнемъ правомъ флангѣ, вдоль Волги. Не дожидаясь назначеннаго часа атаки, Мамоновъ выдвинулъ впередъ въ 2 часа дня бронепоѣзда „Орелъ“, „Единую Россію“ и „Атамана Каледина“, и началъ обстрѣлъ царицынскаго вокзала, гдѣ стояли и дѣйствовали бронепоѣзда „Ленинъ“ и „Троцкій“. А затѣмъ посадилъ свою дивизію на коней и лично повелъ ее въ атаку на южную окраину города. Бойко помчались впередъ „тачанки“ съ пулеметами, не

обращая вниманія на ружейный огонь красныхъ, а за ними пошли рѣдкія цѣпи спѣшенныхъ казаковъ. Черезъ полчаса пѣхота непріятеля была сбита и казаки овладѣли крайними домами. Вслѣдъ за пѣшими влетѣла въ городъ конная бригада — Кавказцы и Черноморцы.

Въ это же время полки 7-ой дивизіи, прорвавъ наконецъ фронтъ противника, обратившагося въ бѣгство, вошли въ южную часть города; немного позже конница Шатилова овладѣла станціей Гумракъ.



Къ царицынской операціи.

Царицынъ палъ.

Разбитый на всѣхъ участкахъ противникъ вынужденъ былъ искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи на сѣверъ.

Съ какимъ напряженіемъ и героизмомъ велись бои, свидѣтельствуютъ потери Кавказской арміи въ старшихъ начальникахъ: убито и ранено 5 начальниковъ дивизій, 2 командира бригадъ и 11 командировъ полковъ.

Все населеніе Царицына, безъ исключенія, встрѣтило войска съ радостью и колокольнымъ звономъ, какъ своихъ избавителей. Всѣ рабочіе остались на мѣстахъ и продолжали безостановочно работы.

Въ 12 часовъ дня 19-го іюня Командующій прибылъ въ Царицынъ. У входа въ кафедральный соборъ онъ былъ восторженно привѣтствованъ населеніемъ города. Переполненный тысячами людей храмъ, долгіе мѣсяцы остававшійся закрытымъ, едва вмѣстилъ небольшую часть стремящагося помолиться народа.

По окончаніи богослуженія Врангель, окруженный тысячами жителей, обратился къ нимъ со словами:

„Граждане Царицына. Тяжелый гнетъ продолжаетъ нести истерзанная родина. Кучка предателей безжалостно льетъ дорогую намъ русскую кровь. Позоръ покрылъ родную землю.

Народъ привѣтствуетъ Командующаго Кавказской арміей послѣ молебствія въ царицынскомъ кафедральномъ соборѣ.

„Наша нѣкогда непобѣдимая русская армія, отъ одного имени которой трепетали враги, превратилась въ толпу насильниковъ, забывшихъ совѣсть, честь и человѣческое достоинство. Мы обратились въ кучку рабовъ. Начинало казаться, что нѣтъ Россіи, исчезла и стерлась вѣра въ Бога, нѣтъ права и правды. Но это не такъ.

„Великъ русскій народъ. Онъ свергъ въ свое время вѣковое татарское иго, свергнетъ онъ и настоящую напасть и сброситъ насильниковъ комиссаровъ. Кучка негодяевъ бросаетъ въ толпу лозунги, заставляя исповѣдывать ихъ подъ штыками латышей и китайцевъ. Покрывъ позоромъ націо-

нальное трехцвѣтное русское знамя, они вывѣсили красныя тряпки, какъ символъ свободы. Вамъ, граждане Царицына, несемъ мы истинную свободу, мы несемъ вамъ право исповѣдывать свою вѣру, молиться въ святыхъ храмахъ; и недалекъ тотъ часъ, когда благовѣстъ церквей Харькова, Царицына и Курска покроется торжественнымъ звономъ колоколовъ Первопрестольной Москвы, и снова возрадуется Великая православная Русь. За это свѣтлое будущее, за возстановленіе Великой Россіи отъ всего сердца провозглашаю „ура".

На другой день въ экстренномъ поѣздѣ пріѣхалъ въ Царицынъ Деникинъ со штабомъ, въ сопровожденіи французскаго атташе. Тѣ же народныя оваціи были проявлены по адресу Главнокомандующаго. Жители всѣхъ слоевъ населенія искренне ликовали, вѣря въ свое окончательное освобожденіе. Послѣ всѣхъ офиціальныхъ торжествъ,—пріема депутацій и парада войскамъ, Деникинъ, его начальникъ штаба Романовскій, генералъ-квартирмейстеръ Плющевскій-Плющикъ и Врангель прошли въ вагонъ Главнокомандующаго, гдѣ приступили къ чтенію новаго оперативнаго приказа — историческаго документа, — получившаго въ добровольческихъ кругахъ названіе „*Московская директива*".

Въ этомъ приказѣ ярко сказалось все военное дарованіе Деникина, его необыкновенная самоувѣренность, и непониманіе всѣхъ размѣровъ гигантской работы, предпринятой краснымъ командованіемъ внутри Россіи и въ его, Деникина, тылу.

Правда, манычская побѣда имѣла слѣдствіемъ пораженіе не только X арміи, но и сдвигъ всего Южнаго краснаго фронта, однако это произошло за счетъ усиленія противникомъ своихъ сибирскихъ войскъ, погнавшихъ разстроенные корпуса адмирала Колчака черезъ Уральскій хребетъ, на востокъ.

Деникинъ обязанъ былъ отдать себѣ отчетъ, что разгромъ Колчака усиливалъ въ ближайшіе же мѣсяцы его непосредственнаго противника по крайней мѣрѣ на 3-4 арміи, — всего противъ Колчака было пять, — тогда какъ онъ самъ не только не имѣлъ ни одного солдата въ стратегическомъ резервѣ, но и тѣ войска, что были въ его боевой линіи, движеніемъ впередъ на широчайшемъ фронтѣ распылялъ, превращая ихъ въ тонкую паутину.

Въ этой безграмотной, въ военномъ отношеніи, „Московской" директивѣ преданы забвенію всѣ принципы стратегіи и существеннѣйшій изъ нихъ — сосредоточеніе силъ на одномъ главномъ направленіи. Деникинъ буквально повторилъ извѣстнаго австрійскаго военачальника Вейротера: „Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert" и т. д.

Главнокомандующій въ Царицынѣ.

Слѣва отъ ген. Деникина — ген. Врангель, справа — н-къ штаба ген. Романовскій. Верхомъ впереди — герой Царицына полк. Мамоновъ.

Вотъ эта директива:

„Вооруженныя силы Юга Россіи, разбивъ арміи противника, овладѣли Царицыномъ, очистили Донскую область, Крымъ и значительную часть губерній Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

„*Имѣя конечной цѣлью захватъ сердца Россіи — Москвы, приказываю:*

„1) Генералу Врангелю выйти на фронтъ Саратовъ-Ртищево-Балашевъ, смѣнить на этихъ направленіяхъ донскія части, и продолжать наступленіе на Пензу, Рузаевку, Арзамасъ и далѣе: Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Москву.

„Теперь же направить отряды для связи съ Уральской арміей, и для очищенія нижняго плеса Волги.

„2) Генералу Сидорину правымъ крыломъ, до выхода войскъ генерала Врангеля, продолжать выполненіе прежней задачи по выходу на фронтъ Камышинъ-Балашевъ. Остальнымъ частямъ развивать ударъ на Москву въ направленіяхъ: а) Воронежъ, Козловъ, Рязань и б) Н. Осколъ, Елецъ, Волово, Кашира.

„3) Генералу Май-Маевскому наступать на Москву въ направленіи: Курскъ, Орелъ, Тула. Для обезпеченія съ запада — выдвинуться на линію Днѣпра и Десны, занявъ Кіевъ и прочія переправы на участкѣ Екатеринославъ-Брянскъ.

„4) Генералу Добророльскому выйти на Днѣпръ отъ Александровска до устья, имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ занятіе Херсона и Николаева.

„5) Генераламъ Тяжельникову и Эрдели — продолжать выполненіе ранѣе поставленныхъ задачъ.

„6) Черноморскому флоту содѣйствовать выполненію боевыхъ задачъ генераловъ Тяжельникова и Добророльскаго и блокировать портъ Одессу.

„7) Разграничительныя линіи: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской арміей — прежняя, б) между Кавказской и Донской арміями — Калачъ, граница Донской области, Балашевъ, Тамбовъ, Моршанскъ, всѣ пункты для Донской арміи, в) между Донской и Добровольческой арміями — Славяносербскъ, Старобѣльскъ, Валуйки, Короча, Щигры, Кашира — всѣ пункты для Донской арміи, г) между Добровольческой арміей и 3 корпусомъ — сѣверная граница Таврической губерніи — Александровскъ.

„8) Желѣзная дорога Царицынъ — Поворино — Балашевъ предоставляется въ общее пользованіе Кавказской и Донской арміямъ.

„Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ.

„Царицынъ, 20 іюня 1919 года. НР. 08878."

Вслѣдъ за Главнокомандующимъ вскорѣ въ Царицынъ прибылъ Начальникъ англійской миссіи при Деникинѣ — генералъ Хольманъ. Онъ привезъ ордена, пожалованные англійскимъ королемъ Врангелю и всѣмъ особо отличившимся чинамъ Кавказской арміи.

По этому случаю былъ произведенъ парадъ войскамъ въ присутствіи англичанъ, участвовавшихъ во взятіи Царицына. Послѣ парада Хольманъ, возлагая на Врангеля орденъ, произнесъ привѣтственную рѣчь:

Танкъ съ русскими офицерами парадируетъ передъ ген. Деникинымъ въ Царицынѣ.

„Ваше Превосходительство. По представленію генерала Деникина, Его Величество Король Англіи соизволилъ наградить Васъ знакомъ отличія рыцарской степени высокочтимаго ордена Святого Михаила и Георгія.

„Для меня большая честь имѣть возможность вручить этотъ орденъ Вамъ здѣсь, на мѣстѣ вашихъ побѣдъ, въ присутствіи храбрыхъ войскъ, которыми Вы такъ доблестно командуете. Сожалѣю только, что разстояніе лишаетъ Его Величество возможности лично передать Вамъ эти орденскіе знаки.

„Его Величество наградилъ Васъ этимъ орденомъ за храбрость и за блестящую службу во время войны.

„Въ непоколебимой вѣрности Родинѣ и союзникамъ, Вы стойко боролись противъ нѣмцевъ до побѣды надъ ними, и

Вы боретесь теперь также стойко *противъ нашего общаго врага — большевизма.*

„Прошу Васъ принять мои искреннія поздравленія. Надѣюсь, что этотъ орденъ будетъ всегда напоминать Вамъ, что британская армія слѣдитъ съ восхищеніемъ за Вашими подвигами".

Вечеромъ, послѣ ужина въ честь англичанъ, по кавказскому обычаю, произошелъ торжественный обмѣнъ оружіемъ между Врангелемъ и Хольманомъ. Благодаря Командующаго за рѣдкую кавказскую шашку въ серебряныхъ ножнахъ, глава англійской миссіи между прочимъ сказалъ: „Я долго прожилъ въ Россіи до войны. Я люблю ваши степи, ваши долины, мнѣ дорого ваше гостепріимство, ваша русская рѣчь. Я увѣренъ что не долго то время, когда вашъ народъ сброситъ съ себя цѣпи большевизма и заживетъ новой свободной жизнью".

Остатки разбитаго подъ Царицыномъ противника стали спѣшно отходить на сѣверъ, по направленію къ Камышину.

Кавказская армія, не взирая на свои потери и чрезмѣрное утомленіе людей и лошадей, послѣ почти 1½ мѣсячнаго, крайне тяжелаго степного похода, съ непрерывними боями, продолжала, во исполненіе директивы Главнокомандующаго, преслѣдовать врага. Нѣсколько разъ противникъ пытался задержаться на выгодныхъ для него позиціяхъ, но былъ сбиваемъ и продолжалъ отходить къ Камышину.

Для обезпеченія праваго фланга арміи, для дѣйствія на пути сообщенія астраханской группы красныхъ и, наконецъ, имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ войти въ связь съ уральцами, на лѣвый берегъ Волги была переброшена въ раіонѣ Царицына 3-я Кубанская дивизія. —

Въ періодъ времени съ 28-го іюня по 11-ое іюля, включительно, части арміи вели упорные бои за овладѣніе подступами къ Камышину.

Къ вечеру 11-го іюля армія заняла исходное положеніе для атаки.

На разсвѣтѣ 12-го іюля началось сраженіе. Противникъ, задерживаясь въ каждомъ укрѣпленномъ пунктѣ позиціи, оказывалъ упорное сопротивленіе. Только 15-го іюля красные, окруженные со всѣхъ сторонъ и прижатые къ Волгѣ, прекратили сопротивленіе и стали искать спасенія въ бѣгствѣ.

При взятіи Камышина захвачено 13.000 плѣнныхъ, 43 орудія, пулеметы, большое количество снарядовъ и патроновъ.

Отъ Камышина преслѣдованіе продолжалось. Въ трехдневномъ бою 22 — 24 іюля Покровскій отбилъ всѣ атаки подошедшей конницы Буденнаго.

До Саратова оставалось не болѣе 80 верстъ.

Противникъ, учитывая возможность общаго пораженія, въ случаѣ паденія Саратова, сталъ уже послѣ потери Царицына спѣшно перебрасывать къ Волгѣ массы войскъ, пользуясь для этого своими успѣхами на Сибирскомъ фронтѣ.

Къ этому времени красные далеко оттѣснили армію адмирала Колчака, вслѣдствіе чего явилась возможность снять оттуда нѣсколько дивизій. Разбитая Х-я армія пополнилась прибывающими изъ центра укомплектованіями, а также мобилизованными—изъ населенія прифронтовой полосы. Въ нее влились прибывшія коммунистическія части, матросскіе полки и 5 новыхъ полковъ конницы. Появились и техническія средства, въ видѣ броневыхъ автомобилей, аэроплановъ и новыхъ пароходовъ съ мощной артиллеріей. Напрягая такимъ образомъ крайнюю энергію, противникъ къ серединѣ іюля успѣлъ сосредоточить на саратовскомъ направленіи массу въ 40.000 человѣкъ, получивъ громадный численный перевѣсъ надъ Кавказской арміей.

Между тѣмъ армія Врангеля, неся постоянно потери и не получая пополненій, въ нѣсколько разъ уменьшилась въ своемъ составѣ.

Непріятель болѣе чѣмъ въ 10 разъ превосходилъ ее своею численностью.

Недостатокъ надежныхъ и удобныхъ коммуникаціонныхъ линій затруднялъ снабженіе арміи и подвозъ пополненій. Единственный удобный путь — Волга, вслѣдствіе отсутствія у Кавказской арміи флота и наличія таковаго у красныхъ, — былъ въ полномъ распоряженіи противника.

Обращенія Врангеля къ Главнокомандующему, съ просьбой о высылкѣ подкрѣпленій, оставались безрезультатными.

Деникинъ, упоенный успѣхами на орловскомъ направленіи, торжественно встрѣченный въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, уже близкій въ Кіеву и Курску, какъ бы забылъ о заброшенныхъ въ волжскіе пески казакахъ и кавказцахъ, и оставался глухъ къ просьбамъ о присылкѣ свѣжихъ частей.

На призывъ о помощи откликнулся Сѣверный Кавказъ, выславшій отъ своихъ горскихъ племенъ Ингушскую и Дагестанскую конныя бригады. Къ сожалѣнію, эти части, при всей воинственности, были совершенно небоеспособны: невооруженныя, неодѣтыя, необученныя, безъ снаряженія и обозовъ, онѣ требовали еще много времени и трудовъ, для обращенія ихъ въ боевыя единицы.

Кубань, служившая главнымъ источникомъ пополненія Кавказской арміи, обладавшая еще богатыми средствами, для матеріальной помощи арміи, стала однако изсякать въ запасѣ людей и лошадей. Всѣ просьбы и требованія, направлявшіяся къ Кубанскому Краевому Правительству, раздираемому уже въ то время внутреннимъ политиканствомъ, оставались безъ отвѣта.

Тылъ сталъ неотзывчивъ къ нуждамъ фронта.

Тогда было принято рѣшеніе: чтобы сберечь армію, впредь до прибытія подкрѣпленій избѣгать рѣшительныхъ боевъ, и начать медленный отходъ, задерживаясь на каждомъ рубежѣ и нанося лишь короткіе удары противнику, въ цѣляхъ выигрыша времени.

28-го іюля Врангель донесъ о своемъ рѣшеніи Главнокомандующему слѣдующей телеграммой:

„Таганрогъ. Главкому. — Противникъ продолжаетъ спѣшно сосредоточивать части къ Саратову: съ Уральскаго фронта переброшена 22 стрѣлковая дивизія, изъ Нижняго-Новгорода отряды волжскихъ матросовъ, изъ Казани и Самары — шестнадцать легкихъ и тяжелыхъ батарей, прибыло изъ внутреннихъ губерній шесть тысячъ пополненія, за счетъ которыхъ возстановлены вторая бригада 2-ой дивизіи и полностью 38 дивизія, сформированы въ саратовскомъ раіонѣ 2 бригада 34 дивизіи, 5-я Отдѣльная стрѣлковая бригада и Николаевскій батальонъ. Обстановка повелительно требуетъ полнаго использованія камышинской побѣды и неустаннаго продвиженія на Саратовъ, дабы не дать краснымъ закончить сосредоточеніе и вырвать у насъ иниціативу. Однако полное разстройство снабженія, вслѣдствіе невозможности имѣть впредь до паденія Астрахани водный транспортъ, крайнее истощеніе частей Кав振арміи, сдѣлавшей за 3 мѣсяца съ непрерывными боями болѣе тысячи верстъ, и огромный некомплектъ въ единственно боеспособныхъ кубанскихъ частяхъ исключаетъ возможность дальнѣйшаго продвиженія Каварміи на Саратовъ. На военномъ совѣтѣ Комкоровъ, собранномъ мною вчера въ Каменномъ Оврагѣ, дальнѣйшее продвиженіе на сѣверъ единогласно признано невозможнымъ. Съ болью въ сердцѣ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія Каварміи и отдать директиву объ отходѣ. На поддержку сѣверной группы Каварміи выдвигаю 3 полка 6-й дивизіи, прибытіе которыхъ на фронтъ могу ожидать не ранѣе 15 августа. Части съ тяжестями слѣдуютъ походомъ.

„Камышинъ, 28 іюля 1919 года, № 193. Врангель“.

На другой день Врангель обратился къ Деникину съ оффиціальнымъ письмомъ, положившимъ начало тому отчужденію между обоими, которое впослѣдствіи привело къ окончательному разрыву,

„Генералу Деникину 29 іюля 1919 года, № 3:

„Милостивый Государь, Антонъ Ивановичъ.

„Въ минуту, казавшейся неизбѣжной, гибели Великой Россіи, когда армія развалилась, общество трусливо попряталось по угламъ, и обезумѣвшій народъ грабилъ и жегъ родную землю, Вы подняли выпавшее изъ рукъ убитаго генерала Корнилова знамя „спасенія Родины“. Подъ сѣнь этого знамени стеклись тѣ, кто не потеряли еще вѣры въ спасеніе Россіи, кто, вѣря въ Васъ, шелъ за Вами на служеніе родной землѣ.

„Въ числѣ ихъ былъ и я. Скоро годъ, какъ я въ рядахъ арміи иду за Вами, страдая душой при видѣ потоковъ русской крови, пролитыхъ братской рукой, при видѣ мерзости запустѣнія родной земли, но незыблемо вѣря въ свѣтлое будущее Россіи. Служа съ Вами одному великому дѣлу, являясь нынѣ однимъ изъ Вашихъ ближайшихъ помощниковъ, и проживъ цѣлый годъ въ рядахъ водимыхъ Вами войскъ, я связанъ съ Вами, какъ солдатъ. Какъ человѣкъ, я обязанъ Вамъ тѣмъ неизмѣнно сердечнымъ отношеніемъ, которое особенно чувствовалъ во время перенесенной мною смертельной болѣзни.

„Всю жизнь свою я честно и прямо высказывалъ свои убѣжденія, и почиталъ бы безчестнымъ нынѣ затаить „камень за пазухой“ и не высказать Вамъ все, что наболѣло у меня на душѣ.

„6 мая моя армія разбила противника подъ Великокняжеской и погнала его къ Царицыну. Учитывая значеніе послѣдняго, красные дѣлали отчаянныя усилія зацѣпиться за одинъ изъ многочисленныхъ естественныхъ рубежей, спѣшно укрѣпляя ихъ, и одновременно лихорадочно перебрасывали къ Царицыну подкрѣпленія. Отходя, противникъ портилъ желѣзную дорогу, взрывая желѣзнодорожныя сооруженія и мосты, унося стрѣлки и т. д. Мѣстность, и безъ того скудная средствами, противникомъ при отходѣ опустошалась, скотъ угонялся и запасы сѣна сжигались. Передо мной стала задача: или продвигаться по мѣрѣ исправленія желѣзнодорожнаго пути и налаживанія своего тыла, послѣдовательно сбивая противника съ ряда рубежей, или, полностью использовавъ успѣхъ, гнать врага безостановочно моей конницей съ тѣмъ, чтобы подъ Царицыномъ свѣжими силами нанести ему сокрушительный ударъ.

„Я принялъ послѣднее рѣшеніе. 8 мая, докладывая Вамъ въ Торговой мои соображенія о предстоящей операціи, я просилъ своевременно усилить меня техническими средствами, артиллеріей и пѣхотой, что и было мнѣ обѣщано. Трехнедѣльный походъ съ безпрерывными тяжелыми боями армія совершила по безлюдной, и мѣстами безводной степи. Такъ какъ я былъ переброшенъ на Великокняжеское направленіе наканунѣ операціи лишь съ нѣсколькими лицами

оперативнаго отдѣленія штаба Кавказской арміи, весь же штабъ этой арміи, во главѣ коей я ранѣе стоялъ, и, въ частности, отдѣлъ снабженія были переданы генералу Май-Маевскому, — снабженіе войскъ, дѣйствовавшихъ на Царицынскомъ направленіи, особенно страдало. Сплошь и рядомъ батареи въ разгаръ боя прекращали огонь за неимѣніемъ снарядовъ; правая колонна генерала Улагая 10 дней наступала, не имѣя ни одного сухаря; раненые отправлялись въ тылъ за 300 верстъ воловьими подводами . . . Не взирая на лишенія и тяжелыя потери, войска шли безтрепетно впередъ.

„По мѣрѣ продвиженія моихъ войскъ, я неустанно просилъ ускорить присылку обѣщанныхъ мнѣ подкрѣпленій, болѣя душой за каждый утерянный день.

„Мы овладѣли укрѣпленной позиціей противника на рѣкѣ Есауловскій Аксай и, донося Вамъ о новомъ успѣхѣ, и вновь прося о подкрѣпленіяхъ, я писалъ: „то, что нынѣ можетъ быть достигнуто цѣною малой крови, въ будущемъ потребуетъ потоковъ ея и источникъ ея можетъ изсякнуть“... „сегодняшній успѣхъ обратится въ Пиррову побѣду“. На слѣдующій день я вновь телеграфировалъ: „за всю сѣверо-кавказскую операцію я не просилъ у Васъ ни одного человѣка, нынѣ рѣшаюсь на это въ сознаніи полной необходимости“ . . . Я получилъ уклончивый отвѣтъ, что подкрѣпленія мнѣ могутъ быть даны лишь за счетъ войскъ, дѣйствовавшихъ на астраханскомъ направленіи, что пріостановить „успѣшно развивающуюся операцію нельзя“, а вскорѣ генералъ Романовскій увѣдомилъ меня телеграфно, что мнѣ высылаются танки, на артиллерію же и пѣхоту я расчитывать не могу. . .

„Желѣзная дорога не была еще возстановлена, танки къ подходу арміи къ Царицыну поспѣть не могли, да и одной конницей, при отсутствіи пѣхоты въ арміи, хотя бы съ помощью танковъ, овладѣть Царицыномъ я разсчитывать не могъ. Весь походъ къ Царицыну я шелъ съ моими частями, живя съ ними одной жизнью, и сплошь и рядомъ ночуя въ полѣ среди войскъ. Я ясно видѣлъ, что лишь надежда на скорый конецъ страданій, лишь близость богатаго приволжья даетъ имъ силу, пренебрегая лишеніями, бить врага. . . Сзади насъ стояла 200 верстная пустыня, 75 верстъ впереди былъ обѣщанный войскамъ Царицынъ. Выхода не было, — я съ неизъяснимой болью въ сердцѣ продолжалъ вести мои войска черезъ пустыню къ могилѣ, остановиться у края которой уже не могъ.

„Ободранныя, изголодавшіяся и обезкровленныя войска подошли къ Царицыну. Двухдневныя упорнѣйшія атаки разбились о сильнѣйшую технику и подавляющую численность врага, и армія, какъ ломовая лошадь, впряженная въ непо-

мѣрно тяжелый возъ, стала, съ трудомъ переводя дыханіе. Ударная группа генерала Шатилова изъ IV Коннаго корпуса и двухъ дивизій I и II Кубанскихъ корпусовъ потеряла за первый лишь день атаки 1.000 человѣкъ. Къ вечеру 2-го дня боя въ IV конномъ корпусѣ оставалось 4 снаряда. Полки рядомъ тяжелыхъ боевъ обратились въ сотни, большая часть офицеровъ выбыла изъ строя. За трехнедѣльный походъ армія потеряла убитыми и ранеными 6 начальниковъ дивизій, 2 командировъ бригадъ и 2 командировъ полковъ. . . Только тогда, послѣ кроваваго урока, армія получила помощь: танки, 7-я пѣхотная дивизія, 6 батарей тяжелой и легкой артиллеріи были направлены ко мнѣ, и съ помощью всѣхъ этихъ средствъ, послѣ двухдневнаго кровопролитнѣйшаго боя Царицынъ палъ.

„На слѣдующій день Вы пріѣхали поздравить войска съ побѣдой и, выслушавъ мой докладъ о состояніи арміи, отдали директиву, коей донцамъ предписывалось протянуть правый флангъ до Волги, Кавказской же арміи — составить Вашъ резервъ. Уже черезъ сутки, отбывъ въ Ростовъ, Вы отмѣнили свое рѣшеніе, приказавъ арміи продолжать неустанное преслѣдованіе противника правымъ берегомъ Волги. Одна дивизія по Вашему приказанію переброшена на лѣвый берегъ рѣки, имѣя задачей прервать сообщенія Астрахани съ Саратовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ состава Кавказской арміи приказано направить въ Добровольческую: 7-ю пѣхотную дивизію, 2-ю Терскую пластунскую бригаду, осетинскіе конные полки и осетинскій батальонъ; взамѣнъ 7-й пѣхотной дивизіи мнѣ обѣщана 2-я пластунская бригада, но и послѣдняя не выслана, оставшись по просьбѣ генерала Май-Маевскаго у него, для участія въ Полтавской операціи. . . Обѣщанный войскамъ арміи отдыхъ былъ отмѣненъ и наступленіе возобновилось.

„Противникъ рѣшилъ во что бы то ни стало удерживать Камышинъ, объявленный красными „крѣпостнымъ раіономъ" и усиленно укрѣпленный. Войскамъ Х-й Совѣтской арміи удалось на нѣкоторое время задержать наше наступленіе на Балаклейскихъ позиціяхъ, рядъ нашихъ атакъ успѣхомъ не увѣнчался. Новыя потери еще болѣе ослабили полки, многіе изъ нихъ насчитывали лишь 150—200 шашекъ. Весь составъ IV Коннаго, I и II Кубанскихъ корпусовъ, достигалъ (6-я пѣхотная дивизія босая и необученная въ счетъ принята быть не могла), 5.000 шашекъ и 4.000 штыковъ. Численность многочисленныхъ штабовъ равнялась почти численности войскъ. При этихъ условіяхъ ни правильнаго управленія, ни правильной организаціи быть не могло, и я прибылъ въ Екатеринодаръ лично просить Васъ о сведеніи трехъ кубанскихъ корпусовъ въ одинъ, по расформированіи арміи. Мой докладъ сочувствія не встрѣтилъ. Генераломъ Романовскимъ по соглашенію съ Атаманомъ

былъ намѣченъ рядъ мѣръ по усиленію частей. Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяцъ, армія въ рядѣ упорнѣйшихъ боевъ понесла новыя потери и не усилилась ни однимъ человѣкомъ.

„Безмѣрной доблестью и послѣднимъ напряженіемъ силъ армія въ рѣшительномъ бою разбила противника у Балаклеи, на плечахъ его овладѣла камышинской позиціей и, блестящимъ маневромъ, прижавъ красныхъ къ Волгѣ, уничтожила почти полностью всю камышинскую группу противника. Не взирая на новыя кровавыя потери, всѣ части арміи были брошены для преслѣдованія врага. Послѣдній, учитывая угрозу Саратову, сосредоточилъ противъ моей арміи всю конницу IX и X своихъ армій и, спѣшно снимая части съ уральскаго и астраханскаго фронтовъ, перебрасываетъ ихъ къ Саратову. Полки дошли до 60—100 шашекъ, матеріальная часть въ полномъ разстройствѣ. Наступленіе арміи захлебнулось и противникъ самъ перешелъ на всемъ фронтѣ въ наступленіе, съ величайшимъ трудомъ пока сдерживаемое обезкровленными войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ состава Кавказской арміи перебрасывается въ Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизія.

„Представленныя мною Вамъ соображенія о необходимости скорѣйшаго завершенія астраханской операціи, дабы обезпечить тылъ арміи при движеніи ея на сѣверъ, одобренія не получили, и генераломъ Романовскимъ мнѣ было телеграммой указано, что астраханское направленіе имѣетъ второстепенное значеніе. Между тѣмъ невозможность имѣть, впредь до паденія Астрахани, водный транспортъ, и необезпеченность единственной коммуникаціонной линіи Волги ставитъ войска, дѣйствующія на сѣверномъ направленіи, въ самое тяжелое положеніе. Послѣ боя 28 іюля въ IV конномъ корпусѣ осталось 12 снарядовъ, а въ головномъ артиллерійскомъ армейскомъ паркѣ — ни одного. Кромѣ почти полнаго отсутствія транспорта есть и другія причины разстройства снабженія, причины, которыя въ достаточной степени видны изъ телеграммъ, полученныхъ мною отъ начальниковъ снабженія и артиллеріи.

„Вотъ горькая и неприкрашенная правда. Кавказская армія надорвана непосильной работой. Обезкровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имѣетъ свой предѣлъ — испытывать ее безконечно нельзя.

„До назначенія меня Командующимъ Кавказской арміей, я командовалъ тѣми войсками, которыя нынѣ составляютъ армію Добровольческую, числящую въ своихъ рядахъ безсмертныхъ Корниловцевъ, Марковцевъ, Дроздовцевъ... Борьба этихъ славныхъ частей въ каменноугольномъ раіонѣ — блестящая страница настоящей великой войны. Безмѣрными подвигами своими они стяжали себѣ заслуженную славу

Но вмѣстѣ съ славой они пріобрѣли любовь вождя, связаннаго съ ними первымъ „Ледянымъ походомъ". Эта любовь перенеслась и на армію, носящую названіе „Добровольческой", названіе, близкое Вашему сердцу, названіе, съ которымъ связаны Ваши первые шаги на великомъ крестномъ пути... Заботы Ваши и Вашихъ ближайшихъ помощниковъ отданы полностью роднымъ вамъ частямъ, которымъ принадлежатъ ваши сердца.

„Для другихъ ничего не осталось.

„Развѣ это не такъ? Въ то время, какъ Добровольческая армія, почти не встрѣчая сопротивленія въ своемъ побѣдоносномъ шествіи къ сердцу Россіи, безпрерывно увеличивается потокомъ добровольно становящихся въ ея ряды опомнившихся русскихъ людей, Кавказская армія, прошедшая за три послѣднихъ мѣсяца съ непрерывными боями болѣе тысячи верстъ, и взявшая число плѣнныхъ въ десять разъ большее нежели она сама, истекая кровью въ неравной борьбѣ и умирая отъ истощенія, посылаетъ на Добровольческій фронтъ послѣднія свои силы. Въ то время, какъ въ рядахъ Добровольческой арміи сражаются части, имѣющія въ своихъ рядахъ до 70% офицеровъ (7-я пѣхотная дивизія), полки Кавказской арміи ведутъ въ бой есаулы, а сотни и роты — урядники и приказные... Въ то время, какъ тамъ, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одѣты, обуты и сыты, въ безводныхъ Калмыцкихъ степяхъ ихъ братья сражаются за счастье одной Родины, — оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чѣмъ виноваты они? Неужели тѣмъ, что кучка негодяевъ одного съ ними края, укрывшись въ тылу отреклась отъ общей матери—Россіи? Неужели отвѣтственны за нихъ тѣ, кто кровью своей оросилъ путь отъ Чернаго моря до Каспія и отъ Маныча до Волги?

„Быть можетъ я ошибаюсь? Быть можетъ причина несчастій моей арміи кроется въ томъ, что я, а не другой стою во главѣ ея? Благополучіе части, къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ, зависитъ отъ того, насколько командиръ ея пользуется любовью ея старшаго начальника. Расположенія начальства я никогда не искалъ, служа Родинѣ, а не начальникамъ. Съ Вами пошелъ и готовъ идти, пока не потеряю вѣры въ возможность спасти Родину. Всѣ силы и способности свои отдалъ ей, и съ Вашей стороны, какъ Вашъ помощникъ, упрека заслужить не могъ. Въ этомъ, полагаю, сомнѣнія быть не можетъ...

„Безмѣрно любя свою родину, я не могу не принимать близко къ сердцу всѣ вопросы ея бытія: подчасъ, какъ человѣкъ, я могу не сочувствовать тому или иному Вашему требованію, но, какъ солдатъ, разъ пойдя за Вами, я первый подамъ примѣръ безпрекословнаго повиновенія. Моя жизнь на глазахъ у всѣхъ, я дѣйствую прямо и открыто и мои со-

трудники свидѣтели того, какъ пресѣкалъ я въ корнѣ малѣйшую попытку къ интригѣ... Моя совѣсть чиста и упрекнуть мнѣ себя не въ чемъ; но мысль, что я, оставаясь во главѣ моей арміи, могу невольно явиться палачемъ ея, не даетъ мнѣ покоя...

„Съ открытымъ сердцемъ, не допуская недомолвокъ, я пишу Вамъ, разсчитывая на Вашъ такой же откровенный отвѣтъ.

„Уважающій Васъ и сердечно преданный

П. Врангель".

Черезъ 10 дней этотъ отвѣтъ послѣдовалъ, въ пространномъ письмѣ Деникина, полный текстъ котораго, за исключеніемъ не имѣющихъ значенія подробностей приводимъ:

„10 августа 1919 г. № 011686 г. Таганрогъ.

„Милостивый Государь,

„Баронъ Петръ Николаевичъ.

„Я въ рядахъ Добровольческой арміи почти съ момента ея возникновенія, и съ 31-го марта 1918 года стою во главѣ этой арміи, а затѣмъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

„Зарождаясь, армія не имѣла ничего: первыя пушки были выкраденныя, весь І-й Кубанскій походъ, да въ значительной степени 2-й, арміи приходилось снабжать себя боевыми припасами отъ противника.

Въ моментъ, когда я принялъ командованіе арміей, въ боевомъ комплектѣ имѣлось едва по 10—20 выстрѣловъ на орудіе, патроновъ въ запасѣ не было совсѣмъ, собирали растерянные большевиками при отступленіи ихъ отъ Екатеринодара.

„Вся исторія Добровольческой арміи, а затѣмъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, имѣетъ характеръ напряженной, упорной, героической борьбы матеріально нищей, но богатой духомъ арміи съ значительно превосходнымъ и гораздо лучше снабженнымъ противникомъ, борьбы, въ которой, не взирая на превосходство силъ и снабженія противника, подчиненныя мнѣ войска своей доблестью и вѣрой въ правоту своего дѣла неизмѣнно побѣждали.

„Правда, эти побѣды давались не даромъ, и многимъ изъ подчиненныхъ мнѣ начальниковъ задачи казались не по силамъ, и мнѣ иногда бросались упреки и давались совѣты, слѣдуя которымъ арміи Юга Россіи, вѣроятно, не достигли бы настоящихъ результатовъ. Но долженъ сказать, что я, не смотря на всѣ трудности, переживаемыя различными участками фронта, ни разу не слышалъ упрека въ несправедливости и лицепріятіи и впервые слышу его отъ Васъ. Обви-

неніе это тяжкое, но не съ цѣлью оправдаться я отвѣчаю Вамъ, а съ цѣлью возстановленія исторіи вопроса, какъ она рисуется мнѣ.

„Въ концѣ марта обстановка въ каменноугольномъ раіонѣ складывалась чрезвычайно неблагопріятно для насъ. Вы въ своемъ письмѣ генералу Юзефовичу, выдержку изъ котораго онъ представилъ мнѣ при своемъ письмѣ отъ 30 марта за № 04472, писали, что намъ все равно не удержать каменноугольнаго раіона; рекомендовали бросить его, и оставивъ правый берегъ Дона на однихъ донцовъ, Кавказскую Добровольческую армію сосредоточить на царицынскомъ направленіи. Эта же мысль была повторена въ Вашемъ рапортѣ отъ 4 апрѣля за № 82.

„Тогда же Начальникомъ моего штаба было отвѣчено генералу Юзефовичу (письмо 3 апрѣля № 04767) о томъ, что хотя царицынское направленіе имѣетъ очень серьезное значеніе, тѣмъ не менѣе, по цѣлому ряду соображеній, выполнить этотъ планъ въ тотъ моментъ не представлялось возможнымъ.

„Въ половинѣ апрѣля успѣшное наступленіе большевиковъ за Манычъ и угроза Тихорѣцкой и Ростову вынудили меня усилить группу Генерала Кутепова за счетъ Кавказской Добровольческой арміи и войскъ Терско-Дагестанскаго края.

„Какъ отъ Васъ, такъ и отъ генерала Эрдели были взяты лучшія кубанскія дивизіи и было взято столько, больше чего безъ ущерба для дѣла взять нельзя было.

„Вы, находясь въ то время во главѣ Кавказской Добровольческой арміи, считали, что съ наличными силами удержать каменноугольный раіонъ не возможно. Я по совокупности всей обстановки считалъ, что бросить его намъ нельзя.

„21-го апрѣля началось наше успѣшное наступленіе на Манычскомъ фронтѣ; положеніе въ каменноугольномъ раіонѣ продолжало ухудшаться, и какъ ни нужна была пѣхота на Манычѣ, тѣмъ не менѣе ничего изъ Кавказской Добровольческой арміи перевести было нельзя.

„Въ началѣ мая Вы испросили разрѣшеніе пріѣхать въ Торговую и здѣсь доложили, что всѣ предѣлы перейдены и что необходимо генералу Май-Маевскому дать разрѣшеніе на отходъ. Здѣсь-же, въ виду неоднократно высказывавшагося Вами желанія командовать арміей на царицынскомъ направленіи и въ виду сосредоточенія здѣсь крупной массы лучшей нашей конницы, Вамъ предложено было объединить командованіе всей группой — „Кавказской арміей“, — на что Вы охотно согласились.

„Что касается техническихъ средствъ, то артиллеріи Вы имѣли вполнѣ достаточно. Дальнѣйшее усиленіе могло

произойти бронепоѣздами и танками, это усиленіе было обѣщано, но оно всецѣло зависило отъ востановленія жел. дороги. Къ моменту возстановленія мостовъ черезъ Салъ и Есауловскій Аксай эти средства были въ Вашемъ распоряженіи.

„Операцію на Царицынъ можно было вести двояко: или идти на шеѣ разбитаго врага, не давая ему опомниться и приготовиться къ встрѣчѣ, или выждать техническія средства, которыя Вамъ были обѣщаны и ни на одинъ день не запоздали. Это можно было опредѣлить только на мѣстѣ — не перегружена ли лошадь, везущая кладь.

„Вы писали, что не двинетесь впередъ ни на шагъ, не смотря на всѣ приказанія. Но хотя Васъ никто не заставлялъ и не стѣснялъ во времени, Вы рѣшили избрать первый способъ дѣйствій — идти на проломъ, и это сдѣлали, не ожидая техническихъ средствъ, которыя, Вы знали, будутъ, какъ только будетъ готова желѣзная дорога.

„Эти средства, равно какъ и 7-ю дивизію, Вы получили не послѣ кроваваго урока и не вслѣдствіе его, а какъ только была готова желѣзная дорога и обозъ, и артиллерія 7-й дивизіи была запряжены.

„Усилить Васъ не 7-й дивизіей было нельзя, такъ какъ для этого *надо было бы остановить успѣшное продвиженіе Добровольческой арміи* и вытягивать части изъ боя.

„По взятіи Царицына мнѣ очень хотѣлось дать отдыхъ доблестной Кавказской арміи, но въ резервъ ея я не оставлялъ, а 20-го Іюня отдалъ директиву № 08878, согласно которой Кавказская армія должна была выйти на фронтъ Саратовъ-Ртищево-Балашовъ.

„По Вашему докладу предполагалось, что Вы дадите частямъ отдыхъ въ Царицынѣ и что донцы въ состояніи будутъ гнать противника одни. Отдыхъ Вы опредѣляли въ двѣ недѣли. Я, не зная въ какомъ видѣ отошелъ противникъ, не возражалъ Вамъ, и на другой день я не отмѣнилъ своего приказа, котораго и не отдавалъ, а приказалъ, въ соотвѣтствіи съ общей обстановкой, частью силъ преслѣдовать противника, что Вы и сдѣлали, какъ доносили, до полученія моего приказанія.

„Также не вѣрно, что я приказалъ одну дивизію перебросить на лѣвый берегъ Волги. Я такого приказанія не отдавалъ. Въ директивѣ № 08878 буквально сказано: „Теперь же направить отряды для связи съ Уральской арміей и для очищенія нижняго плеса Волги.“ Какіе будутъ отряды, предоставлялось всецѣло Вашему усмотрѣнію.

„Вы знали, что 7-я пѣхотная дивизія дана Вамъ временно и подлежитъ возвращенію, для замѣны 2-й Кубанской пластунской бригады. Вторую Терскую пластунскую бри-

гаду Вы боевой силой не считали и эта бригада, послѣ боевъ у Великокняжеской, была сведена въ одинъ батальонъ, который насчитывалъ около 200 штыковъ. Также Вы не считали боевой силой Осетинскій конный полкъ, насчитывавшій 60 шашекъ и Осетинскій стрѣлковый баталіонъ, который и сформированъ не былъ.

„Вы охотно согласились на замѣну этихъ частей двумя ингушскими, двумя кабардинскими и инородческимъ полками, которые тогда же къ Вамъ и прибыли.

„А главное, Вы забыли, что все это дѣлалось вслѣдствіе Вашего доклада.

„Вѣдь Вы же и Вашъ Начальникъ штаба тогда поняли, что *весь центръ тяжести переносится на Курское и Кіевское направленія* и представили мнѣ въ Царицынѣ письма (отъ 18 іюня №№ 0963 и 0964), съ предложеніемъ образовать конную армію въ раіонѣ Харькова и намѣчали на царицынскомъ направленіи оставить Кавказскую армію, изъявъ изъ ея состава одинъ Кубанскій корпусъ, I-ую Конную дивизію и терцевъ. Вѣдь это значительно больше того, что взято по количеству, а главное по качеству. Взяты такія части, которыя Вы за боевую силу не считали и которыя компенсированы соотвѣтственными частями. Правда, что Вами уводъ всѣхъ перечисленныхъ дивизій намѣчался и съ Вашимъ уходомъ изъ Кавказской арміи.

„Вы пишете, что „обѣщанный войскамъ отдыхъ былъ отмѣненъ и наступленіе возобновилось“. Наступленіе возобновилось но не по моему капризу, а потому, что этого требовала обстановка, и приказъ начать наступленіе былъ отданъ не мной, а Вами.

„Вы нѣсколько разъ пишете о томъ, что отъ Васъ взято и что къ Вамъ ни одинъ человѣкъ не прибылъ. Шестую пѣхотную дивизію Вы никогда въ расчетъ не принимаете.

„Что касается 6-й дивизіи, то она совершенно такого же типа какъ почти всѣ наши дивизіи и въ Добровольческой арміи и въ 3-мъ корпусѣ.

„Вы не довольны, что Ваше предположеніе относительно астраханской операціи не получило одобренія.

„Можно ли было начинать операцію на Астрахань въ то время, какъ съ сѣвера противъ Кавказской арміи сосредоточены были крупныя силы?

„Вѣдь, поворотъ части нашихъ силъ на югъ повелъ бы немедленно туда же и противника и онъ ударилъ бы по сообщеніямъ не только Вашимъ, но и по донскимъ. На мои по этому поводу соображенія Вы отвѣтили, что, понятно, эту операцію можно предпринять только послѣ разбитія Камышинской группы. Камышинская операція кончилась и

теперь армія едва сдерживаетъ фронтъ, можно ли при этихъ условіяхъ серьезно говорить о поворотѣ на Астрахань. И что было бы теперь, если бы этотъ поворотъ состоялся раньше?

„Вопросы снабженія, какъ я уже отмѣтилъ въ началѣ письма, дѣйствительно, у насъ хромаютъ и Вы знаете, что вполнѣ наладить это дѣло при общей разрухѣ промышленности, при разстройствѣ транспорта, при самостійности Кубани — выше моихъ силъ. Всѣ мѣры, какія возможно, принимаются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вы смотрите на довольствіе трофейными снарядами, какъ на нѣчто ненормальное. Нѣтъ, это вполнѣ нормальное явленіе, и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имѣли этого источника.

„Какія же основанія были у Васъ бросить мнѣ обвиненіе въ особомъ благопріятствованіи Добровольческой арміи, какія конкретныя данныя Вы можете привести? Развѣ не исключительно стратегическія соображенія все время руководили мной? Вѣдь, когда генералъ Май-Маевскій велъ героическую, неравную борьбу въ Донецкомъ бассейнѣ, у него взяли на царицынское направленіе три дивизіи, хотя Вы считали силы Добровольческой арміи совершенно недостаточными. Была взята дивизія съ Сѣвернаго Кавказа, не взирая на протесты генерала Ляхова и Терскаго Атамана.

„Неужели же теперь, когда передъ нами огромныя перспективы въ видѣ Кіева, Одессы, Курска, намъ слѣдуетъ отъ нихъ отказаться и гнать войска только къ Саратову?

„Вы меня вините въ томъ, что въ Добровольческую армію поступаютъ добровольцы, а Васъ не укомплектовываютъ. Вы прекрасно знаете условія пополненія. Русскіе люди на Вашемъ пути такіе же, какъ и на пути Добровольческой арміи; въ свое время, оцѣнивая царицынское направленіе, Вы ихъ настроеніе предполагали даже лучше, чѣмъ въ Малороссіи. Ну, а воздѣйствовать на Кубань, къ сожалѣнію, въ большей мѣрѣ, чѣмъ я это дѣлаю, не могу, равно какъ не могу ихъ заставить брать къ себѣ въ полки „солдатскихъ“ офицеровъ.

„Издали у другихъ все кажется лучше. Вамъ кажется, что Добровольческая армія идетъ не встрѣчая сопротивленія, но Вы не учитываете, что въ то время, какъ собственно Кавказская армія занимаетъ фронтъ въ 40 верстъ, *въ это же время фронтъ Додровольческой арміи почти 800 верстъ*; что спасать создавшееся трудное положеніе на Донскомъ фронтѣ будетъ все та же Добровольческая армія.

„Въ свое время я отъ генерала Краснова получалъ упреки, что я добровольческія части разворачиваю гдѣ то въ Донецкомъ бассейнѣ, а не шлю къ нему на фронтъ.

„Теперь я отъ Васъ и отъ генерала Сидорина получаю требованія Добровольческія части посылать въ Кавказскую

и Донскую армiи. Не иронiя ли въ параллели тѣхъ упрековъ, которые я отъ Васъ получилъ теперь и которые получилъ отъ Вашего начальника штаба въ апрѣлѣ, когда онъ представлялъ выдержки изъ Вашего письма, отстаивавшаго царицынское направленiе.

„Вы пишете: „Въ то время, какъ у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одѣты, обуты и сыты, въ безводныхъ Калмыцкихъ степяхъ ихъ братья сражаются за счастье одной Родины оборванные, босые, простоволосые и голодные“; а генералъ Юзефовичъ въ письмѣ отъ 30 марта № 04472 пишетъ о войскахъ, которымъ, по Вашему, я особо (Добровольческой армiи) благопрiятствую: „Надо ихъ пополнить, дать имъ отдохнуть, сохранить этихъ великихъ духомъ, на своихъ плечахъ, своимъ потомъ и кровью закладывающихъ будущее нашей Родины, — сохранить для будущаго. Всему бываетъ предѣлъ. И эти безсмертные могутъ стать смертными“.

„И Вы знаете, что этимъ страстотерпцамъ ни одного дня отдыха не было дано.

„Въ свое время надо было кому то отстаивать каменноугольный раiонъ и отстаивали безропотно добровольцы; теперь надо кому то быть въ безводныхъ и голодныхъ степяхъ, которыя къ тому же по Вашимъ телеграммамъ не такъ уже безводны и голодны, и куда Вы въ свое время просили сосредоточить кубанцевъ, считая это направленiе наиболѣе блестящимъ и побѣднымъ.

„Странно мнѣ все это писать; вѣдь, это такъ просто возстановить при малѣйшей объективности. Еще болѣе странно входить въ обсужденiе личныхъ отношенiй. Никто не въ правѣ бросать мнѣ обвиненiй въ лицепрiятiи. Никакой любви ни мнѣ не нужно, ни я не обязанъ питать. Есть долгъ, которымъ я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокругъ меня, но меня онѣ не затрагиваютъ и я имъ значенiя не придаю, и лишь скорблю, когда онѣ до меня доходятъ.

Уважающiй Васъ А. ДЕНИКИНЪ.“

Не вдаваясь въ обсужденiе основательности возраженiй Деникина, ибо они носятъ чисто полемическiй характеръ, отмѣтимъ лишь, что Главнокомандующiй самъ указываетъ на чрезмѣрную разтяжку своего фронта до 800 верстъ, и не взирая на это гонитъ свои истрепанныя войска впередъ, для достиженiя новыхъ перспективъ, въ видѣ Кiева, Одессы и Курска, и такое рѣшенiе, видимо, считаетъ единственно цѣлесообразнымъ.

1-го августа Кавказская армія, истекая кровью, начала отходъ къ Царицыну, находившемуся въ тылу болѣе чѣмъ въ 250 верстахъ.

Отступленіе арміи протекало въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, съ большими потерями, вслѣдствіе постоянныхъ арьергардныхъ боевъ.

Съ прискорбіемъ приходилось констатировать, что славныя казачьи части сплошь да рядомъ не могли принимать боя съ кавалеріей противника изъ за плохого состоянія коней. Въ то время какъ кавалеристы Буденнаго сидѣли на полукровкахъ, выведенныхъ изъ задонскихъ зимовниковъ, кубанцы и горцы имѣли совершенно измотавшихся, истомленныхъ лошадей.

Содѣйствіе противнику во все время отхода Кавказской арміи оказывала его волжская флотилія со своей могущественной артиллеріей. Обстрѣливая части арміи съ фронта и фланга, она часто прорывалась въ тылъ, затрудняя подвозъ арміи всего необходимаго.

Глубокое продвиженіе непріятеля 6-го августа во флангъ отходящей арміи вызвало необходимость оставить Камышинъ безъ боя и продолжать отходъ къ Царицыну.

Заранѣе предвидя возможность сосредоточенія красными превосходныхъ силъ, и чувствуя стремленіе врага, пользуясь судовой артиллеріей, отнять купленный столь дорогою цѣною Царицынъ, генералъ Врангель, тотчасъ по занятіи его, приказалъ приступить къ немедленному возведенію укрѣпленныхъ позицій на сѣверномъ и сѣверо-западныхъ подступахъ къ городу и желѣзнодорожному узлу. И позже, во время наступательнаго движенія на сѣверъ, къ Саратову, требовалъ безостановочнаго продолженія работъ по укрѣпленію и усовершенствованію царицынской позиціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Врангель приказалъ приступить къ эвакуаціи города.

По выработанному Начальникомъ Военныхъ Сообщеній, ген. Махровымъ, плану, ежедневно должны были отправляться съ обоихъ вокзаловъ Царицына 7 поѣздовъ. Въ первую очередь отправлялись цѣнные грузы, затѣмъ правительственныя учрежденія и семьи военнослужащихъ. На каждый день имѣлось расписаніе отправляемыхъ эшелоновъ.

Провѣряя насколько успѣшно идетъ эвакуація, Врангель нашелъ, что вмѣсто 7, отправлялись лишь 3—4 поѣзда въ день.

Прибывъ однажды на вокзалъ, онъ увидѣлъ какъ погружалась въ вагонъ обстановка начальствующихъ лицъ — мебель, піанино, зеркала и прочее, и приказалъ немедленно своему конвою выбрасывать изъ вагона весь этотъ домашній скарбъ, и освободившіеся вагоны отдать подъ казенные грузы. На другомъ вокзалѣ было то же: нѣсколько

запломбированныхъ вагоновъ, подъ видомъ казенныхъ грузовъ, были набиты пассажирами, ѣдущими по личнымъ дѣламъ и купившими за 130.000 рублей право на вагонъ. Обнаружилось, что начальникъ станціи, сцѣпщикъ и еще какой то жел. дорожный агентъ торговали вагонами.

Виновные были преданы полевому суду и черезъ полчаса повѣшены. Съ этого дня вмѣсто положенныхъ 7 поѣздовъ ежедневно отправлялись 8, и къ 27-му августа эвакуація была закончена.

Отступавшая армія подходила къ Царицыну, а вслѣдъ за нею двигались колонны красныхъ.

23 августа Командующій X совѣтской арміей произвелъ грозный натискъ, еще не виданный по количеству введенной въ бой артиллеріи и пѣхоты на этомъ фронтѣ. Ударъ считался рѣшительнымъ, ему придавали исключительное значеніе Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ и „Главковерхъ“ Каменевъ. Для успѣха его выполненія Клюевская армія была усилена еще двумя арміями, переброшенными съ Урала, и массой судовой артиллеріи.

Краснымъ командованіемъ было рѣшено раздавить Кавказскую армію, взять Царицынъ, соединиться съ Астраханской группой и вторгнуться въ предѣлы сѣвернаго Кавказа, гдѣ Чечня и бурливый Дагестанъ обѣщали создать благопріятную обстановку для поднятія смуты. Вдали рисовался симпатизировавшій большевикамъ Азербейджанъ и враждебно-настроенная къ Добровольческой арміи Грузія.

Учитывая всѣ эти обстоятельства, и пользуясь укрѣпленной позиціей, Врангель, рѣшилъ оборонять Царицынъ до послѣдней возможности.

Въ общемъ, планъ расположенія арміи для обороны былъ такой: въ цечтрѣ—пѣхота Писарева должна была заставить противника развернуться; на лѣвомъ флангѣ, уступомъ впередъ, выдвигалась конница, которая должна была выйти въ тылъ непріятельской пѣхотѣ и прижать ее къ Волгѣ.

Во исполненіе директивы, вся конная масса перешла къ линіи желѣзной дороги Гумракъ — Царицынъ, всего верстахъ въ 8—10 къ сѣверо-западу отъ города. Пѣхотныя части и пластуны жидкими цѣпями заняли окопы прежней позиціи красныхъ за р. Мечеткой. Имѣя свѣдѣнія, что штурмъ города Клюевъ назначилъ на 23 августа, части арміи уже наканунѣ ночью заняли исходное положеніе для боя.

Едва забрезжилъ предутренній разсвѣтъ, забухала непріятельская артиллерія, и тремя колоннами двинулась въ наступленіе красная пѣхота, во главѣ съ лучшими матросскими и китайскими полками.

Средняя колонна, двигавшаяся на станцію Разгуляевку, перейдя въ боевой порядокъ, раньше другихъ подошла къ передовымъ частямъ пѣхоты, опрокинула ихъ и продолжала наступленіе. Начальникъ боевого участка ген. Писаревъ, какъ только увидѣлъ что красные зарвались въ центрѣ, короткимъ ударомъ опрокинулъ противника, захвативъ до 1.000 плѣнныхъ и пулеметы.

Въ это время по большой саратовской дорогѣ, вдоль Волги, шла вторая колонна красныхъ, гдѣ главную силу составляли коммунисты, китайцы и матросы. Мощная судовая артиллерія противника позволяла этой колоннѣ итти на Царицынъ чуть ли не церемоніальнымъ маршемъ. И здѣсь были смяты передовыя части пѣхоты кавказцевъ, и здѣсь, какъ и въ центрѣ, красные зарвались.

Напряженно слѣдилъ за перепитіями боя Врангель, въ рукахъ котораго находилась не только честь его арміи, но и судьба населенія громаднаго города. Онъ своевременно приказалъ Писареву взять свѣжія части резерва и бросить ихъ во флангъ матросамъ и китайцамъ. Этотъ стремительный ударъ привелъ къ блестящимъ результатамъ. Колонна красныхъ была разсѣяна, частью истреблена, много потоплено въ Волгѣ.

Флотъ противника былъ лишенъ возможности помочь своимъ огнемъ, такъ какъ бой перешелъ въ штыковую схватку.

Былъ моментъ, когда одинъ изъ отрядовъ матросовъ показался уже на окраинѣ города. У Командующаго арміей оставался только его конвой. Врангель бросилъ этотъ послѣдній немногочисленный резервъ и ждалъ исхода боя. Появленіе казаковъ поколебало матросовъ и они поспѣшно отошли.

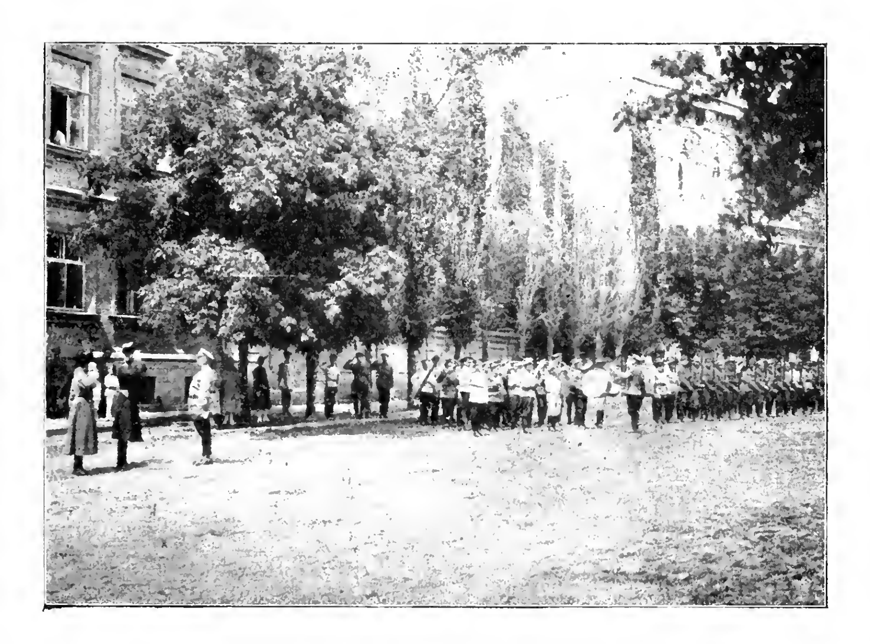
Въ то время, какъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ арміи результаты боя уже опредѣлились, на лѣвомъ крылѣ онъ только развивался. Вахмистръ Буденный, сосредоточивъ, громадную конную массу, свыше 10 полковъ, повелъ наступленіе въ обходъ станціи Гумракъ, имѣя цѣлью выйти въ тылъ боевого порядка Кавказской арміи. Генералъ Улагай принялъ первый ударъ полковъ Буденнаго, и затѣмъ искуснымъ маневромъ своего резерва самъ вышелъ во флангъ красной кавалеріи и обратилъ ее въ бѣгство.

Въ это время главная масса противника, его правая колонна, съ мощной артиллеріей подходила къ ст. Гумракъ, стремясь отбросить лѣвый флангъ арміи къ югу. Получивъ объ этомъ донесеніе, Врангель бросилъ тотчасъ же всю свою конницу на эту колонну.

Появленіе кавказскихъ всадниковъ, покрывшихъ лавами все поле, привело красную пѣхоту въ состояніе неописуемой паники. Цѣлыя роты, баталіоны и полки стали сдаваться, каждый, имѣвшій лошадь или повозку, стремился ускакать на сѣверъ.

Побѣда была полная. До 13.000 красноармейцевъ попало за этотъ день въ плѣнъ.

Не смотря на пораженіе 23 августа красное командованіе не оставило своего намѣренія овладѣть Царицыномъ и 1-го сентября повторило атаку, зная что Кавказская армія имѣла потери и что составъ ея не великъ.



Войска встрѣчаютъ Командующаго Кавказской арміей.

Наступленіе снова было отбито.

Видя, что Черноярская группа непріятеля имѣетъ тенденцію наступать на Царицынъ съ юга, Врангель снялъ съ Царицынскаго фронта дивизію кубанцевъ Бабіева и направилъ ихъ къ югу. Бабіевъ загналъ красныхъ въ укрѣпленный ими Черный Яръ, забралъ при преслѣдованіи плѣнныхъ и орудія и началъ готовиться къ его взятію.

10 сентября Клюевъ возобновилъ наступленіе на Царицынъ въ третій разъ. Три дня длился бой и снова неудачно для противника.

Однако ряды Кавказской арміи сильно порѣдѣли.

Посылаемое Кубанью людское и конное пополненіе далеко еще не довело къ тому времени боевой составъ до штатной нормы. Къ тому-же Бабіевъ, предпринявшій на собственный страхъ и рискъ, безъ санкціи Командующаго арміей, атаку сильно укрѣпленнаго Чернаго Яра, понесъ ненужныя и очень чувствительныя потери.

Между тѣмъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи Штаба арміи стали получаться вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія объ усиленіи Клюевской группы красныхъ свѣжими подкрѣпленіями и подготовкѣ новаго наступленія, назначеннаго на 25 сентября.

Вскорѣ летчики стали доносить, что флотилія красныхъ усиливается и уже доведена до 40 вымпеловъ. Царицынъ снова подвергся усиленной бомбардировкѣ, особенно вокзалъ, къ которому отлично пристрѣлялись двѣ 6 дюймовыя гаубицы. Желѣзнодорожные служащіе попрятались въ погреба, работа пріостановилась, жителей охватила паника.

Призвавъ летчиковъ, Врангель приказалъ отыскать непріятельскія гаубицы. Блестящимъ образомъ выполнили задачу аэропланы: нашли батарею, низко надъ ней опустились и буквально уничтожили бомбами людей и пушки.

Царицынскій вокзалъ ожилъ, бомбардировка города прекратилась.

Готовясь къ новому бою и стремясь быть возможно сильнымъ въ нужную минуту, Врангель отказался на время отъ операцій на второстепенныхъ направленіяхъ и притянулъ къ себѣ изъ Чернаго Яра дивизію Бабіева.

Въ ожиданіи атаки армія расположилась на укрѣпленной позиціи. Пѣхота Писарева заняла окопы за р. Мечеткой, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ Волгѣ у пушечныхъ заводовъ. Кавалерія расположилась на лѣвомъ флангѣ. 25 сентября атаки не послѣдовало. Только 27-го съ утра красные двинулись въ наступленіе вдоль Волги. Впереди шла пѣхота, имѣя въ головѣ отряды матросовъ. Позади шли заградительные отряды изъ коммунистовъ, причемъ одинъ отрядъ состоялъ изъ женщинъ коммунистокъ. Назначеніе этихъ отрядовъ было не допускать отступленія красноармейцевъ и разстрѣливать бѣгущихъ.. Волжская флотилія противника стала засыпать снарядами позиціи обороняющихся. Первые ряды пѣхоты были прорваны и красные захватили батарею. Но успѣхъ противника оказался не прочнымъ: Улагай атаковалъ прорвавшихся во флангъ и тылъ, а Писаревъ перешелъ со своей пѣхотой въ контръатаку.

Какъ и во время перваго наступленія 1-го сентября, красные не выдержали стремительнаго удара и отхлынули. Отброшенные отъ города матросы ринулись назадъ. Не

находя выхода изъ проволочныхъ загражденій, они повисали на колючей проволокѣ, частью бросались въ Волгу и старались вплавь достигнуть ближайшихъ острововъ.

Началось преслѣдованіе, причемъ красная пѣхота была выбита изъ с. Пичуги, находящейся въ 20 верстахъ сѣвернѣе Царицына.

Это четвертое и послѣднее наступленіе красныхъ окончилось полной неудачей, и 4-го октября Врангель самъ двинулся впередъ и отбросилъ противника на 50 верстъ къ сѣверу отъ города. Но далѣе онъ не пошелъ. И 18 октября телеграммой Начальнику Штаба Романовскому изложилъ свои къ тому основанія.

„Развитіе операціи моей арміи на сѣверъ не можетъ быть выполнено при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и необезпеченности водной коммуникаціи. При малочисленности конныхъ дивизій переброска одной-двухъ на то или иное направленіе не измѣнитъ общей обстановки и неразбитый, хотя бы и пріостановленный противникъ, оттѣснивъ донцовъ за Донъ, будетъ имѣть возможность обрушиться на ослабленную выдѣленіемъ частей Кавармію. Неблагопріятно слагающуюся обстановку всего нашего фронта полагаю возможнымъ измѣнить лишь крупнымъ рѣшеніемъ — выдѣливъ изъ состава Каварміи въ Ваше распоряженіе три съ половиной Кубанскихъ дивизіи, не считая бригады, посылаемой въ Екатеринодаръ, — оставить въ Царицынскомъ раіонѣ части I корпуса и инородческую конницу, сведя ихъ въ отдѣльный корпусъ, съ подчиненіемъ его непосредственно Главкому. Буде таковое рѣшеніе было бы принято, полагалъ бы желательнымъ оставленіе Комкоромъ ген. Покровскаго. Царицынъ. Врангель.“

Въ ноябрѣ положеніе въ бассейнѣ Волги существенно измѣнилось. Рѣки Волга и Донъ замерзли и перестали служить преградами, прикрывающими фланги войскъ Кавказской арміи на камышинскомъ направленіи. Вслѣдствіе этого противникъ, пользуясь превосходствомъ силъ, могъ перейти черезъ Волгу и очутиться между городомъ и прикрывающими его войсками. Съ другой стороны, замерзаніе рѣкъ лишало возможности большевиковъ пользоваться рѣчной флотиліей, а Кавказской арміи открыло перспективы болѣе свободнаго маневрированія на флангахъ. Но для маневра нужны были резервы, а чтобы ихъ имѣть, линейное, ничѣмъ не прикрытое расположеніе слѣдовало измѣнить на болѣе сосредоточенное.

Эти соображенія побудили Врангеля отвести большую часть своей арміи за царицынскую укрѣпленную позицію, опираясь на которую онъ могъ имѣть меньше силъ въ первой линіи и больше въ кулакѣ, въ качествѣ маневреннаго резерва. Дѣйствуя послѣднимъ по внутреннимъ операціон-

нымъ линіямъ, Командующій арміей былъ свободенъ въ нанесеніи ударовъ противнику не только къ сѣверу отъ Царицына и югу — въ черноярскомъ направленіи, — но и на флангахъ.

Видя отходъ, красные воспрянули духомъ и повели наступленіе, съ цѣлью захвата Царицына, но всѣ ихъ атаки были снова легко отбиты.

Царицынъ былъ добровольно оставленъ лишь тогда, когда этого потребовало общее стратегическое положеніе всего фронта.

Близилась зима. Добровольческая армія продолжала отходить, и ея Командующій ген. Май-Маевскій былъ отрѣшенъ.

Деникинъ писалъ:

„Семь мѣсяцевъ тому назадъ тяжелая обстановка, создавшаяся въ раіонѣ Задонья, заставила меня большую часть конницы перебросить на царицынское направленіе и сформировать тамъ Кавказскую армію. Высоко цѣня кавалерійское сердце, знаніе конницы и опытъ въ руководительствѣ ею, я назначилъ Генералъ-Лейтенанта барона Врангеля Командующимъ этой арміей. Нынѣ, въ силу той же неумолимой обстановки, конница главной массой собирается на фронтѣ Добровольческой арміи, и дабы она была въ умѣлыхъ и опытныхъ рукахъ, я вынужденъ отозвать Генералъ-Лейтенанта барона Врангеля отъ командованія созданной имъ Кавказской арміей и назначить Командующимъ Добровольческой Арміей и Главноначальствующимъ Екатеринославской, Харьковской и Курской губерній.

„Приношу свою горячую благодарность Вамъ, Глубокоуважаемый Петръ Николаевичъ, за ту трудную и блестящую работу, которую выполнила Кавказская армія подъ Вашимъ командованіемъ за первые семь мѣсяцевъ своего существованія, и желаю Вамъ такихъ же успѣховъ на новой должности Командующаго Добровольческой Арміей.

„Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ.

„27 Ноября, Таганрогъ“.

ГЛАВА III.

Разгромъ X арміи большевиковъ на Манычѣ, въ началѣ мая 1919 г., имѣлъ своимъ послѣдствіемъ общій переходъ въ наступленіе всѣхъ войскъ Южно-Русскаго фронта Деникина.

Съ назначеніемъ Врангеля Командующимъ вновь сформированной Кавказской арміей, Главнокомандующему предстояло намѣтить новое лицо для руководства арміей Добровольческой, состоящей по преимуществу изъ пѣхоты. Оцѣнивая по достоинству упорство, съ которымъ Добровольческій корпусъ, составленный изъ старѣйшихъ полковъ гражданской войны Корниловскаго, Марковскаго и Дроздовскаго, развернувшихся въ дивизіи, велъ бои въ Донецкомъ угольномъ бассейнѣ, подъ командой Май-Маевскаго, Деникинъ остановилъ свой выборъ на этомъ генералѣ. Къ сожалѣнію, какъ это водилось еще въ старой русской арміи, когда хорошія части выдвигали бездарныхъ начальниковъ, и полки малостойкіе губили людей способныхъ, такъ было и теперь съ назначеніемъ Май-Маевскаго. Получивъ законченное военное образованіе, будучи по природѣ человѣкомъ храбрымъ, Май-Маевскій сильно опустился, пилъ запоемъ, рѣдко былъ трезвъ, и въ такомъ состояніи ему море было по-колѣно. Часто передъ атакой онъ въѣзжалъ чуть не въ самыя цѣпи на автомобилѣ, съ трудомъ выволакивалъ изъ него свое тучное тѣло и, пошатываясь, шелъ впереди всѣхъ, не обращая вниманія на самый бѣшеный огонь противника.

Но если было допустимо, чтобы судьбой нѣсколькихъ полковъ распоряжался такой начальникъ, вслѣдствіе своихъ прежнихъ заслугъ, то въ дальнѣйшемъ со стороны Деникина было непростительной ошибкой вручить судьбу цѣлой арміи генералу-алкоголику.

Вначалѣ, когда общій успѣхъ и воодушевленіе, охватившее войска и освобожденное населеніе, неудержимо влекли арміи Деникина впередъ, и одинъ городъ за другимъ переходилъ въ руки „добровольцевъ", неудовлетворительные полководцы легко замѣнялись ихъ начальниками штабовъ и генералъ-квартирмейстерами. Но позже, когда со взятіемъ Орла и Кіева остановился побѣдный маршъ бѣлыхъ на Москву, генералы типа Май-Маевскаго и Шкуро, своимъ примѣромъ развратившіе войска, оказались безсильными ими управлять и, въ трагически сложившейся обстановкѣ, помочь Главнокомандующему.

Отступленіе армій Деникина совершалось съ большей поспѣшностью, чѣмъ было ихъ движеніе впередъ.

Осенняя кампанія 1919 года была начата большевиками съ удвоенными силами, взятыми съ фронтовъ адмирала Колчака и генерала Юденича. Почти на всей территоріи занятой арміями Добровольческой, Донской и Кавказской — протяженіемъ до 1500 верстъ — красные продвигались впередъ. Имъ уже отданъ былъ Орелъ, Курскъ и Кіевъ. И только Царицынъ, куда четыре раза бросали красные чудовищныя силы, гранитной твердыней продолжалъ запирать путь къ Сѣверному Кавказу.

Разбившись о Кавказскую армію Врангеля на флангѣ, большевистское командованіе стало искать успѣха въ центрѣ, для чего перебросило все лучшее на Харьковъ, включая и свою знаменитую конницу Буденнаго, снявъ ее съ Царицынскаго фронта. Дни Харькова были сочтены. Это сознавали всѣ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Одинъ Май-Маевскій предавался оптимизму и . . . кутежамъ. Въ центрѣ города въ лучшей гостинницѣ чуть не каждый вечеръ устраивались грандіозныя попойки, гремѣла музыка, самъ Командующій до утра плясалъ и веселился.

Когда заходилъ разговоръ объ эвакуаціи города, о заблаговременномъ вывозѣ казеннаго имущества, начальство объявляло, что всѣ распространяющіе панику будутъ предаваться военно-полевому суду.

Въ итогѣ было брошено все.

Только послѣ оставленія Харькова рѣшился Деникинъ отстранить Май-Маевскаго и призвалъ спасать положеніе Врангеля. Къ сожалѣнію, ни Врангель, никто другой предупредить неизбѣжной катастрофы уже не могли: домъ горѣлъ, стѣны валились.

Прибывъ въ Добровольческую армію въ концѣ ноября, когда штабъ ея уже покинулъ Харьковъ и по частямъ собирался въ Харцызскѣ, новый Командующій обратился съ приказомъ къ деморализованнымъ войскамъ, стремясь поднять состояніе ихъ духа.

„26-го ноября 1919 г. № 709. г. Зміевъ.

„Славныя войска Добровольческой арміи. Врагъ напрягаетъ всѣ силы, стремясь вырвать побѣду изъ вашихъ рукъ. Красная волна готовится вновь залить освобожденные вами города и села. Смерть, раззореніе и позоръ грозитъ населенію.

„Въ этотъ грозный часъ, волею Главнокомандующаго, я призванъ стать во главѣ васъ. Я выполню свой долгъ въ глубокомъ сознаніи отвѣтственности передъ Родиной. Непоколебимо вѣрю въ нашу побѣду и близкую гибель врага. Мы сражаемся за правое дѣло, а правымъ владѣетъ Богъ.

„Наша армія борется за родную вѣру и счастье Россіи. Къ творимому вами святому дѣлу я не допущу грязныхъ рукъ. Ограждая честь и достоинство арміи, я безпощадно подавлю темныя силы,— погромы, грабежи, насилія, произволъ и пьянство безжалостно будутъ караться мною.

„Я сдѣлаю все, чтобы облегчить вашъ крестный путь, ваши нужды будутъ моими.

„Ограждая права каждаго, я требую исполненія каждымъ долга передъ Родиной, — передъ грозной дѣйствительностью личная жизнь должна уступить мѣсто благу Россіи.

„Съ нами тотъ, — кто сердцемъ русскій, и съ нами будетъ побѣда".

Призывая войска къ грозному отпору, внушая имъ вѣру въ побѣду, Врангель самъ въ эту побѣду едва ли вѣрилъ. Многочисленная конница Буденнаго уже въ октябрѣ разметала подъ Воронежемъ корпуса Мамонтова и Шкуры, потерявшіе всякую боеспособность послѣ грабежей въ рейдахъ и налетахъ. Въ серединѣ ноября Буденный разрѣзалъ фланги смежныхъ Донской и Добровольческой Армій, и своимъ продвиженіемъ впередъ расширялъ все больше этотъ прорывъ, угрожая перерѣзать всѣ коммуникаціи на Таганрогъ и Ростовъ. Чтобы парализовать эту угрозу, Деникинъ перебросилъ всѣ конныя части, которыя можно было собрать въ раіонѣ Донецкаго бассейна, и передалъ ихъ въ распоряженіе Врангеля, а послѣдній всю кавалерію подчинилъ Улагаю.

Уже самое подчиненіе донскихъ казаковъ Мамонтова кубанскому генералу Улагаю носило въ себѣ залогъ пораженія. Обидѣлся не только Мамонтовъ, считавшій себя послѣ прибыльнаго рейда по большевистскимъ тыламъ лучшимъ кавалерійскимъ генераломъ,—но и штабъ Донской арміи, во главѣ съ Командующимъ Сидоринымъ.

Что же представляла изъ себя къ этому времени вся русская бѣлая конница добровольческая и казачья, на которую возлагалось Главнокомандующимъ и всѣмъ встревоженнымъ населеніемъ юга Россіи столько надеждъ?

Лучше всего на это отвѣчаютъ ея ближайшіе начальники, которые должны были ее вести къ побѣдамъ. Генералъ Чекатовскій, начальникъ регулярной кавалерійской дивизіи изъ состава 5 кавалерійскаго корпуса Юзефовича, доносилъ:

„Ю з о в к а. Командующему арміей.

„Отъѣзжая сего числа въ разрѣшенный мнѣ отпускъ по болѣзни, считаю своимъ долгомъ доложить Вашему Превосходительству истинное состояніе тѣхъ полковъ, съ которыми я непрерывно провелъ долгій боевой періодъ. Постараюсь быть краткимъ и прошу вѣрить, что въ этомъ докладѣ не будетъ ни единаго слова преувеличенія. Конскій составъ дивизіи дошелъ до полнаго изнуренія. Выйдя въ походъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, до сихъ поръ дивизія имѣла 5-6 дней, ко-

торые она стояла на мѣстѣ, но все же готовая каждую минуту къ выступленію. Если за эти полъ года были случаи ковки, то это были случаи единичные. О зимней ковкѣ не было и рѣчи. Въ настоящее время лошадь является обузою для всадника, она на каждомъ шагу скользитъ и падаетъ, такъ какъ всѣ дороги въ настоящее время сплошной ледъ, а замерзшія вспаханныя поля для движенія невозможны. Скорость движенія полковъ—3 версты въ часъ. Конныя батареи впрягли въ орудія все, что было возможно—до офицерскихъ лошадей включительно, а офицеры ходятъ пѣшкомъ Чтобы взять какой-нибудь, даже незначительный подъемъ, для этого первое орудіе вывозится на рукахъ, а остальныя—путемъ припряжки уносовъ изъ другихъ орудій. Имѣя впереди 20-30 верстный переходъ, командиры батарей не ручаются, что они дотянутъ до ночлега, а если этотъ переходъ приходится дѣлать съ боями, то батареи, не смотря на всю свою доблесть, отличный офицерскій и командный составъ, являются предметомъ безконечныхъ заботъ ближайшаго кавалерійскаго начальника. Если существуетъ мнѣніе, что въ тылу есть большія пополненія, неиспользованныя частями на фронтѣ, то это несправедливо. Все, что возможно взять изъ тыла сколачивается и привозится въ полки. Но эти пополненія прибываютъ частями, до 20-50 человѣкъ, и за нѣсколько дней незамѣтно таютъ. Примѣромъ можетъ служить 1-я бригада, которая 28 числа имѣла 146 шашекъ, 29 ноября, получивъ пополненіе, имѣла 206 шашекъ, а сегодня, 2 декабря, послѣ боя у Ракитной имѣетъ 141 шашку. При столь ограниченномъ пополненіи и числѣ рядовъ кадры офицерскаго состава гибнутъ, незамѣтно исчезаютъ. Не желая вводить въ заблужденіе высшее командованіе громкими названіями „бригада“, „дивизія“, такъ какъ съ этими наименованіями даются и задачи, я считаю своимъ долгомъ доложить, что *1-я кавалерійская дивизія представляетъ собою не боевую единицу, способную для выполненія какихъ нибудь боевыхъ задачъ, а лишь небольшую вымученную часть, которая своей численностью едва ли достигаетъ численности полка слабаго состава*“.

Это донесеніе касается матеріальной части, помѣщаемые же ниже рапорты генерала Улагая рисуютъ, кромѣ того, и моральное состояніе конницы:

„Конница конной группы становится совершенно не боеспособной. Малочисленная, по сравненію съ кавалерійской арміей противника, она совершенно потеряла сердце, разлагается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Для наглядности разложенія въ донскихъ частяхъ посылаю копію донесенія генерала Науменко, который, за отъѣздомъ генерала Мамонтова, временно командуетъ Донскимъ корпусомъ. Разбогатѣвшая награбленнымъ имуществомъ, особенно богатой добычей послѣ кавалерійскаго рейда, потрясенная безпрерыв-

ными неудачами конница совершенно не желаетъ сражаться, и часто нѣсколько эскадроновъ гонятъ цѣлую дивизію. Нанести какой либо ударъ, или отразить наступленіе противника на флангѣ становится совершенно невозможнымъ дѣломъ. Страшное преобладаніе противника въ количествѣ дѣлаетъ невозможнымъ даже сосредоточеніе всей конницы въ одно мѣсто. Расчитывать на какой либо успѣхъ нельзя, такъ какъ новыя обходныя колонны дѣйствуютъ панически и, чтобы избѣжать окончательной потери всей артиллеріи, приходится опять оттягивать назадъ. При создавшемся положеніи вещей вообще расчитывать на эту конницу невозможно, ее надо лечить другими мѣрами, можетъ быть даже съ тяжелыми жертвами. Мнѣ кажется, что немедленно нужно быстро оттянуть оставшіеся кадры дивизій и корпусовъ, и формировать совершенно новые полки, иначе пополненія, которыя прибываютъ и вливаются въ больныя части, — немедленно заражаются общимъ настроеніемъ и также становятся небоеспособными. *Я уже доносилъ, и теперь повторяю, что въ общемъ конницы у насъ нѣтъ. Расчитывать на что либо серьезное отъ конной группы совершенно нельзя.*

Копія донесенія генерала Науменко: „Генералу Улагаю. 10 Дондивизія около 13 часовъ ушла подъ впечатлѣніемъ большой колонны конницы, двигавшейся по большой дорогѣ изъ Сватово на Кременную. Бѣгство не поддается описанію. Колонна Донцовъ бѣжала, преслѣдуемая однимъ полкомъ, шедшимъ въ лавѣ впереди конной колонны. Всѣ попытки мои и чиновъ Штаба остановить бѣгущихъ не дали положительныхъ результатовъ, лишь небольшая кучка донцовъ и мой конвой задерживались на попутныхъ рубежахъ, все остальное неудержимо стремилось на югъ, бросая обозы, пулеметы и артиллерію. Пока выяснилось, что брошены орудія: двѣнадцатой, восьмой и двадцатой донскихъ батарей. *Начальниковъ частей и офицеровъ почти не видѣлъ, раздавались возгласы казаковъ, что начальниковъ не видно и что они ускакали впередъ.* — Лисичанскъ. 8/12. № 0530. Улагай.“

И далѣе: „Я уже докладывалъ неоднократно, что конная группа небоеспособна. Донскія части, хотя и большого состава, но совсѣмъ не желаютъ и не могутъ выдерживать самаго легкаго нажима противника меньшаго вчетверо числомъ, не говоря уже о массовомъ наступленіи противника. Кубанскихъ и терскихъ частей совершенно нѣтъ. Жалкіе обрывки, сведенные въ одинъ полкъ, совершенно никуда негодны. Артиллеріи почти нѣтъ, пулеметовъ тоже. Вчера донскія дивизіи бѣжали, гонимыя нѣсколькими эскадронами, за которыми въ колоннахъ двигалась конница противника. Подъ натискомъ противника и обходимыя со стороны Ново-Астрахани части Группы съ большимъ трудомъ и потерями перешли р. Донецъ. Донскія дивизіи, подъ напоромъ насѣ-

давшихъ частей конницы противника, большею частью отошли въ раіонъ Лимана и Ямполя; остальныя части переправились у Рубежнаго. *Вся группа, переправившаяся черезъ Донецъ, совершенно неспособна ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ, и кромѣ того, принуждена была уничтожить переправы.* Подавляющія массы конницы противника въ данный моментъ все равно не дадутъ никакой возможности расчитывать на успѣхъ на этомъ фронтѣ. Разложеніе частей настолько сильно, что даже лечить его путемъ пополненій и вливаній въ остатки едва ли возможно. Всѣ мои сообщенія относительно состоянія конницы есть горькая правда, которой не имѣю нравственнаго права скрывать отъ васъ.-8 XII-19 г. генералъ Улагай".

О томъ, что происходило на фронтѣ армій Деникина и въ его тылу къ серединѣ декабря, т. е. за двѣ недѣли до оставленія добровольцами Ростова, не жалѣя красокъ и не щадя никого говоритъ Врангель въ своемъ рапортѣ Главнокомандующему:

„9 декабря 1919 года № 010464.

„Прибывъ 26 ноября въ Добровольческую Армію и подробно ознакомившись съ обстановкой на этомъ, въ настоящее время главнѣйшемъ, участкѣ общаго фронта Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, долгомъ службы считаю доложить слѣдующее:

„Наше настоящее неблагопріятное положеніе явилось слѣдствіемъ главнымъ образомъ, двухъ основныхъ причинъ:

„1) систематическаго пренебреженія нами основными принципами военнаго искусства и

„2) полнаго неустройства нашего тыла.

„Еще весной 1919 года, рапортомъ отъ 4 апрѣля за № 82, я, указывая на значеніе для насъ тогдашней обстановки и Царицынскаго направленія, докладывалъ, что „при огромномъ превосходствѣ силъ противника дѣйствія одновременно по нѣсколькимъ операціоннымъ направленіямъ являются для насъ невозможными" . . .

„По занятіи Кавказской Арміей Царицына, мною и бывшимъ тогда начальникомъ Штаба Кавказской Арміи генераломъ Юзефовичемъ были одновременно поданы два рапорта, гдѣ, предостерегая отъ дальнѣйшаго расширенія нашего фронта, мы указывали на необходимость, занявъ короткій и обезпеченный на флангахъ крупными водными преградами фронтъ Царицынъ-Екатеринославъ,— сосредоточить въ раіонѣ Харькова конную массу въ 3-4 корпуса, для дѣйствій на кратчайшемъ къ Москвѣ направленіи.

„Въ отвѣтъ на наши рапорты на совѣщаніи въ Царицынѣ мнѣ и генералу Юзефовичу было указано, что наше предложеніе вызвано „желаніемъ первыми войти въ Москву" . . . (?).

„Наконецъ, когда въ послѣднее время противникъ, сосредоточивъ крупныя силы на Орловскомъ направленіи, сталъ тѣснить Добровольческую армію, генералъ Романовскій запросилъ меня, какія силы могъ бы я выдѣлить изъ состава Кавказской арміи для переброски на Добровольческій фронтъ. Я телеграммой отъ 18 октября за № 03533 отвѣтилъ, что „при малочисленности конныхъ дивизій переброской 1-2 дѣла не рѣшить“ и предложилъ принять крупное рѣшеніе „перебросить изъ ввѣренной мнѣ арміи 3½ Кубанскихъ дивизіи“.

„Предложеніе мое было отвергнуто, и было принято половинчатое рѣшеніе — изъ состава Кавказской арміи перебросить лишь двѣ дивизіи . . .

„Дальнѣйшія событія вынудили придти къ предложенному мною рѣшенію, и нынѣ изъ Кавказской арміи взяты именно 3½ дивизіи, но время утеряно безвозвратно . . .

„Гонясь за пространствомъ, мы безконечно растянулись въ паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми...

„Между тѣмъ, въ противоположность намъ, большевики твердо придерживались принципа полнаго сосредоточенія силъ и дѣйствій противъ живой силы врага. Въ то время, какъ продвиженіе Кавказской арміи къ Саратову создало угрозу коммуникаціямъ Восточнаго большевистскаго фронта, красное командованіе спокойно смотрѣло на продвиженіе нашихъ силъ къ Курску и Орлу и неукоснительно проводило въ жизнь планъ сосредоточенія ударной массы въ раіонѣ Саратова съ тѣмъ, чтобы обрушившись на ослабленную тысячеверстнымъ походомъ и выдѣленіемъ большого числа частей на Добровольческій фронтъ Кавказскую армію, отбросить ее къ югу.

„Лишь послѣ того, какъ остатки Кавказской арміи отошли къ Царицыну и окончательно обезкровленные потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцію, — красное командованіе, сосредоточивъ силы для прикрытія Москвы, начало операціи противъ Добровольческой арміи, растянувшейся къ этому времени на огромномъ фронтѣ при полномъ отсутствіи резервовъ, и, обрушившись на нее, заставило ее катиться назадъ.

„Несмотря на разстройство транспорта и прочія затрудненія, принципъ сосредоточенія силъ проводился краснымъ командованіемъ полностью.

„Продвигаясь впередъ, мы ничего не дѣлали для закрѣпленія захваченнаго пространства; на всемъ протяженіи отъ Азовскаго моря до Орла не было подготовлено въ тылу ни одной укрѣпленной полосы, ни одного узла сопротивленія. И теперь арміи, катящейся назадъ, не за что зацѣпиться.

„Безпрерывно двигаясь впередъ, армія растягивалась, части разстраивались, тылы непомѣрно разростались. Разстройство увеличилось еще и допущенной Командующимъ арміей мѣрой „самоснабженія“ частей.

„Сложивъ съ себя всѣ заботы о довольствіи, Штабъ арміи предоставилъ войскамъ довольствоваться исключительно мѣстными средствами, используя ихъ попеченіемъ самихъ полковъ и обращая въ свою пользу захватываемую военную добычу.

„Война обратилась въ средство наживы, а довольствіе мѣстными средствами — въ грабежъ и спекуляцію.

„Каждая часть спѣшила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на мѣстѣ — отправлялось въ тылъ для товарообмѣна и обращенія въ денежные знаки... Подвижные запасы войскъ достигали гомерическихъ размѣровъ, — нѣкоторыя части имѣли до двухсотъ вагоновъ подъ своими полковыми запасами... Огромное число чиновъ обслуживало тылы. Цѣлый рядъ офицеровъ находился въ длительныхъ командировкахъ по реализаціи военной добычи частей, для товарообмѣна и т. п....

„Армія развращалась, обращаясь въ торгашей и спекулянтовъ...

„Въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ „самоснабженія“, а съ этимъ дѣломъ соприкасались всѣ до младшаго офицера и взводнаго раздатчика включительно, — оказались бѣшеныя деньги, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явились развратъ, игра и пьянство... Къ несчастью примѣръ подавали нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ, гомерическіе кутежи и бросаніе бѣшеныхъ денегъ которыхъ производились на глазахъ всей арміи.

„Неудовлетворительная постановка контръ-развѣдки и уголовно розыскного дѣла, работавшихъ вразбродъ, недостаточность денежныхъ для нихъ отпусковъ и неудачный подборъ сотрудниковъ, все это дало большевистскимъ агитаторамъ возможность продолжать въ тылу арміи ихъ разрушительную работу.

„Необезпеченность желѣзнодорожныхъ служащихъ жалованьемъ повела къ тому, что наиболѣе нужные служащіе при приближеніи большевистскаго фронта, бросали свои мѣста и перебѣгали на сторону противника.

„Населеніе, встрѣчавшее армію при ея продвиженіи съ искреннимъ восторгомъ, настрадавшееся отъ большевиковъ и жаждавшее покоя, вскорѣ стало вновь испытывать на себѣ ужасы грабежей, насилій и произвола.

„Въ итогѣ — развалъ фронта и возстанія въ тылу...

„Я засталъ штабъ арміи уже покинувшимъ Харьковъ и армію въ полномъ отступленіи.

„Эвакуація велась хаотически, никакого плана не было... Ни одно учрежденіе не получило точныхъ указаній о пути слѣдованія и мѣстѣ назначенія, — все неслось куда глаза глядятъ... Станціи оказались забитыми огромными составами разныхъ частей, санитарные поѣзда недѣлями стояли неразгруженными... Раненые по три дня не получали пищи, и на станціи Славянскъ, во время моего прибытія туда, раненый офицеръ повѣсился, не будучи въ состояніи выдержать голода...

„Огромное число бѣженцевъ, главнымъ образомъ семьей офицеровъ, забило всѣ составы на станціи... Никакихъ мѣръ къ эвакуаціи ихъ принято не было и они въ буквальномъ смыслѣ голодали и замерзали... На всемъ пути отъ Зміева ко дню моего пріѣзда числилось: въ 1 корпусѣ — 2600 штыковъ; въ 5 кавалерійскомъ корпусѣ — около 1015 сабель; въ Полтавской группѣ около 100 шт. и 200 саб.; въ конной группѣ — около 3500 сабель. Всего: около 3600 штыковъ и 4700 сабель. Нѣкоторыя части были сведены: Кубанскій корпусъ въ бригаду, Корниловскіе полки въ батальоны, два Марковскихъ полка и особая бригада сохранили лишь кадры и были отправлены въ глубокій тылъ. Дроздовская дивизія сведена въ три роты... Войска отказываются отъ содѣйствія танковъ, опасаясь потерять ихъ; артиллерія почти вся выбыла изъ строя.

„Въ тылу находилась, кромѣ того, на формированіи и пополненіи Алексѣевская дивизія, насчитывавшая не болѣе 300 штыковъ.

„Силы противника по даннымъ развѣдки состояли изъ 51.000 штыковъ, 7.000 сабель и 205 орудій.

„Войска, вслѣдствіе безпрерывныхъ переходовъ и распутицы переутомлены до крайности, лошади изнурены совершенно, а артиллерія и обозы сплошь и рядомъ бросаются, такъ какъ лошади падаютъ на дорогѣ.

„Состояніе конницы самое плачевное. Лошади давно некованныя, всѣ подбиты. Масса истощенныхъ съ набитыми холками. По свидѣтельству командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

„Вотъ горькая правда. Арміи, какъ боевой силы, нѣтъ...

„Въ настоящее время принятъ рядъ мѣръ для упорядоченія тыла, довольствіе арміи взято въ руки отдѣла снабженія, спѣшно создаются узлы сопротивленія, объявлена мобилизація и дѣлается все для спѣшнаго пополненія частей; однако, всѣ эти мѣры являются весьма запоздалыми и, прежде нежели армія будетъ возсоздана вновь, — уйдетъ не мало времени. Противникъ это учитываетъ и бросаетъ все, что можетъ, для дальнѣйшаго использованія своего успѣха.

„Надо имѣть мужество взглянуть правдѣ въ глаза и быть готовымъ къ новымъ испытаніямъ.

„Въ предвидѣніи ихъ считаю необходимымъ:

1) Нынѣ же принять опредѣленный общій планъ дѣйствій, выбравъ одно главное операціонное направленіе, на которое и сосредоточить главную массу силъ, не останавливаясь передъ потерей нѣкоторой части захваченнаго пространства.

2) Нынѣ же принять мѣры къ эвакуаціи вглубь страны тыловыхъ учрежденій, въ частности разгрузить Ростовъ и Таганрогъ полностью.

3) Немедленно подготовить въ тылу страны укрѣпленныя полосы и узлы сопротивленія.

4) Расформировать часть гражданскихъ и военныхъ учрежденій, непомѣрно разросшихся и умножившихся, и все годное погнать на фронтъ.

5) Обезпечить безопасность и матеріальное существованіе семьей офицеровъ и служащихъ казенныхъ учрежденій. Офицеръ не можетъ спокойно сражаться, зная что его семья въ опасности и голодаетъ; необходимо немедленно озаботиться оборудованіемъ колоній для семьей офицеровъ и чиновниковъ, гдѣ эти семьи были бы обезпечены квартирой и пайкомъ, а въ случаѣ угрозы могли бы быть увѣрены въ своевременномъ вывозѣ въ безопасное мѣсто.

6) Немедленно принять рядъ самыхъ жестокихъ мѣръ для борьбы съ произволомъ, грабежами и пьянствомъ, разлагающими армію. Удалить, независимо отъ боевыхъ заслугъ, высшихъ начальниковъ, поведеніе которыхъ создаетъ постоянный соблазнъ для младшихъ.

7) Принять рядъ мѣръ къ пополненію частей людьми и лошадьми. Въ частности, необходимо созданіе инспекціи конницы, безъ чего намъ не сохранить этого рода оружія. О необходимости созданія инспекціи конницы я докладывалъ неоднократно, нынѣ это совершенно необходимо; противникъ напрягаетъ всѣ силы для созданія крупныхъ конныхъ соединеній, наша же конница, создаваемая и пополняемая безъ общаго правильнаго руководства, скоро растаетъ совершенно.

8) Упорядоченіе постановки контръ-развѣдки и уголовнаго розыска, объединеніе ихъ въ предѣлахъ арміи и Главнокомандованія въ однѣхъ рукахъ, и обезпеченіе дѣла соотвѣтствующими кредитами.

9) Милитаризацію желѣзныхъ дорогъ, подчиненіе начальниковъ дорогъ Начальнику военныхъ сообщеній и обезпеченіе служащихъ на дорогахъ своевременной оплатой содержанія и увеличенія его до соотвѣтственныхъ съ дороговизной размѣровъ.

„Въ заключеніе считаю необходимымъ доложить, что если предложенныя мною мѣропріятія не будутъ признаны заслуживающими вниманія и безотлагательно осуществлены, то, учитывая грозное положеніе на фронтѣ, я не считаю возможнымъ нести на себѣ отвѣтственность Командующаго Добровольческой арміей". Генералъ Врангель.

Пославъ Главнокомандующему этотъ рапортъ — обвинительный актъ его, Штаба и Особаго Совѣщанія — органа, выполнявшаго при Деникинѣ функціи правительственнаго аппарата, — Врангель на другой же день, желая какъ-бы смягчить впечатлѣніе своего доклада, пишетъ ему частное письмо:

„10 декабря 1919 года.

„Глубокоуважаемый Антонъ Ивановичъ!

„Въ настоящую грозную минуту, когда боевое счастье измѣнило намъ, и обрушившаяся на насъ волна красной нечисти можетъ поглотить тотъ корабль, который Вы, какъ кормчій, вели сквозь бури и непогоды, я, какъ одинъ изъ тѣхъ, который шелъ за Вами почти съ начала на этомъ кораблѣ, я нравственно считаю себя обязаннымъ сказать Вамъ, что сердцемъ и мыслями горячо чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытаніе судьбы. Если Вамъ можетъ быть утѣшеніемъ сознаніе что тѣ, кто пошелъ за Вами, съ Вами вмѣстѣ переживаютъ и радости и горести, то прошу Васъ вѣрить, что и сердцемъ и мыслями я нынѣ съ Вами и радъ всѣми силами Вамъ помочь. — П. Врангель".

Неизвѣстно что перечувствовалъ Деникинъ, послѣдовательно получившій два столь различныхъ по содержанію письма, но на второе онъ тотчасъ же отвѣтилъ:

„Глубокоуважаемый Петръ Николаевичъ!

„Ваше письмо меня глубоко тронуло. Въ такомъ содружествѣ и чувства и работы — источникъ силъ и надеждъ въ тяжкое время перемѣны боевого счастья.

„Но оно вернется. Я въ это глубоко вѣрю.

„И Вашъ душевный порывъ, повѣрьте, нашелъ сильный, искренній откликъ.

„Отъ души желаю Вамъ счастья и удачи.

А. Деникинъ.

„Многія Ваши пожеланія частью были проведены, частью проводятся въ жизнь".

Однако, пока проектируемыя Врангелемъ мѣры могли получить осуществленіе и принести реальные плоды, противникъ не оставлялъ нажима и продолжалъ гнать уходившую безъ боя конницу, и угрозами обхода заставлялъ бросать всѣ естественные рубежи, на которыхъ пыталась защищаться Добровольческая пѣхота. Не теряя бодрости духа Врангель дѣлалъ все возможное.

Для спѣшнаго пополненія арміи людьми и лошадьми объявилъ мобилизацію и потребовалъ войска изъ резерва.

Подвижной составъ былъ отобранъ отъ войсковыхъ частей, въ результатѣ чего усилилась дѣятельность желѣзныхъ дорогъ.

Довольствіе частей было передано въ руки Отдѣла Снабженія, грабежи были прекращены.

Принимая самыя энергичныя мѣры къ упорядоченію тыла Добровольческой арміи, Врангель подалъ проектъ объ учрежденіи должности диктатора тыла. Главное командованіе категорически отклонило это предложеніе.

Между тѣмъ сложившаяся на фронтѣ обстановка становилась грозной. Противникъ все глубже и глубже вклинивался между Кавказской и Добровольческой Арміями, и эти арміи стали откатываться на югъ. Фронтъ какъ-бы разрѣзывался пополамъ, и становилось ясно, что задержать продвиженіе противника Добровольческая армія не можетъ, что нужно принять крупное рѣшеніе, общее для всѣхъ войскъ.

11 декабря Врангель доноситъ Главнокомандующему:

„События развиваются съ чрезвычайной быстротой, и неблагопріятно сложившаяся для насъ на фронтѣ обстановка становится грозной. Нашъ фронтъ разрѣзанъ пополамъ и армія отходитъ на Ю.-В. и Ю.-З.; необходимо принять крупныя рѣшенія.

„Со своей стороны полагаю необходимымъ:

„1. Правую группу арміи постепенно отводить на линію р. Салъ и Донъ, сохранивъ плацдармъ на правомъ берегу рѣки по линіи: устье р. Міуса—Н.-Черкасскъ. Спѣшно укрѣплять указанный фронтъ, объявивъ рабочую повинность населенію. Одновременно подготовлять сопротивленія по линіи р. Манычъ и укрѣплять раіонъ Новороссійска.

„2. Лѣвую группу арміи отводить въ Крымъ, спѣшно укрѣпляя подступы къ нему.

„3. Кавказскую, Донскую и Добровольческую арміи, по отводѣ на означенную линію, свести въ четыре корпуса: 1 Добровольческій, 1 Кубанскій и 2 Донскихъ, подъ Вашимъ непосредственнымъ управленіемъ. Всѣ лишніе штабы расформировать, направивъ чиновъ въ строй.

„4. Изъ войскъ лѣвой группы составить отдѣльный Крымскій корпусъ.

„5. Немедленно объявить мобилизаціи на Дону, Кубани и Терекѣ, возложивъ руководство сборомъ пополненій на популярныхъ генераловъ соотвѣтствующихъ войскъ.

„6. Готовясь всѣми силами къ продолженію борьбы, одновременно безотлагательно подготовлять все, дабы въ случаѣ неудачи, не быть застигнутыми врасплохъ, выполнить лежащія на насъ нравственныя обязательства и сохранить

кадры арміи и часть техническихъ средствъ, для чего нынѣ же войти въ соглашеніе съ союзниками о перевозкѣ, въ случаѣ необходимости, арміи въ иностранные предѣлы, куда при первой же возможности начать эвакуацію матерей, женъ и дѣтей офицеровъ, отдающихъ родинѣ жизнь. Ихъ спасеніе — вопросъ нашей чести.

Генералъ-Лейтенантъ бар. Врангель".

Съ мнѣніемъ Врангеля о сведеніи Добровольческой арміи въ корпусъ, а также о необходимости формированія новыхъ частей на Сѣверномъ Кавказѣ Деникинъ согласился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по настоянію Командующаго донцами Сидорина, приказано было Добровольческой арміи двигаться на соединеніе съ Донской, для прикрытія Ростовскаго направленія, а отнюдь не стремиться къ Крыму, куда замѣчалось тяготѣніе.

Съ большимъ трудомъ удалось вывести измученныя войска на указанное направленіе, послѣ тяжелаго перехода фланговымъ маршемъ на разстояніи свыше 500 верстъ.

Отступленіе войскъ къ югу протекало столь поспѣшно, что штабъ Главнокомандующаго совершенно растерялся. Нечего было и думать о вывозѣ всѣхъ громадныхъ складовъ обмундированія, вооруженія и базисныхъ магазиновъ изъ Таганрога и Ростова. Свирѣпствовавшій зимой 1919—20 года тифъ, косившій людей, уменьшавшій боевой составъ, переполнившій всѣ госпиталя, лазареты и частные дома, еще больше подорвалъ провозоспособность желѣзныхъ дорогъ. Приходилось заботиться о вывозѣ не только раненыхъ но и выздоравливающихъ тифозныхъ, зная по прошлому какая участь ихъ всѣхъ ожидаетъ, въ случаѣ прихода большевиковъ.

Таганрогъ, гдѣ была Ставка, вслѣдствіе непонятнаго оптимизма Деникина и малыхъ способностей его ближайшихъ подчиненныхъ: ген. Тихменева — начальника военныхъ сообщеній, и особенно генералъ-квартирмейстера Плющевскаго-Плющика, катастрофой былъ застигнутъ врасплохъ.

Иностранныя миссіи при Деникинѣ, перегруженныя личнымъ составомъ и гигантскимъ багажемъ — англичане по преимуществу — требовали себѣ цѣлые подвижные составы, отдѣльные сквозные паровозы, внося сумятицу въ планъ эвакуаціи, если подобіе таковаго было составлено Тихменевымъ. Поѣздъ Главнокомандующаго съ трудомъ пробился къ Ростову. Весь короткій двухколейный путь Таганрогъ-Ростовъ былъ забитъ поѣздами, вагоны стояли сплошной стѣной, не будучи въ состояніи десятками часовъ двинуться ни взадъ ни впередъ; дорогу сковалъ параличъ.

Появленіе конницы красныхъ передъ Таганрогомъ заставило сдать городъ безъ боя. Не успѣвшіе уѣхать, бѣжали пѣшкомъ. Разсказываютъ, что эту участь раздѣлили чины нѣкоторыхъ иностранныхъ миссій.

20-го декабря Добровольческая армія, уже подходя къ Ростову, была сведена въ корпусъ, подъ командованіемъ Кутепова.

Врангель оказался свободнымъ и предложилъ свои услуги по формированію новыхъ казачьихъ частей. По его мнѣнію, на Кубани нужно было поднять „сполохъ" всего казачества и собрать новую казачью армію въ 20—25 конныхъ полковъ, которая одна могла спасти положеніе. Опираясь на свою популярность на Кавказѣ, онъ считалъ, что ему удастся справиться съ этой задачей, и черезъ мѣсяцъ, недѣль шесть, 15-ти тысячная конница уже будетъ у него въ рукахъ. Необходимо лишь было остановить на это время на линіи Манычь—Донъ катившійся безудержно большевистскій красный валъ.

Съ предложеніемъ Врангеля Деникинъ согласился. Но одновременно, неизвѣстно по какимъ мотивамъ, стремясь ли ему помочь въ мобилизаціи казачества, что могло удасться лишь при широкой агитаціи, или не вѣря въ силу Врангеля на Кубани, гдѣ онъ выполнялъ задачу по ликвидаціи кубанскихъ самостійниковъ, Деникинъ къ той же цѣли привлекъ и генерала Шкуро.

Снова была сдѣлана колоссальная, чисто тактическая ошибка. Партизанъ Андрей Шкуро, выдвинувшійся въ чинѣ есаула съ начала гражданской войны своими удачными налетами на слабо защищенные красными города Минераловодской группы, благодаря потакательству дурнымъ инстинктамъ своихъ подчиненныхъ, смотрѣвшій сквозь пальцы на грабежи и погромы, — пользовался большой извѣстностью и сказочной популярностью. Къ нему стекались не только изъ тыла, но и дезертировали изъ другихъ частей. Подчиненныя ему войска, сперва полкъ, затѣмъ дивизія, позже корпусъ зачастую дѣлали превосходныя дѣла, но, въ концѣ концовъ, разбогатѣвъ, совершенно развратились и стали небоеспособными. Въ военномъ отношеніи, какъ крупный начальникъ, Шкуро былъ круглый нуль.

Въ своемъ рапортѣ Деникину, среди другихъ высшихъ лицъ служившихъ пагубнымъ примѣромъ подчиненнымъ, Врангель прежде всего подразумѣвалъ Шкуру, и вступивъ въ командованіе Добровольческой арміей, куда входилъ этотъ генералъ со своимъ корпусомъ, первымъ дѣломъ отрѣшилъ его отъ должности. Вполнѣ понятно поэтому, что о никакомъ совмѣстномъ сотрудничествѣ на Кубани по формированію новой арміи между Врангелемъ и

Шкуро не могло быть и рѣчи. Поэтому получивъ назначеніе Врангель запросилъ, что должна была означать командировка Шкуро. Въ отвѣтъ послѣдовало назначеніе послѣдняго Командующимъ Кубанской арміей, а Врангелю было предложено отправиться въ Новороссійскъ укрѣплять плацдармъ. Прибывъ въ Новороссійскъ Врангель узналъ, что и здѣсь порученная ему задача одновременно возложена на другое лицо, а именно на помощника Главнокомандующаго ген. Лукомскаго. Становилось яснымъ, что отчужденіе, существовавшее уже давно между Деникинымъ и Врангелемъ, иногда потухавшее, минутами разгоравшееся снова, превращается въ пропасть, и Врангель является уже болѣе ненужнымъ человѣкомъ.

Устраненіе отъ дѣлъ такого виднаго дѣятеля, не только въ войскахъ, но и въ глазахъ населенія, вызвало цѣлую бурю толковъ и разговоровъ. Считалось, что никто другой какъ начальникъ штаба Романовскій, имѣвшій исключительное вліяніе на Деникина интригуетъ противъ Врангеля, видя въ немъ опаснаго соперника, теряющему всякій престижъ Главнокомандующему. Между тѣмъ Романовскій, котораго безъ достаточныхъ основаній называли „злымъ геніемъ Добровольческой арміи“ и главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій, меньше всего въ тѣ минуты думалъ о сведеніи какихъ-либо личныхъ счетовъ. Онъ зналъ о всѣхъ угрозахъ, которыя существовали въ арміи по его адресу, былъ предупрежденъ что его хотятъ убить, и мечталъ только о томъ, когда положеніе дѣлъ улучшится и онъ въ состояніи будетъ уйти.

31 декабря, находясь въ Новороссійскѣ, Врангель донесъ Главнокомандующему:

„Сего числа меня посѣтилъ представитель Великобританскаго правительства г-нъ Макъ-Киндеръ, пожелавшій имѣть со мной секретный разговоръ.

„Въ виду того, что г-нъ Макъ-Киндеръ обратился ко мнѣ какъ представитель иностраннаго государства, я считаю своимъ долгомъ донести Вамъ въ порядкѣ подчиненности о сущности затронутаго имъ вопроса.

„Г-нъ Макъ-Киндеръ сообщилъ мнѣ, что имъ получена депеша его правительства, требующая объясненій по поводу полученныхъ въ Варшавѣ свѣдѣній о якобы произведенномъ мною переворотѣ, причемъ, будто-бы, я возглавилъ Вооруженныя Силы Юга Россіи. Г-нъ Макъ-Киндеръ высказалъ предположеніе, что основаніемъ для этого слуха могли послужить тѣ, будто бы непріязненныя отношенія, которыя установились между Вашимъ Превосходительствомъ и мною, ставшія широкимъ достояніемъ; онъ просилъ меня съ полной откровеноостью, буде признано возможнымъ, высказаться по затронутому вопросу. Я отвѣтилъ, что мнѣ из-

вѣстно о распространеніи подобныхъ слуховъ и въ предѣлахъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, что цѣль ихъ, повидимому, желаніе подорвать довѣріе къ начальникамъ въ арміи и внести разложеніе въ ея ряды, почему въ распространеніи ихъ надо подозрѣвать работу непріятельской развѣдки.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что пойдя за Вами въ началѣ борбы за освобожденіе родины, я, какъ честный человѣкъ и какъ солдатъ, не могу допустить мысли о какомъ бы то ни было выступленіи противъ начальника, въ подчиненіе котораго я добровольно сталъ.

„Господинъ Макъ-Киндеръ спросилъ меня, можетъ ли онъ телеграфировать своему правительству, ссылаясь на мои слова, на что я вновь подтвердилъ сказанное раньше, уполномочивъ его передать своему правительству, что достаточной порукой сказаннаго явится данное мною слово и вся предыдущая моя боевая служба.

„Объ изложенномъ доношу. П. Врангель“.

Отвѣта на этотъ рапортъ не послѣдовало.

Между тѣмъ, вынужденная бездѣятельность въ тѣ минуты, когда все разваливалось, тяжело отражалась на состояніи духа Врангеля. Онъ сдѣлалъ попытку проѣхать въ Одессу въ помощь Шиллингу, но въ концѣ января Одесса перешла въ руки большевиковъ и ея гарнизонъ вмѣстѣ съ отошедшими отъ Кіева остатками войскъ Бредова, съ трудомъ пробился на с.-западъ и, перейдя границу Польскаго Государства, былъ заключенъ въ концентраціонные лагери.

Подавъ прошеніе объ отставкѣ, въ началѣ февраля Врангель уѣхалъ въ Крымъ какъ частное лицо.

ГЛАВА IV.

Весна 1918 г. протекала на Кубани въ междуусобной войнѣ.

Съ одной стороны старослуживое казачество, отрицательно относившееся къ большевистскому хозяйничанью, открыто шло за создававшейся Добровольческой арміей, съ другой — вожаки, типа Автономова и Сорокина, увлекали за собой молодое поколѣніе для истребленія „бѣлогвардейцевъ“-офицеровъ, собиравшихся подъ стягомъ Корнилова и Алексѣева на территоріи Кубани.

Кубанское правительство, въ лицѣ Быча, Рябовола, атамана ген. Филимонова и другихъ, изъ за неустойчивой политики которыхъ и произошелъ расколъ среди казаковъ, — бѣжало изъ Екатеринодара съ самаго момента появленія совдеповъ въ области, и присоединилось къ добровольцамъ. Здѣсь, въ обозѣ арміи, правительство продѣлало весь „Ледяной походъ“, и къ началу лѣта снова стало у власти, скоро позабывъ, что своей реставраціей оно было всецѣло обязано успѣхамъ Корнилова и его замѣстителя Деникина. Принявъ командованіе вооруженными силами Юга Россіи, Деникинъ, съ прямотой солдата объявилъ лозунгъ дальнѣйшей борьбы: созданіе Великой, Единой и Недѣлимой Россіи. —

Имѣя передъ глазами примѣръ отложившихся отъ Государства русскаго окраинъ: Украины, Латвіи, Финляндіи, Грузіи и другихъ, кубанскіе правители въ политической программѣ Главнокомандующаго увидѣли прежде всего посягательство на суверенныя права казаковъ. — Началась глухая закулисная борьба, скоро принявшая довольно опредѣленный характеръ оппозиціи политикѣ Деникина и позже — его арміи.

Во главѣ такъ называемаго „самостійнаго“ движенія сталъ кубанскій премьеръ Бычъ и сочувствующіе ему члены Кубанской Рады Макаренко, Рябоволъ и другіе.

Объединившееся на платформѣ побѣдоносной войны съ большевиками населеніе, начало снова раздѣляться на партіи. Фронтъ былъ еще крѣпокъ: казакамъ не знавшимъ отдыха въ жестокой борьбѣ сперва въ предгорьяхъ Кавказа, позже въ безводныхъ Сальскихъ и Калмыцкихъ степяхъ, было не до политики. Они, какъ русскіе воины, честно

сражались и безропотно умирали, не разбирая гдѣ это происходило на ихъ казачьей землѣ, или далеко за предѣлами Кубани въ плесахъ Днѣпра или Волги. Но тылъ глухо волновался и готовился всѣми средствами отстаивать казачьи права, „попранныя „узурпаторомъ“ Деникинымъ. Въ станицахъ повели агитацію. Въ Екатеринодарѣ создали правительственные органы печати — Кубанскую Волю и Край, — взявшіе съ мѣста рѣзко отрицательный тонъ ко всему добровольческому дѣлу.

Идя на открытый разрывъ съ Главнымъ командованіемъ, Кубанская Рада, въ лицѣ ея наиболѣе вліятельныхъ членовъ. не стѣсняясь, убѣждала казаковъ бросить Д. армію, а защищать лишь свои границы, отстаивая свою политическую независимость. И когда, по условіямъ хода борьбы, Ставка спѣшно перебросила 1 Таманскій полкъ въ Крымъ, Рада послала запросъ Деникину, на какомъ основаніи казаки выводятся изъ предѣловъ области.

Пропасть увеличивалась съ каждымъ днемъ.

Въ станицахъ уже появились, „зеленые“ — дезертиры, не желавшіе сражаться, тайно покровительствуемые лѣвыми членами Рады.

Главное командованіе, связанное операціями противъ большевиковъ, къ началу лѣта 1919 года имѣло уже внутренній фронтъ — изъ „зеленыхъ“ и сильной политической группы во главѣ съ Макаренко, принявшимъ опредѣленный курсъ на примиреніе съ большевиками.

Въ это же время Кубань послала въ Парижъ особую делегацію, якобы въ помощь Сазонову. Въ дѣйствительности делегація разсматривала себя какъ спеціальное посольство независимой Кубани, и уже заранѣе, не покидая еще предѣловъ страны, рѣшила вести самостоятельную политику, внѣ всякаго вліянія Сазонова. Справедливость требуетъ отмѣтить, что лойяльные, по отношенію къ Деникину, представители делегаціи не сочли возможной совмѣстную работу съ наиболѣе непримиримыми ея членами, и вернулись обратно. Другіе были возвращены изъ-за границы распоряженіемъ предсѣдателя Быча; и изъ всей делегаціи остались въ Парижѣ: предсѣдатель Лука Бычъ, члены — Савицкій — бывшій офицеръ конвоя Государя, разстрига священникъ Кулабуховъ и черкесъ Намитковъ. Въ концѣ лѣта Кулабуховъ вернулся въ Екатеринодаръ, для выясненія обстановки.

Въ это время положеніе на фронтѣ арміи измѣнилось въ пользу краснаго командованія и тылъ уже ярко горѣлъ заревомъ начинавшагося развала. Краевая Рада, во главѣ съ Макаренко, смѣнившимъ убитаго въ Ростовѣ Рябовола, продолжала свою безсмысленную борьбу съ Деникинымъ, уже съ открытымъ забраломъ.

Главнокомандующій оставался видимо какъ-будто безразличнымъ, все расчитывая на благоразуміе широкой казачьей массы, и къ тому же былъ занятъ тревожнымъ положеніемъ фронта, поглощавшимъ все его вниманіе.

Только въ ноябрѣ когда казаки на фронтѣ уже перестали сражаться, Деникинъ рѣшился на „coup d'état.“

„Въ іюлѣ текущаго года, — телеграфировалъ Главнокомандующій 25 октября изъ Таганрога Врангелю, оборонявшему Царицынъ, — между Правительствомъ Кубани и Меджилисомъ горскихъ народовъ заключенъ договоръ, въ основу котораго положена измѣна Россіи и передача Кубанскихъ казачьихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ распоряженіе Меджилиса, чѣмъ обрекается на гибель Терское войско. Договоръ подписанъ Бычемъ, Савицкимъ, Кулабуховымъ и Намитковымъ — съ одной стороны и Чермоевымъ, Гандаровымъ, Хадзараговымъ, Бамматовымъ — съ другой стороны. Приказываю, при появленіи этихъ лицъ на территоріи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, немедленно предать ихъ военно-полевому суду за измѣну.

Ликвидація кубанскаго движенія была поручена Врангелю потому, что Кубань являлась тыломъ Кавказской арміи, и развалъ тыла угрожалъ самой арміи.

Врангель не сочувствовалъ вооруженному вмѣшательству, о чемъ за нѣсколько дней передъ этимъ писалъ Покровскому:

Глубокоуважаемый Викторъ Леонидовичъ.

Вернувшись въ Армію переговорилъ съ большею частью Начальствующихъ лицъ, объѣхалъ части и обстоятельно разобрался въ обстановкѣ. Армія нынѣ пополнилась, — однако полки усилившись въ 3—8 разъ, неизбѣжно измѣнили свой обликъ и измѣнились въ худшую сторону. Въ то время какъ армія съ конца іюля обливаясь кровью, сдерживала въ 10 разъ сильнѣйшаго врага, шагъ за шагомъ отходя къ Царицыну, все что было наименѣе устойчиво, все это щадило свой животъ и въ бою видѣло лишь средство наживы — все это уходило въ тылъ. На фронтѣ осталась лучшая часть казаковъ, въ станицахъ засѣли промѣнявъ мечь на плугъ шкурники и грабители. Нынѣ эти шкурники и грабители въ видѣ пополненій вновь вернулись въ части и вернулись развращенные тѣми, въ чьихъ задачахъ разложить и ослабить армію. Усилія „самостійниковъ“ за послѣднее время направлялись на наиболѣе стойкіе отдѣлы — Линейцевъ и пополненія изъ этихъ отдѣловъ наиболѣе развращены. При этихъ условіяхъ расчитывать на полки въ случаѣ внутреннихъ осложненій, нынѣ несравненно труднѣе, чѣмъ $1\frac{1}{2}$—2 мѣсяца тому назадъ. По даннымъ контръ-развѣдки Штаба арміи, тѣ части которыя намѣчены

Вами для переброски въ Екатеринодаръ, на время созыва Рады, развращены не менѣе другихъ; въ частности во 2-мъ Уманскомъ полку отношенія между офицерами и казаками таковы, что мнѣ пришлось отказаться отъ переброски этого полка. Конечно Армія по прежнему чужда всякой „самостійности", какъ чужды ей и широкіе слои казачества, но при настоящемъ составѣ полковъ расчитывать на стойкость частей, въ случаѣ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ оружіемъ — трудно. Предлагая извѣстныя требованія можно опереться на Армію, но использовавъ это оружіе лишь какъ „Дамокловъ мечь", отнюдь не нанося имъ удары. По свѣдѣніямъ моимъ признакъ военнаго переворота уже пугаетъ Кубанскихъ Мирабо и его можно и должно использовать, однако, повторяю отнюдь не воплощая въ жизнь. При настоящемъ положеніи я обуславливаю мое выступленіе въ Радѣ отъ имени Арміи лишь совершенно исключая какіе бы то ни было вооруженные выступленія, аресты и. т. д. Примите мѣры къ недопущенію этого, во что бы то ни стало. Направленіе принятое „Большимъ Войсковымъ Кругомъ на Дону" еще болѣе укрѣпитъ меня въ принятомъ рѣшеніи. Работа лѣваго крыла Круга и самостійниковъ на Кубани происходитъ въ тѣсной связи и, ежели бы военный переворотъ на Кубани и увѣнчался успѣхомъ, то успѣхъ тотъ, кратковременный и непрочный, несомнѣнно вызвалъ бы бурю на Дону, бурю которая не только свела бы на нѣтъ этотъ успѣхъ, но и потрясла бы мощь выдвигаемаго съ такимъ трудомъ зданія Новой Великой Россіи.

А наканунѣ полученія телеграммы Главнокомандующаго, Врангель пытался еще найти примиряющій выходъ: „24 окт. 1919 г. Екатеринодаръ. Предсѣдателю „Краевой Рады."

„Отъ имени Кавказской арміи шлю привѣтъ. Обезпечивая жизнью своею миръ и благодѣнствіе родного края, кавказскіе орлы вѣрятъ, что Рада — носительница высшей власти въ краѣ, найдетъ вѣрные пути къ созидательной работѣ на пользу Родины".

Кубанскій войсковой атаманъ и Краевая Рада распоряженіе Главнокомандующаго признали неправильнымъ, о чемъ и телеграфировали Врангелю, выѣхавшему въ Пятигорскъ.

„Кубанскій Войсковой Атаманъ и Кубанское Краевое правительство категорически заявляютъ, что Краевое Правительство никакихъ договоровъ съ Меджилисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномачивало. Лица, перечисленныя въ телеграммѣ Главнокомандующаго: Бычъ, Намитковъ, Савицкій и Кулабуховъ были делегированы Кубанской Краевой Радой, а первые два и Кубанскимъ Краевымъ Правительствомъ.

Правительство послало своихъ делегатовъ, какъ представителей въ составъ Россiйской делегацiи въ Парижѣ, въ помощь Сазонову, а также для защиты интересовъ Кубани передъ Мирной Конференцiей и для информацiи. Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого Правительства договоръ съ Меджилисомъ горскихъ народовъ, о чемъ Краевому Правительству по сiе время оффицiально неизвѣстно, то вопросъ о превышенiи названными лицами данныхъ имъ полномочiй подлежитъ сужденiю Краевого Правительства и существо договора сужденiю Кубанской Краевой Радѣ, на разсмотрѣнiе которой въ данный моментъ вносится. Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковые пользуются неприкосновенностью, почему въ случаѣ совершенiя ими незакономѣрныхъ дѣйствiй могутъ подлежать суду только Кубанской Краевой Власти, ихъ делегировавшей. Приказъ о преданiи названныхъ лицъ военно-полевому суду является нарушенiемъ правъ Кубанской Краевой Власти и глубоко оскорбляетъ право сознанiя Кубанскаго Народа и не можетъ не отразиться на настроенiи народа и фронта. Сыны Кубани не запятнали себя измѣной, а принесли и несутъ наибольшiя жертвы своею кровью и достоянiемъ для возсозданiя Россiи. Кубань въ правѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства, въ виду несправедливости обвиненiя Краевой Власти въ измѣнѣ и въ виду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой Власти судить своихъ дипломатическихъ представителей. 3789. Кубанскiй Войсковой Атаманъ, Филимоновъ. Предсѣдатель Правительства, Курганскiй."

Деникину трудно было принять первое рѣшенiе, но принявъ его, онъ, по свойству своего характера, уже неуклонно шелъ къ его выполненiю.

На просьбу атамана и представителя правительства Главнокомандующiй отвѣтилъ Врангелю:

„Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненiе приказанiе мое № 016729, и принять по Вашему усмотрѣнiю всѣ мѣры къ прекращенiю преступной агитацiи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ Вашъ армейскiй раiонъ."

31 октября. ДЕНИКИНЪ.

Выполненiе приказанiя объ арестѣ и преданiи военно-полевому суду нѣкоторыхъ членовъ Рады, требовало большого такта и осторожности.

Возложивъ непосредственное выполненiе приказанiя Главнокомандующаго на генерала Покровскаго, назначеннаго Командующимъ войсками тыла армiи, Врангель далъ ему соотвѣтствующiя инструкцiи, а самъ выѣхалъ въ Кисловодскъ, чтобы оттуда руководить, пользуясь прямымъ проводомъ, операцiей, которой онъ мало сочувствовалъ.

Настроеніе въ Екатеринодарѣ было тревожное. Приходъ двухъ казачьихъ полковъ изъ Царицына въ станицу Пашковскую — предмѣстіе города, — ясно указывалъ кубанскимъ властямъ, что назрѣваетъ развязка. Обыватели высыпали на улицы и ждали каждую минуту чего то необычайнаго. По ночамъ на окраинахъ велась провокаціонная ружейная стрѣльба. Члены Рады приняли всѣ мѣры, чтобъ собрать въ городъ свои, вѣрныя имъ части, съ другой стороны, путемъ агитаціи, пытались воздѣйствовать на казаковъ Покровскаго, дабы удержать ихъ отъ вооруженнаго выступленія противъ избранниковъ народа.

Не вѣря въ надежность строевыхъ казаковъ, тѣхъ же кубанцевъ, Главное Командованіе озаботилось сформировать въ Екатеринодарѣ офицерскій отрядъ до 200 человѣкъ, поручивъ его вѣдѣнію полковника кубанскаго войска Карташева, извѣстнаго своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ „самостійникамъ".

Въ ночь на 5 ноября Карташевъ уже занялъ офицерскими заставами вокзалъ, главныя площади, улицы и окружилъ караулами съ пулеметами зданіе Краевой Рады. Офицеры располагались скрытно въ прилегающихъ частныхъ домахъ и ничѣмъ не выдавали своего присутствія.

Но всѣ эти предосторожности оказались излишними, — строевые казаки безъ колебаній пошли за Покровскимъ, и онъ безъ всякихъ затрудненій и сопротивленія выполнилъ свою задачу. Изъ его донесенія видно какъ происходило дѣло.

„6 ноября 1919 г. Екатеринодаръ. Ген. Врангелю.

„Ультиматумъ былъ мною предъявленъ вчера, срокъ истекалъ къ 12 часамъ дня. Сущность ультиматума Вамъ извѣстна. Отъ 9½ до 12 велась торговля. На совѣщаніи Атамана присутствовали: Сушковъ, Скобцовъ, Горбушинъ, оба Успенскіе и еще какой то членъ, не помню. Всѣ уговаривали меня во избѣжаніе кровопролитія отказаться отъ своихъ требованій и убѣждали дать согласіе на посылку делегаціи Главкому. Въ виду полной непріемлимости и явно намѣренной оттяжки, я къ 12 часамъ отказался продолжать переговоры и направился къ войскамъ. Въ этомъ моментъ совѣщаніе признало необходимымъ выдать мнѣ Кулабухова, котораго я арестовалъ и отправилъ къ себѣ на квартиру. Тутъ же совѣщаніе по вопросу выполненія второго моего требованія — выдачи мнѣ лидеровъ „самостійниковъ" — постановило ѣхать въ Раду и требовать отъ нихъ сдачи мнѣ. Прибывъ къ войскамъ я былъ встрѣченъ ими криками „ура"; мною былъ посланъ въ Раду офицеръ, передавшій президіуму мое требованіе — немедленно выдать мнѣ лидеровъ

и собрать Таманскій дивизіонъ охраны Рады для сдачи оружія. Въ виду затяжки съ отвѣтомъ и истеченія срока, мною была введена въ Раду сотня для занятія карауловъ и разоруженія Таманцевъ; противъ Рады была выстроена также сотня. Въ періодъ процесса безболѣзненнаго разоруженія, ко мнѣ стали являться „самостійники", которые тутъ же арестовывались и отправлялись во дворецъ. Рада реагировала на всѣ требованія сочувственно. Въ данный моментъ у меня въ квартирѣ сидятъ: Петръ Макаренко, Омельченко, Воропиновъ, Манжула, Роговецъ, Феськовъ, Подтопельный, Жукъ, Балабасъ и братъ Рябовола. Иванъ Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнѣйшіе аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты подъ стражу. Рада выбрала делегацію для посылки Главкому съ изъявленіемъ покорности и съ декларативнымъ заявленіемъ объ оріентаціи за Единую Россію, делегація сидитъ у меня. Обратный мой проѣздъ во дворецъ сопровождался криками „ура" всего населенія, — повидимому сочувствіе полное. Убѣдившись въ безболѣзненномъ окончаніи операціи, Атаманъ рѣшилъ, что онъ можетъ оставаться у власти. Сочувствія къ этому со стороны политическихъ дѣятелей нѣтъ; въ данное время общая ситуація не въ его пользу. Послѣ окончанія разговора съ Вами я соединюсь со Ставкой, дабы мой послѣдующій совмѣстный съ Филимоновымъ разговоръ со Ставкой, который я вынужденъ былъ ему обѣщать, не далъ бы смягчающихъ рѣшеній въ Ставкѣ."

Кромѣ одного человѣка, поплатившагося жизнью, всѣ арестованные члены Рады были помилованы Деникиннымъ и отправлены за-границу.

Покровскій, повѣсивъ Кулабухова и заставивъ уйти Филимонова, повелъ очень недвусмысленную игру, домогаясь получить вакантную атаманскую булаву. Врангель отказался поддержать его въ этомъ стремленіи, объяснивъ свой отказъ нежеланіемъ вмѣшиваться въ казачьи выборы. У терриризованной Рады также хватило гражданскаго мужества отвѣтить презрѣніемъ на происки кубанскаго усмирителя и въ атаманы прошелъ ген. Успенскій. Изъявъ изъ состава Красной Рады нежелательный элементъ, мѣшавшій ему строить Недѣлимую Россію, Деникинъ не улучшилъ этимъ своего положенія.

Фронтъ развалился, тылъ безповоротно былъ развращенъ.

Движеніе „зеленыхъ", подъ руководствомъ члена Рады Пилюка, приняло вполнѣ организованную форму, и потребовало значительнаго отвлеченія войскъ, занятыхъ тяжелой войной. Кубанское казачество уже не являлось вѣрнымъ,

надежнымъ союзникомъ Добровольческой арміи, и разлагаясь само, увлекало за собой казаковъ Дона и Терека.

А слѣдствіемъ всего этого явилась эвакуація въ Крымъ обломковъ арміи Деникина.

ГЛАВА V.

Въ началѣ февраля 1920 г. положеніе въ Крыму было неустойчиво и сумбурно.

На фронтѣ генералъ Слащевъ, хотя и съ большими усиліями, но все же справлялся съ красными, стремившимися прорваться въ Крымъ черезъ перешейки. Былъ критическій моментъ, когда они проникли уже на полуостровъ и завладѣли д. Юшунь, но вскорѣ затѣмъ были выбиты.

Генералъ Слащевъ.

Тактика Слащева была чрезвычайно проста и вполнѣ отвѣчала обстановкѣ. Имѣя на фронтѣ жидкія части въ видѣ сторожевого охраненія, всѣ свои войска, силою около дивизіи, онъ держалъ въ кулакѣ, и когда противникъ прорвавъ гдѣ-либо его фронтъ уже входилъ въ Крымъ, онъ пускалъ его втянуться и затѣмъ атакой въ тылъ уничтожалъ.

Успѣшная борьба съ большевиками на крымскихъ перешейкахъ въ тотъ моментъ, когда на кавказскомъ театрѣ все разваливалось, совершенно вскружила Слащеву голову. Не считаясь съ тѣмъ, что передъ нимъ было не болѣе одной дивизіи очень посредственной красной пѣхоты, — все лучшее, какъ-то кавалерія Буденнаго, коммунисты, курсанты и латыши

пошли на Ростовъ, — Слащевъ возомнилъ себя великимъ полководцемъ, призваннымъ волею рока спасти Россію отъ болшевизма. Самочинно присвоивъ себѣ диктаторскія полномочія, онъ безъ суда и слѣдствія разстрѣливалъ и вѣшалъ, приводя въ панику гражданское населеніе и въ трепетъ рабочія массы. Правда, въ тылу былъ полный развалъ, особенно въ такихъ центрахъ какъ Симферополь и Севастополь, и для возстановленія порядка требовалась твердая властная рука.

Одновременно съ этимъ одинъ изъ офицеровъ частей того же ген. Слащева, капитанъ Орловъ, объединивъ вокругъ себя группу офицеровъ подъ лозунгомъ „оздоровленіе тыла для плодотворной борьбы съ большевиками", приступилъ къ активнымъ дѣйствіямъ, арестовалъ Начальника Штаба Командующаго войсками генерала Чернавина, коменданта гор. Севастополя генерала Субботича и начальника Симферопольскаго гарнизона. Это движеніе было сочувственно встрѣчено во многихъ мѣстахъ Крыма и грозило перейти въ огромное возстаніе. Слащевъ ликвидировалъ это выступленіе и Орловъ бѣжалъ въ Ялтинскія горы. Однако, по прибытіи въ Крымъ Шиллинга, послѣ оставленія имъ Одессы, Орловъ снова выступилъ, собралъ вокругъ себя отрядъ до 500 человѣкъ и безъ всякихъ усилій занялъ южное побережье Крыма.

Изъ Ялты Орловъ разослалъ слѣдующее воззваніе:

„Г. г. офицеры, казаки, солдаты и матросы. Весь многочисленный гарнизонъ гор. Ялты и ея окрестностей и подошедшій дессантъ изъ Севастополя съ русскими судами, вмѣстѣ съ артиллеріей и пулеметами, сознавая правоту нашего общаго святого дѣла, перешли къ намъ по первому нашему зову со своими офицерами. Генералъ Шиллингъ просилъ меня къ прямому проводу, но я съ нимъ буду говорить только тогда, когда онъ возвратитъ намъ тысячи жизней, безвозвратно погибшихъ въ Одессѣ. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, нашъ молодой вождь, генералъ Врангель, прибылъ въ Крымъ. Это тотъ, съ кѣмъ мы будемъ и должны говорить. Это тотъ, кому мы вѣримъ всѣ, тотъ, — кто все отдастъ на борьбу съ большевиками и преступнымъ тыломъ.

Да здраствуетъ генералъ Врангель, нашъ могучій и сильный духомъ молодой офицеръ."

Капитанъ Орловъ.

Шиллингъ, крайне непопулярный послѣ оставленія имъ Одессы, гдѣ было брошено на произволъ судьбы много военныхъ и ихъ семей, не пользовался авторитетомъ ни у команднаго состава, ни у рядового офицерства, ни среди общественныхъ круговъ. На это ему указывали, это, вѣро-

ятно, чувствовалъ и онъ самъ. Сознавая, что при такихъ условіяхъ бороться съ развалом тыла ему будетъ не по силамъ, и что въ данный моментъ у власти должно стоять лицо, пользующееся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ, онъ предложилъ Врангелю принять командованіе войсками Южнаго Крыма, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ передъ Ставкой объ утвержденіи этого назначенія:

„Севастополь генералу Врангелю, копія генералу Лукомскому, Тихорѣцкая Наштаглав.

„Большевики готовятъ новую атаку на Крымъ. Между тѣмъ въ тылу происходитъ броженіе среди офицерства и другихъ группъ, а также продолжается движеніе группы капитана Орлова, и все это можетъ окончательно разрушить тылъ и отдать большевикамъ Крымъ. Прошу Ваше Превосходительство принять на себя начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими силами, находящимися въ раіонѣ Алушта, Бахчисарай, устье Альмы, всѣ пункты включительно, съ подчиненіемъ вамъ Комкрѣпа Севастополь, Флота, Отряда полковника Ильина, находящагося въ Алуштѣ, и отряда полковника Головченко, находящагося въ Бахчисараѣ. Ваша задача мѣрами, какія Вы признаете цѣлесообразными, успокоить офицерство, солдатъ и населеніе и прекратить бунтарство капитана Орлова, направивъ его на фронтъ для пополненія рѣдѣющихъ частей генерала Слащева, Джанкой, 7-II — 20 года 11 часовъ 0831483. Шиллингъ.“

На эту телеграмму Врангель въ тотъ же день (7-го февраля 21 часъ № 625) отвѣтилъ, что всякое раздѣленіе власти въ Крыму при существующемъ уже многовластіи лишь усложнитъ положеніе и увеличитъ развалъ тыла, а потому отъ сдѣланнаго предложенія онъ отказывается, о чемъ и проситъ сообщить всѣмъ тѣмъ, кому была послана телеграмма Шиллинга № 0831843.

Между тѣмъ телеграмма Шиллинга была принята нѣкоторыми изъ адресатовъ, какъ уже совершившійся фактъ назначенія Врангеля, и къ нему посыпался рядъ сообщеній отъ Губернатора, начальника гарнизона Ялты; начальника, дѣйствовавшаго противъ Орлова, отряда полковника Ильина и другихъ. Одни привѣтствовали его по случаю назначенія и выражали увѣренность, что наконецъ тылъ будетъ приведенъ въ порядокъ, другіе обращались съ просьбой скорѣе пріѣхать въ Ялту, такъ какъ Орловъ согласенъ подчиниться только ему, генералу Врангелю, и только по его приказанію онъ выступитъ со своимъ отрядомъ на фронтъ.

По полученіи воззванія капитана Орлова, Врангель телеграфировалъ ему:

„Ялта. Капитану Орлову. Копіи: генералу Зыкову, Джанкой генералу Шиллингу, Севастополь генералу Лукомскому,

скому, Симферополь губернатору Татищеву, Алушта полковнику Ильину и Бахчисарай Начгарнизона.

„Мнѣ доставлено воззваніе за вашей подписью, въ которомъ Вы заявляете о желаніи, минуя всѣхъ вашихъ начальниковъ, подчиниться мнѣ, хотя я нынѣ не у дѣлъ. Еще недавно присяга, обязывая воина подчиненію старшимъ начальникамъ, дѣлала русскую армію непобѣдимой. Клятвопреступленіе привело Россію къ братоубійственной войнѣ. Въ настоящей борьбѣ мы связали себя вмѣсто присяги добровольнымъ подчиненіемъ, измѣнить которому, безъ гибели нашего общаго дѣла, не можете ни вы, ни я. Какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ двадцать лѣтъ жизни, я горячо призываю васъ во имя блага ея подчиниться требованіямъ вашихъ начальниковъ. 8 февраля 1920 года. Нр. 627. Врангель."

Положеніе все болѣе и болѣе осложнялось. Тогда видные общественные дѣятели обратились къ Деникину съ радіо-телеграммой, указывая на необходимость поставить Врангеля во главѣ власти въ Крыму:

„Тихорѣцкая. Главкому Деникину.

„Войска Крымскаго фронта подъ командой доблестнаго генерала Слащева геройски отражаютъ большевиковъ, но событія, разыгравшіяся въ тылу, грозятъ внести расколъ въ среду защитниковъ Крыма и Добровольческой Арміи и неминуемо поведутъ къ гибели дѣла обороны Крыма, если во главѣ власти въ Крыму не будетъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ безотлагательно поставлено лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами довѣріе, какъ Арміи, такъ и населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомаго съ особенностями Крымской жизни и обстановки. Таковымъ лицомъ по единодушному убѣжденію крымскихъ гражданскихъ и военныхъ круговъ является генералъ Врангель, нынѣ находящійся въ Крыму. Преклоняясь предъ Вашимъ самоотверженнымъ служеніемъ дѣлу спасенія Родины, мы, государственные и общественные дѣятели, объединившіеся вокругъ превозглашенныхъ Вами лозунговъ и попрежнему незыблемо вѣрящіе въ возрожденіе Россіи, почитаемъ долгомъ совѣсти о таковомъ нашемъ убѣжденіи довести до Вашего свѣдѣнія, увѣренные, что серьезность положенія оправдаетъ въ Вашихъ глазахъ наше настоящее обращеніе. Первоприсутствующій Сенаторъ Непарокомовъ, Городской Голова Ялты Ивановъ, Уполномоченный Краснаго Креста Крыма Гучковъ, Исполняющій обязанности Оберъ-Прокурора Правительствующаго Сената Рѣшетовскій, Князь Борисъ Гагаринъ, Членъ Государственной Думы Тесленко, Предсѣдатель Медицинскаго Общества Зѣвакинъ, Гласный Ялтинской Думы Саввичъ, Предсѣдатель Ялтинской Думы графъ Апраксинъ, Гласный Московской Думы и Московскаго Земства Сергѣй Ижболтинъ, Сенаторъ Александръ Невѣровъ, Сенаторъ Гри-

горій Глинка, Таврическій Земскій гласный Владиміръ Келлеръ, Членъ Государственнаго Совѣта Александръ Наумовъ."

Помощникъ Главнокомандующаго Лукомскій, находившійся въ то время въ Севастополѣ, видѣвшій опасность создающагося положенія, также послалъ Главнокомандующему шифрованную телеграмму:

„Въ дополненіе къ предыдущей телеграммѣ сообщаю, что положеніе осложняется тѣмъ, что все, что будетъ формироваться въ тылу и направляться противъ Орлова, будетъ переходить на его сторону. Распоряженіе Шиллинга о направленіи отрядовъ противъ Орлова, особенно если произойдетъ столкновеніе между офицерскими отрядами, поведетъ къ полному развалу и тыла, и фронта. Противъ Шиллинга большое возбужденіе. Выходъ одинъ — это немедленное назначеніе Врангеля вмѣсто Шиллинга. На себя это взять не считаю возможнымъ, но повторяю, — это единственное рѣшеніе для ликвидаціи дѣла безъ кровопролитія и для сохраненія фронта. Медлить невозможно. Прошу дать срочное указаніе. 7 февраля 1920 года. Лукомскій."

Командующій флотомъ адмиралъ Ненюковъ отъ себя обратился къ Главнокомандующему съ аналогичнымъ донесеніемъ.

Шиллингъ, независимо отъ посланной Начальнику Штаба Главнокомандующаго телеграммы, о которой упоминалось выше, вновь по прямому проводу докладывалъ Деникину 8-го февраля о необходимости назначенія Врангеля Командующимъ Войсками въ Крыму или же помощникомъ къ нему, Шиллингу.

Результатъ всѣхъ этихъ обращеній и ходатайствъ былъ самый неожиданный: Главнокомандующій приказалъ Шиллингу оставаться Командующимъ войсками и самому справиться съ тѣмъ, что происходитъ въ тылу, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день, 8-го февраля, послалъ телеграмму Коменданту Севастопольской Крѣпости № 002531 объ увольненіи отъ службы генераловъ: Врангеля, Лукомскаго и адмирала Ненюкова.

Непосредственно вслѣдъ затѣмъ, въ серединѣ февраля, англійскій генералъ Сеймуръ сообщилъ Врангелю отъ имени Хольмана, что Главнокомандующій требуетъ выѣзда Врангеля изъ предѣловъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. Требованіе это обуславливалось тѣмъ, что вокругъ его имени объединяются всѣ недовольные высшимъ командованіемъ.

Самъ Хольманъ 7 марта (новаго стиля) писалъ Врангелю:

„Ваше Превосходительство. Я глубоко увѣренъ, что Вашъ разрывъ съ генераломъ Деникинымъ явился слѣд-

ствіемъ того, что Вы, какъ это часто бываетъ съ искренними патріотами во время смуты, недостаточно поняли другъ друга.

„При такихъ отношеніяхъ служить вмѣстѣ бываетъ слишкомъ тяжело.

„Мнѣ причинило глубокую боль просить Васъ оставить Крымъ, такъ какъ, искренне вѣря въ Ваши лучшія намѣренія и преданность Родинѣ, я все-же счелъ правильнымъ и полезнымъ для настоящаго положенія просить Васъ сдѣлать это.

„Я желаю Вашему Превосходительству всякаго благополучія и надѣюсь, что встрѣтимся гдѣ-либо въ болѣе благопріятной обстановкѣ — возможно опять братьями по оружію.

„Прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ и искреннемъ уваженіи. Хольманъ."

Такимъ образомъ произошелъ окончательный разрывъ между Деникинымъ и Врангелемъ, и послѣдній долженъ былъ покинуть предѣлы Россіи.

„Я никогда не предполагалъ" писалъ Врангель передъ отъѣздомъ адмиралу Саблину, „что могу оказаться для своей Родины опаснымъ, но, оставшись въ настоящее время не у дѣлъ и не имѣя возможности принести Родинѣ пользу, я, дабы избѣгнуть хотя бы тѣни упрека въ созданіи какихъ-либо затрудненій для высшаго командованія, могущихъ отразиться на успѣшности нашей борьбы съ врагомъ, рѣшаюсь съ болью въ сердцѣ покинуть Отечество."

Уѣзжая въ Константинополь, Врангель въ письмѣ Деникину излилъ всю ту горечь, которая накопилась въ его душѣ, вслѣдствіе неудачъ арміи, виновникомъ которыхъ онъ считалъ, если не исключительно, то въ большой мѣрѣ Главнокомандующаго.

Письмо это приводимъ полностью:

„Милостивый Государь Антонъ Ивановичъ.

„Англійскій адмиралъ Сеймуръ передалъ мнѣ отъ имени Начальника Англійской миссіи при В. С. Ю. Р. генерала Хольмана, что Вы сдѣлали ему заявленіе о Вашемъ требованіи оставленія мной предѣловъ Россіи, причемъ обусловили это заявленіе тѣмъ, что вокругъ моего имени якобы объединяются всѣ тѣ, которые недовольны Вами. Адмиралъ Сеймуръ предложилъ мнѣ использовать для отъѣзда заграницу англійское судно.

„Ровно полтора года тому назадъ я прибылъ въ Добровольческую армію и сталъ добровольно въ Ваше подчиненіе, вѣря, что Вы честный солдатъ, ставящій благо Родины выше личнаго, и готовый жизнь свою положить за спасеніе отечества. Полтора года я сражался въ рядахъ Вооружен-

ныхъ Силъ Юга Россіи, неизмѣнно ведя мои войска къ побѣдѣ и не разъ въ самыя тяжелыя минуты спасая положеніе.

„Моя армія освободила Сѣверный Кавказъ. На совѣщаніи въ Минеральныхъ Водахъ 6 января 1919 года я предложилъ Вамъ перебросить ее на Царицынское направленіе, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, побѣдоносно подходившему къ Волгѣ. Мое предложеніе было отвергнуто, Армія стала перебрасываться въ Донецкій бассейнъ, до мая мѣсяца вела борьбу подъ начальствомъ генерала Юзефовича, замѣнившаго меня во время моей болѣзни. Въ апрѣлѣ, едва оправившись, я прибылъ въ Армію и рапортомъ отъ 4 апрѣля за № 82 *) вновь указалъ Вамъ о необходимости выбрать главнымъ операціоннымъ направленіемъ — направленіе Царицынское, причемъ предупреждалъ, что противникъ самъ перейдетъ въ наступленіе отъ Царицына, отчего создастся угроза нашей базѣ.

„Мои предсказанія пророчески сбылись и къ серединѣ апрѣля непріятель перешелъ Манычъ и, выйдя въ тылъ Добрарміи, подошелъ на 12 верстъ къ Батайску. Передъ грозной опасностью сюда стали спѣшно перебрасываться части, главнымъ образомъ конница, и Вы приняли надъ ними личное руководство.

„Противникъ былъ отброшенъ за Манычъ, всѣ же наши попытки форсировать рѣку, успѣха не имѣли. 4 мая мнѣ было предложено Вами объединить войска Манычской группы и уже 8 мая я, разбивъ X армію красныхъ, погналъ ее къ Царицыну. Въ то же время произошелъ переломъ въ Донецкомъ бассейнѣ и одновременно съ моимъ движеніемъ вверхъ по Волгѣ, генералъ Май-Маевскій занялъ Харьковъ.

„Военное счастье улыбалось Вамъ, росла Ваша слава и съ нею вмѣстѣ стали расти въ Вашемъ сердцѣ честолюбивыя мечты.

„Совпавшій съ цѣлымъ рядомъ Вашихъ побѣдъ Вашъ приказъ о подчиненіи своемъ адмиралу Колчаку доказывалъ, конечно, противное.

„Будущая исторія покажетъ, на сколько этотъ Вашъ приказъ былъ доброволенъ. Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, отдавая свою жизнь на служеніе горячо-любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастье. Не жизнь приносили Вы въ жертву Родинѣ, а только власть и неужели подчиненіе другому лицу для блага Родины есть жертва для честнаго сына ея? Эту жертву не въ силахъ былъ принести возвѣстившій ее, упоенный новыми успѣхами и честолюбіемъ.

„Предоставленный самому себѣ адмиралъ Колчакъ былъ раздавленъ и началъ отходить на Востокъ. Тщетно наша Кавказская армія пыталась подать помощь его войскамъ.

*) Помѣщенъ въ гл. II.

Истомленная походомъ по безводной степи, слабо пополняемая, она къ тому же ослаблялась выдѣленіемъ все новыхъ и новыхъ частей для переброски на фронтъ Добрарміи, войска которой, почти не встрѣчая сопротивленія, шли къ Москвѣ.

„Въ серединѣ іюля мнѣ, наконецъ, удалось связаться съ Уральцами и, съ цѣлью закрѣпленія этой связи, 2-й Кавказской дивизіи, генерала Говорущенко, было предложено переброситься въ раіонъ Камышина на лѣвый берегъ Волги. Ниже приводимыя двѣ телеграммы, полагаю, достаточно освѣщаютъ вопросъ о стремленіи высшаго командованія подать помощь Сибирскимъ арміямъ Верховнаго Правителя.

1. „Для доклада Главкому. Прошу срочно сообщить, чѣмъ вызвана переброска отряда генерала Говорущенко на лѣвый берегъ Волги. Переброска столь крупнаго отряда, въ связи съ необходимостью выдѣленія Терской дивизіи и возвращенія Донцамъ ихъ перваго корпуса, слишкомъ ослабляетъ часть арміи на главномъ операціонномъ направленіи. Таганрогъ, 16 іюля. № 010275 Романовскій.“

2. „Таганрогъ, Генералу Романовскому 010275. Переброска частей генерала Говорущенко на лѣвый берегъ Волги имѣетъ цѣлью скорѣйшее соединеніе съ войсками Верховнаго Правителя и намѣчена въ связи съ передачей въ составъ Каварміи I Донского корпуса и обѣщаніемъ 2-й пластунской бригады, о началѣ переброски которой я былъ телеграфно увѣдомленъ. Отходъ Уральцевъ на Востокъ и намѣченная передача Донцамъ 1-го корпуса, задержаніе въ Добрарміи 2-й пластунской бригады и приказаніе направить туда же Терцевъ въ корнѣ мѣняетъ положеніе. При этихъ условіяхъ не только перебросить на лѣвый берегъ Волги въ раіонъ Камышина не могу, но и отъ всякой активности въ сѣверномъ направленіи вынужденъ отказаться. Боевой составъ арміи таковъ, что при указаніяхъ дѣйствовать одновременно на Астраханскомъ и Саратовскомъ направленіяхъ — послѣднее направленіе могу лишь наблюдать. Царицынъ, 16. іюля 1919 года № 01549. Врангель.“

„Войска адмирала Колчака, не поддержанныя нами, были разбиты. Оренбуржцы положили оружіе и лишь горсть Уральцевъ въ безводныхъ степяхъ продолжала оказывать врагу сопротивленіе. Покончивъ съ Сибирскимъ войскомъ, противникъ сталъ спѣшно сосредотачивать части къ Саратову, имѣя цѣлью, обрушившись на ослабленную Кавказскую армію, отбросить ее къ югу и тѣмъ обезпечить коммуникаціи своего Восточнаго фронта.

„Письмомъ отъ 29-го іюля *) я обратился къ Вамъ, указывая на тяжелое положеніе арміи и на неизбѣжность, благодаря Вашей ошибочной стратегіи, поворота боевого счастья. Я получилъ отвѣтъ, гдѣ Вы

*) Помѣщено въ гл. II.

указываете, что „ежели бы я слѣдовалъ совѣту моихъ помощниковъ, то Вооруженныя Силы Юга Россіи не достигли бы настоящаго положенія". Мои предсказанія сбылись и на сей разъ, — Кавказская армія подъ ударами II-й, IV-й, X и XI армій красныхъ была отброшена къ югу, хотя съ безпримѣрной доблестью разбила, опираясь на Царицынскую укрѣпленную позицію, всѣ 4 арміи, но и сама потеряла окончательно возможность начать новую наступательную операцію.

„Отбросивъ къ югу мою армію, противникъ сталъ спѣшно сосредотачивать свои силы для прикрытія Москвы и, перейдя въ наступленіе противъ арміи генерала Маевскаго, растянувшейся на огромномъ фронтѣ, лишенной резервовъ и плохо организованной, легко заставилъ ее начать отходъ.

„Еще въ то время, когда добровольцы побѣдоносно продвигались къ сердцу Россіи, и слухъ Вашъ уже улавливалъ перезвонъ Московскихъ колоколовъ, въ сердца многихъ изъ Вашихъ помощниковъ закрадывалась тревога. Армія, воспитанная на произволѣ, грабежѣ и насиліи, ведомая начальниками, примѣромъ своимъ развращающими войска, — такая армія не могла создать Россію.

„Не имѣя организованнаго тыла, не подготовивъ въ тылу ни одной укрѣпленной позиціи, ни одного узла сопротивленія и отходя по мѣстности, гдѣ населеніе научилось ее ненавидѣть, Добровольческая армія, начавъ отступленіе, стала безудержно катиться назадъ.

„По мѣрѣ того, какъ развивался успѣхъ противника и обнаруживалась несостоятельность нашей политики и нашей стратегіи, русское общество стало прозрѣвать. Все громче и громче стали раздаваться голоса, требующіе смѣны нѣкоторыхъ лицъ командного состава, предосудительное поведеніе которыхъ стало достояніемъ общества и назывались начальники, имена которыхъ среди общаго развала оставались незапятнанными.

„Отравленный ядомъ честолюбія, вкусивши власть, окруженный безчестными льстецами, Вы уже думали не о спасеніи Отечества, а о сохраненіи власти.

„17-го октября генералъ Романовскій телеграммой запросилъ меня, какія силы могъ бы я выдѣлить изъ состава Кавказской арміи на помощь Добровольческой. Я телеграммой 18 октября за № 03533 отвѣтилъ, что при малочисленности конныхъ дивизій — переброской одной-двухъ дивизій. Остающіяся части Кавказской арміи, въ виду ихъ малочисленности, я предложилъ свести въ отдѣльный корпусъ, оставивъ во главѣ генерала Покровскаго.

„Стратегическое рѣшеніе напрашивалось само собою: объединеніе сосредоточенныхъ въ раіонѣ Купянска III-го кон-

наго корпуса, IV Донского коннаго корпуса, Терской и отдѣльной Донской дивизіи съ вновь перебрасываемыми тремя съ половиной Кубанскими дивизіями. На этомъ рѣшеніи настаивали всѣ три Командующихъ арміями, но въ желаніи старшихъ военачальниковъ, арміи и общества Вы уже видѣли для себя новую опасность. Еще по занятіи Царицына, когда я и бывшій въ то время Начальникомъ Штаба моей арміи, генералъ Юзефовичъ, предложили сосредоточить въ раіонѣ Харькова крупныя массы конницы, объединивъ ихъ подъ моимъ начальствомъ, Вы на совѣщаніи высказали достойное Васъ предположеніе, что мы стремимся первыми войти въ Москву. Теперь, паденіе обаянія Вашего имени Вы увидѣли не въ Вашихъ ошибкахъ, а въ непостоянствѣ толпы, нашедшей себѣ новаго кумира. Изъ состава Кавказской арміи были взяты только двѣ дивизіи и, хотя впослѣдствіи сама обстановка вынудила Васъ перебросить три съ половиной дивизіи, время было упущено безвозвратно и вводимыя въ бой по частямъ войска поочередно терпѣли пораженія. Еще 11 ноября Вы, въ отвѣтъ на мои повторныя настоянія, писали мнѣ, что послѣ детальнаго обсужденія отказываетесь отъ предложенной мной перегруппировки, а черезъ 10 дней, когда выяснилась уже потеря Харькова и неизбѣжность отхода въ Донецкій бассейнъ, Вы телеграммой вызвали меня для принятія Добровольческой арміи съ подчиненіемъ мнѣ конной группы. Объ оказаніи серьезнаго сопротивленія противику думать уже не приходилось: единственно, что еще можно было сдѣлать, это попытаться вывести армію изъ подъ ударовъ врага и, отведя ее на соединеніе съ Донской арміей, прикрыть Ростовское направленіе. Я это сдѣлалъ послѣ тягчайшаго 550-верстнаго флангового марша.

„По мѣрѣ того, какъ армія приближалась къ Ростову и Новочеркасску, росла тревога и неудовлетворенность. Общество и армія отлично учитывали причины пораженія и упреки Вашему командованію раздавались все громче и громче.

„Вы видѣли, какъ пало Ваше обаяніе, власть ускользала изъ Вашихъ рукъ. Цѣпляясь за нее въ полнѣйшемъ ослѣпленіи, Вы стали искать кругомъ крамолу и мятежъ. 9-го декабря я подалъ рапортъ *) съ подробнымъ указаніемъ на необходимость принять спѣшно рядъ мѣръ для улучшенія нашего положенія.

„Я указалъ на необходимость немедленно начать эвакуацію Ростова и Новочеркасска и принять срочныя мѣры по укрѣпленію плацдарма на правомъ берегу Дона. Ничего сдѣлано не было, но зато въ отвѣтъ на мой рапортъ, послѣдовала Ваша телеграмма всѣмъ Командующимъ Арміями съ указаніемъ на то, что „нѣкоторые начальники позволя-

*) Помѣщено въ гл. III.

ютъ себѣ дѣлать мнѣ заявленія въ недопустимой формѣ", съ требованіемъ безпрекословнаго повиновенія.

„Въ серединѣ декабря, имѣя необходимость выяснить цѣлый рядъ вопросовъ (мобилизація населенія и конская мобилизація въ занятомъ моей арміей Таганрогскомъ Округѣ, развертываніе нѣкоторыхъ Кубанскихъ частей и пр.) съ генералами Сидоринымъ и Покровскимъ, я просилъ ихъ прибыть въ Ростовъ для свиданія со мной. Телеграмма имъ была въ копіи сообщена генералу Романовскому. На слѣдующій день я получилъ Вашу циркулярную телеграмму всѣмъ Командующимъ арміями; въ ней указывалось на недопустимость моей телеграммы съ запрещеніемъ выѣзда Командующимъ за предѣлы ихъ армій. Повидимому, этими мѣрами Вы собирались пресѣчь возможность чудившагося Вамъ заговора Вашихъ ближайшихъ помощниковъ.

„20 декабря Добрармія была расформирована, и я получилъ отъ Васъ задачу отправиться на Кавказъ, для формированія Кубанской и Терской конницы. По пріѣздѣ въ Екатеринодаръ я узналъ, что нѣсколькими днями раньше на Кубань прибылъ генералъ Шкуро, получившій отъ Васъ ту же задачу, хотя Вы впослѣдствіи и пытались это отрицать, намекая, что генералъ Шкуро дѣйствуетъ самовольно.

„Между тѣмъ генералъ Шкуро опредѣленно заявилъ въ печати о данномъ ему Вами порученіи и заявленіе его Вашимъ Штабомъ не опровергалось. При генералѣ Шкуро состоялъ генеральнаго Штаба полковникъ Гонтаревъ, командированный въ его распоряженіе генераломъ Вязьмитиновымъ, при немъ же состояли два, неизвѣстно кѣмъ командированные агенты контръ-развѣдывательнаго отдѣленія, братья К. Послѣдніе спеціально вели агитацію противъ меня среди казаковъ, распространяя слухъ о моихъ намѣреніяхъ произвести переворотъ, опираясь на монархистовъ, и о желаніи принять германскую оріентацію.

„Въ концѣ декабря генералъ Шкуро былъ назначенъ Командующимъ Кубанской арміей, а я, оставшись не у дѣлъ, прибылъ въ Новороссійскъ. Еще 25 декабря я подалъ Вамъ рапортъ, указывая на неизбѣжность развала на Кубани и на необходимость удержанія Новороссійска и Крыма, куда можно было бы перенести борьбу. Доходившіе изъ этихъ мѣстъ тревожные слухи, въ связи съ пребываніемъ моимъ въ столь тяжкое время для Родины не у дѣлъ, не могли не волновать общество. О необходимости использовать мои силы Вамъ указывалось неоднократно и старшими военоначальниками и государственными людьми, и общественными дѣятелями. Указывалось, что при самостоятельности Новороссійскаго и Крымскаго театровъ раздѣленіе командованія въ этихъ областяхъ необходимо. Подобная точка зрѣнія поддерживалась и англійскимъ командованіемъ. Лишь че-

резъ 3 недѣли, когда потеря Новороссійска стала почти очевидною, Вы согласились на назначеніе меня помощникомъ къ генералу Шиллингу по военной части, а 28 января, въ день моего отъѣзда изъ Новороссійска, я уже получилъ телеграмму генерала Романовскаго о томъ, что въ виду оставленія Новороссіи должность помощника Главноначальствующаго замѣщена не будетъ.

„Въ Новороссійскѣ за мною велась Вашимъ Штабомъ самая недостойная слѣжка, въ оффиціальныхъ депешахъ Новороссійскихъ агентовъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія аккуратно сообщалось, кто и когда меня посѣтилъ, а Генералъ-Квартирмейстеръ Вашего Штаба позволилъ себѣ въ присутствіи постороннихъ офицеровъ громогласно говорить о какомъ то внутреннемъ фронтѣ въ Новороссійскѣ съ генераломъ Врангелемъ во главѣ.

„Усиленно распространяемые Вашимъ Штабомъ слухи о намѣреніи моемъ произвести переворотъ достигли и заграницы. Въ Новороссійскѣ меня посѣтилъ прибывшій изъ Англіи г. Макъ-Киндеръ, сообщившій мнѣ, что имъ получена депеша отъ его Правительства, запрашивающая о справедливости слуховъ о произведенномъ мною переворотѣ. При этомъ г. Макъ-Киндеръ высказалъ предположеніе, что поводомъ къ этому слуху могли послужить ставшіе широкимъ достояніемъ Ваши со мной непріязненныя отношенія.

„Онъ просилъ меня, буде я найду возможнымъ, съ полной откровенностью высказаться по затронутому имъ вопросу.

„Я отвѣтилъ ему, что не могу допустить и мысли о какомъ бы то ни было выступленіи противъ начальника, въ добровольное подчиненіе коему я самъ сталъ. Я уполномочилъ его передать его Правительству, что достаточной порукой является мое слово и вся прежняя моя боевая служба.

„Въ рапортѣ 31 декабря за № 85 *) я подробно изложилъ весь разговоръ, имѣвшій мѣсто между г. Макъ-Киндеромъ и мной, предоставивъ въ Ваши руки документъ, въ достаточной степени, казалось бы, долженствующій разсѣять Ваши опасенія. Вы даже не отвѣтили мнѣ.

„Не имѣя возможности принести посильную помощь защитѣ Родины, утративъ вѣру въ вождя, въ добровольное подчиненіе коему я сталъ въ началѣ борьбы, и всякое къ нему уваженіе, я подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Крымъ на покой.

„Мой пріѣздъ въ Севастополь совпалъ съ выступленіемъ капитана Орлова. Выступленіе это глупое и вредное, но выбросившее лозунгомъ борьбу съ разрухой въ тылу и укрѣпленіе фронта, вызвало бурю страстей.

*) Помѣщено въ гл. III.

„Изстрадавшіяся отъ безвластія, извѣрившія въ выкинутые властью лозунги, возмущенныя преступными дѣйствіями ея представителей, армія и общество увидѣли въ выступленіи Орлова возможность измѣнить существующій порядокъ. Во мнѣ увидѣли человѣка способнаго дать то чего ожидали всѣ. Капитанъ Орловъ заявилъ, что подчинится лишь мнѣ. Прибывшій въ Крымъ послѣ Одессы генералъ Шиллингъ учитывая положеніе, самъ просилъ Васъ о назначеніи меня на его мѣсто. Командующій флотомъ и помощникъ Вашъ генералъ Лукомскій просилъ о томъ же, поддерживая его ходатайство. Цѣлый рядъ представителей общественныхъ группъ, представителей духовенства, представителей народовъ Крыма, просили Васъ о томъ же. На этомъ же настаивали представители Союзниковъ.

„Все было тщетно.

„Цѣпляясь за ускользавшую изъ Вашихъ рукъ власть, Вы успѣли уже стать на пагубный путь компромиссовъ и рѣшили неуклонно бороться съ Вашими ближайшими помощниками, затѣявшими, какъ Вамъ казалось, „государственный переворотъ“.

„8 февраля Вы отдали приказъ, осуждающій выступленіе капитана Орлова, руководимое лицомъ „затѣявшимъ подлую политическую игру“ и предложили генералу Шиллингу „арестовать виновныхъ не взирая на ихъ высокій чинъ и положеніе“.

„Одновременно приказомъ были уволены въ отставку я, генералъ Лукомскій, и адмиралъ Ненюковъ.

„Оба приказа появились въ Крыму 16 февраля, а за два дня въ мѣстной печати появилась телеграмма моя капитану Орлову, въ которой я убѣждалъ его, какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ 20 лѣтъ жизни, ради блага ея подчиниться требованіямъ начальниковъ.

„Затѣявшаго подлую политическую игру“ не было надобности разгадывать. Его имя называлось громко всѣми.

„Теперь Вы предлагаете мнѣ покинуть Россію. Предложеніе это Вы мнѣ передали черезъ англичанъ. Переданное такимъ образомъ предложеніе могло быть истолковано, какъ сдѣланное по ихъ иниціативѣ въ связи съ „германской оріентаціей“, свѣдѣнія о которой такъ усердно распространялись Вашими агентами. Въ послѣднемъ смыслѣ и истолковывался Вашимъ Штабомъ Вашъ приказъ о назначеніи меня въ Крымъ, противъ чего англичане будто бы протестовали.

„Со времени увольненія меня въ отставку, я считаю себя отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Вамъ свободнымъ и предложеніе Ваше для меня совершенно не-

обязательнымъ. Средствъ заставить меня его выполнить у Васъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь оставить Россію, заглушивъ горечь въ сердцѣ своемъ.

„Столь доблестно начатая Вами и столь недостойно проигранная борьба приходитъ къ концу. Въ нее увлечены сотни и тысячи лучшихъ сыновъ Россіи, неповинныхъ въ Вашихъ ошибкахъ.

„Спасеніе ихъ и ихъ семействъ зависитъ отъ помощи союзниковъ, обѣщавшихъ эту помощь Вамъ.

„Кончайте же начатое Вами дѣло, и если мое пребываніе на Родинѣ можетъ хоть сколько нибудь помѣшать Вамъ спасти ее и тѣхъ, кто Вамъ довѣрился, я, ни минуты не колеблясь, оставлю Россію.

Баронъ Петръ Врангель.“

ГЛАВА VI.

Крымская катастрофа конца октября 1920 года, выбросившая на чужбину новую волну обездоленныхъ и окончательно разоренныхъ русскихъ людей, а для остатковъ бѣлой арміи создавшая всѣ лишенія концентраціонныхъ лагерей Галлиполи, Лемноса и Чаталджи — завершила весь циклъ тяжелой 3-лѣтней гражданской войны, предпринятой русскими патріотами для освобожденія своей матери — Россіи.

Въ этой войнѣ Врангель провелъ болѣе 2 лѣтъ, отдавъ ей всѣ свои силы, знанія, всего себя, отказавшись совершенно отъ личной жизни. Его нѣкоторыя операціи противъ красныхъ — рядъ блестящихъ образцовъ чистаго военнаго искусства, на которыхъ будетъ учиться наше будущее поколѣніе. Какъ всякій человѣкъ онъ не былъ свободенъ отъ промаховъ, излишней самоувѣренности въ случаяхъ гдѣ требовалась осторожность и холодный расчетъ, увлекался трудно исполнимыми планами и часто ошибался въ оцѣнкѣ и выборѣ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него были неоспоримыя достоинства: военное дарованіе, недюжинный умъ, глубокая эрудиція, начитанность, рѣдкое краснорѣчіе и умѣніе дѣйствовать на слушателей убѣдительностью слова. И хотя имя его связано съ паденіемъ Крыма, мы продолжаемъ вѣрить, что въ случаѣ возобновленія вооруженной борьбы съ московскимъ большевизмомъ, Врангель снова явится однимъ изъ главныхъ ея руководителей.

Вотъ нѣсколько строкъ, относящихся до его біографіи. Баронъ Петръ Николаевичъ Врангель ведетъ свой родъ отъ шведскихъ рыцарей, переселившихся въ XIV столѣтіи частью въ Россію, частью въ Германію.

По семейнымъ преданіямъ, во время Великой Сѣверной войны въ войскахъ шведскаго короля Карла XII сражалось 6 членовъ семьи Врангелей и столько же состояло на русской службѣ въ войскахъ Петра I.

Въ Германіи одному изъ отпрысковъ этого рода — фельдмаршалу графу Врангелю въ Берлинѣ воздвигнутъ памятникъ.

Русскіе Врангели православные, происходятъ изъ потомственныхъ дворянъ Петербургской губерніи, и почти всѣ служили на военной службѣ.

Болѣе извѣстнымъ является двоюродный дѣдъ — генералъ адъютантъ Врангель, взявшій въ плѣнъ во время Кавказской войны знаменитаго предводителя горцевъ — Шамиля.

Родился Врангель въ 1878 году 15 Августа въ г. Ново-Александровскѣ Ковенской губерніи; дѣтство провелъ въ Ростовѣ. Образованіе получилъ сначала дома, потомъ въ Ростовскомъ реальномъ училищѣ. Высшее — въ Горномъ институтѣ. Высшее военное — въ Академіи Генеральнаго штаба однимъ изъ первыхъ.

Съ дѣтства отличался прямымъ открытымъ характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрной вспыльчивостью, которая осталась и съ годами.

По окончаніи Горнаго Института въ 1901 году, отбылъ воинскую повинность вольноопредѣляющимся въ Лейбъ-Гвардіи Конномъ полку, былъ произведенъ въ корнеты и ушелъ въ запасъ.

По объявленіи войны съ Японіей поступилъ въ дѣйствующую армію, и уже съ военной службой не порывалъ.

Въ бояхъ отличался выдающейся личной храбростью. Въ японскую войну смѣлыя развѣдки сотника Врангеля въ тылу у непріятеля были извѣстны генералу Куропаткину.

Руководя войсками, Врангель неизмѣнно находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя и выказывалъ исключительную храбрость и присутствіе духа.

Онъ былъ первымъ офицеромъ въ арміи, получившимъ георгіевскій крестъ въ Русско-Германскую войну, за дерзкую атаку стрѣляющей нѣмецкой батереи, при слѣдующей обстановкѣ:

Гвардейскій Конный корпусъ двигался по Восточной Пруссіи на правомъ флангѣ 1-ой арміи уступомъ впереди. Командующій арміей генералъ Рененкампфъ велъ бой у г. Гумбинена. Изъ Кенигсберга нѣмцы выслали подкрѣпленіе въ составѣ бригады пѣхоты съ двумя батареями. На разсвѣтѣ 6 августа 1914 г. Конный корпусъ перерѣзалъ путь слѣдованія нѣмецкой колоннѣ.

Не имѣя возможности продвигаться далѣе, непріятель повернулъ фронтъ и расположился на позиціи у д. Каушенъ.

Въ тылу позиціи была мельница, возлѣ которой стояла укрытой нѣмецкая батерея.

Части дивизіи спѣшились и повели наступленіе. Въ авангардѣ наступали кавалергарды, вслѣдъ имъ двинулись Конный и два Кирасирскихъ полка. Ротмистръ Врангель съ эскадрономъ былъ оставленъ въ прикрытіе коноводовъ и охраны штандарта.

Спѣшенныя кавалерійскія части наступали съ горячностью, безъ артиллерійской подготовки и несли огромныя

потери, въ особенности въ офицерскомъ составѣ, такъ какъ офицеры при наступленіи не ложились.

Врангель видѣлъ это и нѣсколько разъ просилъ Начальника дивизіи разрѣшить оказать помощь своимъ эскадрономъ, но генералъ Казнаковъ всякій разъ отказывалъ.

Около 5 часовъ вечера съ наблюдательнаго пункта прибылъ въ штабъ дивизіи поручикъ конной артиллеріи Гершельманъ и доложилъ обстановку:

„Части заняли шоссе и казарму, откуда обстрѣливаютъ непріятеля ружейнымъ огнемъ. Нѣмецкая батарея весь огонь сосредоточила на Конномъ полку и наноситъ ему страшныя потери; всѣ офицеры этого полка выбиты. Отойти назадъ по открытой мѣстности едва ли возможно, требуется поддержка."

Начальникъ дивизіи отвѣтилъ, что всѣ резервы израсходованы, и онъ не можетъ дать ни одного человѣка, и что единственный выходъ изъ создавшагося положенія — это дождаться наступленія темноты, послѣ чего начать отходъ.

Врангель снова обратился къ Начальнику дивизіи: „Разрѣшите мнѣ, Ваше Превосходительство, помочь своему полку моимъ эскадрономъ."

Генералъ Казнаковъ махнулъ рукой и отвѣтилъ: „Господь съ Вами, идите."

Передавъ штандартъ кавалергардамъ и, обратившись къ поручику Гершельману, Врангель предложилъ ему, сопровождать эскадронъ, чтобы — нацѣлить его на пунктъ атаки.

Приблизившись къ своимъ цѣпямъ, эскадронъ развернулся и пошелъ въ атаку. До непріятеля было шаговъ 1700—2000.

Нѣмцы, ошеломленные появленіемъ кавалеріи, почти прекратили стрѣльбу. Но затѣмъ, спохватившись, открыли по всадникамъ бѣшеный огонь изъ пулеметовъ и двухъ орудій.

Проскочивъ картофельное поле и нѣмецкую цѣпь, конногвардейцы бросились къ мельницѣ, позади которой стояли нѣмецкія орудія. Впереди скакали Врангель, Гершельманъ и ординарецъ вольноопредѣляющійся Катковъ. Подъ ними были прекрасныя англійскія лошади и они значительно, шаговъ на 150, опередили эскадронъ.

Когда, миновавъ мельницу, всѣ трое выскочили на горку, то увидѣли неожиданно передъ собой, шагахъ въ 80, нѣмецкія пушки.

Такимъ образомъ въ первый моментъ непріятельская батарея была атакована только тремя всадниками. Врангель съ крикомъ „ура" бросился къ одному изъ орудій, но нѣмцы уже повернули пушки на атакующихъ и произвели выстрѣлъ. Вслѣдъ за этимъ находившіяся въ прикрытіи двѣ нѣмецкія

роты открыли огонь. Вольноопредѣляющемуся Каткову снесло голову. Гершельманъ былъ убитъ наповалъ. Лошадь Врангеля получила 9 ранъ и вмѣстѣ съ нимъ свалилась подъ самое орудіе.

Въ это время подскакалъ эскадронъ и сталъ рубить нѣмцевъ.

Батарея была взята.

Потери эскадрона — всѣ офицеры выбиты, кромѣ одного, офицерскія лошади убиты всѣ. Солдатъ убито и ранено 20, лошадей солдатскихъ 40.

Послѣ боя, къ Врангелю подошелъ докторъ и передалъ ему, что раненый командиръ нѣмецкой батареи хочетъ съ нимъ говорить.

Увидѣвъ Врангеля, онъ пожалъ ему руку и выразилъ чувство искренняго восхищенія передъ такимъ смѣлымъ кавалерійскимъ дѣломъ. По его словамъ, онъ не допускалъ даже и мысли, что при существовавшихъ условіяхъ можетъ послѣдовать такая атака.

Въ концѣ войны, командуя Коннымъ корпусомъ на Румынскомъ фронтѣ, Врангель пережилъ такъ называемое „Корниловское возстаніе".

Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ генералъ Корниловъ, и въ Ставкѣ уже назрѣвалъ извѣстный конфликтъ его съ Керенскимъ.

Отъ одного изъ офицеровъ Ставки Врангель постоянно получалъ письма съ указаніемъ что на его корпусъ въ готовящемся переворотѣ возлагаютъ большія надежды, а онъ самъ считается кандидатомъ на должность Командующаго Петербургскимъ Военнымъ Округомъ.

Врангель ѣздилъ по частямъ своего корпуса и совершенно взялъ въ свои руки полковые и дивизіонные комитеты, постановившіе подчиняться только генералу Корнилову, такъ какъ только онъ можетъ спасти Россію.

Въ концѣ августа была получена извѣстная телеграмма Корнилова снять радіо и никакихъ приказаній отъ Керенскаго не принимать. Однако штабъ 7-ой арміи, въ которую входилъ корпусъ, приказанія не исполнилъ, благодаря настоянію и. д. Генералъ-Квартирмейстера Штаба полк. Левицкаго, рискнувшаго поставить на Керенскаго. Командующій 8-ой арміей ген. Соковнинъ и его Начальникъ штаба, люди дряблые и безвольные, совершенно растерялись и только думали какъ бы выйти сухими изъ воды.

Тщетно Врангель въ рѣзкихъ выраженіяхъ доказывалъ необходимость исполнить приказаніе Верховнаго Главнокомандующаго, все было напрасно.

Узнавъ объ этомъ войсковые комитеты Штаба арміи стали съ подозрѣніемъ относиться къ настроенію частей

Своднаго корпуса, видя въ немъ оплотъ для Корнилова, и послали туда своихъ агитаторовъ.

Въ результатѣ началось разложеніе корпуса, который вскорѣ былъ расформированъ.

Послѣ ареста Корнилова, Врангель былъ вызванъ Духонинымъ въ ставку, гдѣ работалъ по вопросамъ реорганизаціи арміи на новыхъ началахъ. Но большевистскій переворотъ положилъ конецъ всѣмъ реформамъ.

Врангель уѣхалъ въ Крымъ. Здѣсь Курултай — мѣстное татарское правительство — предложило ему вступить въ командованіе Крымскими войсками. Выясняя возможно ли принять командованіе, и ведя переговоры съ главой татарскаго правительства Сайдаметомъ, Врангель увидѣлъ, что здѣсь, какъ и въ Петроградѣ, та же неустойчивость власти. А потому поставилъ условіемъ единоличное подчиненіе арміи ему и введеніе въ арміи самой строгой дисциплины.

Такое условіе показалось татарскому правительству неріемлемымъ и дальнѣйшіе переговоры были прекращены.

Большевики явившись въ Ялту, арестовали Врангеля и перевезли на миноносецъ. Предстоялъ разстрѣлъ. Но вступились бѣдняки квартала гдѣ жилъ съ семьей Врангель, всегда имъ помогавшій. Выпущенный на свободу, онъ скрылся съ женой и дѣтьми въ горы, къ татарамъ. Здѣсь пришлось, избѣгая обысковъ, переходить на житье изъ одного дома въ другой, и это продолжалось до прихода въ Крымъ нѣмцевъ.

Въ августѣ 1918 г. Врангель уже былъ въ Добровольческой арміи.

За свои боевые подвиги въ трехъ войнахъ онъ получилъ всѣ боевыя награды и нѣсколько чиновъ за отличія.

Постановленіемъ Кубанской Чрезвычайной Рады награжденъ крестомъ „Спасенія Кубани“ 1-й степени и принятъ въ казачье сословіе.

Въ благодарность за избавленіе казачьихъ земель отъ большевиковъ приговоромъ станичныхъ и аульнаго сборовъ былъ принятъ въ почетные старики многихъ станицъ Кубанскаго, Астраханскаго и Терскаго Казачьяго войска.

Станица Константиновская, отвела Врангелю 10 десятинъ земли „изъ толочнаго клина“, которую постановила засѣвать общественными сѣменами. —

Въ теченіе всей службы Врангеля всѣ начальники, независимо отъ своего отношенія къ нему, цѣнили его, какъ выдающагося офицера. Генералы Рененкампфъ, Куропаткинъ, Крымовъ, Корниловъ, Деникинъ, безъ колебанія выдвигали и возлагали на него выполненіе отвѣтственныхъ порученій.

Въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ онъ всегда былъ очень простъ, и заботливъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ

походнаго дневника офицера 3-го эскадрона Л. Гв. Коннаго полка, „26 іюля (1914 г.) въ 6 часовъ вечера было получено приказаніе перейти въ Вильковишки . . . Пришли въ темнотѣ подъ проливнымъ дождемъ и довольно долго не могли найти себѣ помѣщенія и размѣститься . . . Какъ всегда Врангель легъ послѣднимъ, устроивъ раньше всѣхъ людей и потому оставшись голоднымъ“.

Корреспондентъ одной газеты, побывавъ на фронтѣ Кавказской арміи, писалъ: „Генералъ Врангель поражаетъ своей неутомимой энергіей, всегда бодрый, умѣющій и во всѣхъ окружающихъ вселить ту же бодрость и напряженіе, онъ не знаетъ, что такое усталость. Вмѣстѣ со штабомъ, сдѣлавъ переходъ верхомъ верстъ 50 и больше, онъ тутъ же хватается за работу, требуя и отъ своихъ подчиненныхъ тѣхъ же неослабѣвающихъ усилій.“

Къ проступкамъ, марающимъ честь арміи, Врангель былъ неумолимъ. Корреспондентъ одной изъ Ростовскихъ газетъ по случаю взятія ст. Великокняжеской писалъ: „Въ станицѣ грабили. Прибывшій Командующій арміей немедленно прекратилъ „подвиги“, забывшихъ долгъ солдатъ-джигитовъ. Повѣшенные грабители долго висѣли, и каждый житель долженъ былъ знать, что ничто, какъ грабежъ, такъ жестоко и безпощадно не карается высокимъ, стройнымъ генераломъ, побѣдителемъ лучшихъ красныхъ полковъ.“

Врангель-Главнокомандующій въ общемъ не измѣнился, но въ его отношеніяхъ къ окружающимъ стало проявляться много дипломатичности. Съ кажущимся, но неискреннимъ сожалѣніемъ, чтобы не причинить обиды, разставался онъ съ неспособнымъ администраторомъ, безпокойнымъ крупнымъ начальникомъ, терпѣливо выслушивалъ назойливаго просителя или наивный лепетъ дамы, никого не обрывая рѣзкимъ словомъ или жестомъ, съ едва замѣтной улыбкой и смѣющимися глазами. Болѣе близкіе находили, что онъ часто поддавался постороннему вліянію и обладалъ не твердымъ характеромъ. Послѣднее мнѣніе не правильно — онъ просто не отличался безграничнымъ упрямствомъ Деникина. Врангель честолюбивъ, какъ всякій незаурядный человѣкъ и высоко ставилъ свою военную карьеру. Но шелъ онъ къ ней честнымъ путемъ.

ГЛАВА VII.

22 Марта 1920 г. Деникинъ сложилъ съ себя званіе Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи и назначилъ своимъ преемникомъ Врангеля.

Что же произошло на фронтѣ арміи въ періодъ времени съ отъѣзда Врангеля заграницу до его назначенія, т. е. за 3—4 недѣли, и какія обстоятельства вынудили Деникина прійти къ такому рѣшенію?

Къ началу марта надвигающаяся катастрофа стала казаться близкой и неизбѣжной. Это понимали всѣ, — населеніе, войска, штабъ Главнокомандующаго, гибнущіе отъ голода и смертельной усталости бѣженцы. Одинъ Деникинъ не постигалъ, или просто отказывался допустить неизбѣжность конца. Уже была отдана Тихорѣцкая, потеряны города Пятигорской группы, Буденный со своей конницей, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, продвигался къ Новороссійску, и въ тылу зеленые, подъ командой Кубанскаго сотника Пилюка, разрушали желѣзныя дороги и уничтожали отдѣльныя группы войскъ, — Главнокомандующій неизмѣнно сохранялъ бодрость духа и съ оптимизмомъ смотрѣлъ на будущее.

Въ штабномъ вагонѣ его поѣзда, стоявшаго въ постоянной готовности на путяхъ въ Екатеринодарѣ, офицеры Генеральнаго Штаба, измученные и издерганные отъ безсонницы и непосильной работы, еще пытались составить какой то планъ. Но не вѣря сами въ возможность его осуществленія, они доказывали Главнокомандующему, что война на Кавказѣ проиграна безвозвратно и нужно лишь думать о планомѣрной эвакуаціи остатокъ арміи въ Крымъ.

По словамъ одного изъ офицеровъ оперативнаго отдѣленія, Деникинъ на подобный докладъ однажды заявилъ: „дѣла не такъ плохи, какъ Вы думаете, господа; я увѣренъ, что вскорѣ наступитъ рѣзкій переломъ, военное счастье намъ снова улыбнется и *на Святой недѣлѣ мы будемъ въ Москвѣ*".*)

Но перелома, въ который такъ хотѣлъ вѣрить Главнокомандующій, увы, не наступало. Деморализованная армія продолжала катиться къ Черноморскому побережью, и 4-го марта былъ оставленъ безъ боя Екатеринодаръ.

*) Курсивъ автора.

По новымъ планамъ высшаго командованія предполагалось, отведя армію за р. Кубань, привести ее въ порядокъ, дать отдохнуть, пополнить мобилизованными и затѣмъ снова начать борьбу.

Всѣ эти соображенія оказались чисто академическими, такъ какъ дезорганизованныя войска уже не были способны оказывать какое-либо сопротивленіе наступающему противнику.

Кромѣ того, раіонъ за р. Кубанью не имѣлъ необходимыхъ запасовъ продовольствія, а мѣстныхъ средствъ и въ обыкновенное время не хватало даже для жителей.

Между тѣмъ 7-го марта красные уже форсировали р. Кубань. Тогда генералъ Деникинъ рѣшилъ сосредоточить войска на Таманскомъ полуостровѣ, откуда можно было легко перебросить ихъ въ Крымъ.

Но быстрое продвиженіе противника и отсутствіе сопротивленія находившихся въ центрѣ арміи донцовъ, имѣло слѣдствіемъ то, что армія оказалась разрѣзанной на двѣ части: правую — кубанцевъ и часть донцовъ и лѣвую — остальныхъ донцовъ и добровольческій корпусъ.

Правая группа стала отходить горными дорогами на Туапсе, лѣвая на Новороссійскъ. Необходимость эвакуаціи въ Крымъ сдѣлалась очевидной.

Добровольческій корпусъ почти цѣликомъ и часть донцовъ погрузились въ Новороссійскѣ на пароходы. Неуспѣвшіе погрузиться, въ виду недостатка перевозочныхъ средствъ, направились изъ Новороссійска по шоссе на Туапсе.

16-го марта Новороссійскъ былъ оставленъ. Пароходы съ эвакуированными войсками были направлены въ Феодосію и Севастополь. Ставка съ генераломъ Деникинымъ прибыла въ Феодосію.

Вывезено было съ Кавказскаго побережья войскъ гораздо меньше, чѣмъ это можно было сдѣлать, такъ какъ планъ эвакуаціи Штабомъ Главнокомандующаго разработанъ не былъ, а морское вѣдомство не проявило должной энергіи въ подачѣ транспортныхъ средствъ.

Деникинъ долженъ былъ видѣть, къ чему привели армію его стратегія и политика.

Авторитетъ его совершенно палъ.

Подъ давленіемъ старшихъ войсковыхъ начальниковъ онъ былъ вынужденъ отстранить своего начальника Штаба генерала Романовскаго, личнаго друга.

Всѣ эти причины сдѣлали для генерала Деникина очевидной необходимость оставленія своего поста.

Своему новому Начальнику Штаба генералу Махрову Деникинъ въ разговорѣ объяснилъ свое рѣшеніе уйти тѣмъ,

что онъ физически и морально разбитъ, армія потеряла вѣру въ своего вождя, а онъ потерялъ вѣру въ армію, а потому — оставаться Главнокомандующимъ послѣ этого онъ не можетъ.

18-го марта Деникинъ разослалъ старшимъ начальникамъ секретную телеграмму такого содержанія:

„Предлагаю прибыть къ вечеру 21 марта въ Севастополь на засѣданіе военнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ генерала отъ кавалеріи Драгомирова для избранія преемника Главнокомандующаго вооруженными Силами Юга Россіи. Составъ совѣта: Командиры Добровольческаго и Крымскаго корпусовъ, ихъ начальники дивизій, изъ числа командировъ бригадъ и полковъ — половина (отъ Крымскаго корпуса по боевой обстановкѣ норма можетъ быть меньше). Коменданты крѣпостей, командующій флотомъ, его начальникъ штаба, начальники морскихъ управленій, четыре старшихъ строевыхъ начальника флота.

Отъ Донского корпуса генералы: Сидоринъ, Кельчевскій и шесть лицъ изъ состава генераловъ и командировъ полковъ. Отъ Штаба Главнокомандующаго: Начальникъ Штаба, Дежурный генералъ, Начальникъ Военнаго Управленія, а также генералы: Врангель, Богаевскій, Улагай, Шиллингъ, Покровскій, Боровскій, Ефимовъ, Юзефовичъ и Топорковъ.“

Подробности Севастопольскаго совѣщанія такъ описаны въ книгѣ Н. Раковскаго „Въ станѣ бѣлыхъ“:

„20 марта въ Севастополь съѣхались почти всѣ члены военнаго совѣщанія, которое составлялось во дворцѣ командующаго флотомъ на Чесменской улицѣ. Настроеніе участниковъ совѣщанія было нервное, приподнятое. Дворецъ охранялся усиленными офицерскими караулами съ пулеметомъ у входа въ зданіе.

„Вечеромъ во дворецъ собрались, можно сказать, всѣ виднѣйшіе представители вооруженныхъ силъ, тѣ, кто игралъ главную роль въ гражданской войнѣ. Почти каждаго изъ участниковъ совѣщанія зналъ весь югъ Россіи. Здѣсь были въ своемъ эффектномъ обмундированіи представители Добровольческаго корпуса съ Кутеповымъ и Витковскимъ во главѣ. Явился защитникъ Крыма отъ большевиковъ генералъ Слащевъ. Здѣсь былъ генералъ Покровскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ „Ледяного похода“ и далнѣйшей борьбы съ большевиками. Особнякомъ держались донцы во главѣ съ Сидоринымъ и Кельчевскимъ. Были и представители Кубанскаго войска въ томъ числѣ и генералъ Улагай . . .

„Совѣщаніе открылось рѣчью генерала Драгомирова, который, охарактеризовалъ въ черныхъ тонахъ общую обстановку и закончилъ свою рѣчь предложеніемъ выбрать новаго главнокомандующаго.

„Горячо запротестовалъ противъ этого генералъ Сидоринъ, который заявилъ, что донцы принципіально высказываются противъ проведенія въ жизнь пагубнаго во всѣхъ отношеніяхъ выборнаго начала въ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ протестъ противъ того, что Донъ и на этотъ разъ обидѣли: отъ добровольческихъ частей на совѣщаніи присутствуетъ сорокъ человѣкъ, отъ донцовъ — шесть.

„Противъ выборовъ высказывался и генералъ Слащевъ, который, послѣ своего выступленія, немедленно выѣхалъ на фронтъ.

„Не имѣли успѣха представители Добровольческаго Корпуса, высказавшіеся въ томъ смыслѣ, что Добровольцы по прежнему готовы считать своимъ Главнокомандующимъ генерала Деникина, которому они довѣряютъ, какъ и довѣряли раньше.

„Несмотря на неоднократныя настоянія Драгомирова, участники совѣщанія единогласно высказались противъ выборнаго начала и нѣкоторые изъ нихъ, въ порядкѣ частныхъ разговоровъ, заявили предсѣдателю, что у Главнокомандующаго есть иные выходы изъ создавшагося положенія, напр. назначеніе себѣ преемника.

„Врангель прибылъ въ Севастополь съ сенсаціоннымъ ультиматумомъ, въ которомъ Великобританское правительство предлагало Деникину свое посредничество съ цѣлью прекращенія междуусобной войны, предупреждая, что въ случаѣ несогласія на это Главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи, оно лишитъ его всякой помощи и слагаетъ съ себя въ этомъ случаѣ, всякую отвѣтственность за послѣдствія.

— Въ моментъ полученія ультиматума, разсказывалъ мнѣ Врангель, — я жилъ, какъ частный человѣкъ въ Константинополѣ и, желая принести посильную помощь Родинѣ, долженъ былъ ѣхать въ Сербію съ тѣмъ, чтобы заняться тамъ устройствомъ бѣженцевъ. Въ день моего отъѣзда я получилъ отъ Начальника Англійской Военной Миссіи генерала Хольмана телеграмму, которую мнѣ передалъ Верховный Политическій Комиссаръ въ Константинополѣ адмиралъ Де-Робекъ. Хольманъ передалъ мнѣ просьбу генерала Деникина прибыть на военное совѣщаніе въ Севастополѣ, гдѣ должна была произойти смѣна Главнокомандующаго. Одновременно съ этимъ мнѣ былъ переданъ ультиматумъ англичанъ. Учитывая всю обстановку, я видѣлъ, что предо мною стояла задача: взять ли въ свои руки дѣло, которое казалось безнадежно проиграннымъ и, борясь все время противъ большевиковъ, принять на себя позоръ соглашательства, потому что положеніе казалось безвыходнымъ. Мои друзья отговаривали меня, указывая на то, что Деникинъ привелъ армію

къ пораженію и что я долженъ испить чашу, налитую чужими руками . . . Но, я заявилъ имъ, что съ арміей я дѣлилъ славу побѣдъ, а потому не могу отказаться испить съ нею горькую чашу тяжелыхъ испытаній, и выѣхалъ въ Севастополь. Участники совѣта отказались отъ выборовъ, не желая создавать опаснаго прецедента и оказывать давленіе на волю Главнокомандующаго. Однако, моя кандидатура не встрѣчала возраженій“. . .

Во время дневного совѣщанія 22 марта, Врангель, вопросъ о назначеніи котораго на должность Главнокомандующаго казался предрѣшеннымъ, откровенно заявилъ членамъ военнаго совѣта, что онъ не видитъ выхода изъ создавшагося положенія и, что, совершенно исключая возможность непосредственныхъ переговоровъ съ большевиками, нужно возложить на авторовъ ультиматума всю нравственную отвѣтственность за послѣдствія предпринятаго шага.

— Долгъ чести требуетъ, — говорилъ Врангель, чтобы тѣ, кто лишаетъ насъ помощи, приняли мѣры къ охранѣ неприкосновенности всѣхъ чиновъ арміи и всѣхъ жителей, занятыхъ большевистскими силами мѣстностей, и всѣхъ бѣженцевъ, которые пожелали бы вернуться на родину, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, кто боролся съ нами за общее дѣло и нынѣ томится въ тюрьмахъ Совѣтской Россіи.

Послѣ этого выступленія Врангеля, члены военнаго совѣта пришли къ заключенію, что именно такой, а не иной отвѣтъ нужно дать Великобританскому правительству. Кромѣ того, на этомъ же совѣщаніи опредѣленно выяснилось, что лицомъ, которое можетъ выполнить тяжелую и неблагодарную задачу по ликвидаціи остатковъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, является именно генералъ Врангель. Его кандидатура на постъ Главнокомандующаго не встрѣчала возраженій, о чемъ предсѣдатель совѣщанія и сообщилъ въ Феодосію генералу Деникину.

Между тѣмъ, среди нѣкоторыхъ изъ участниковъ совѣщанія, по иниціативѣ Драгомирова былъ поднятъ вопросъ о томъ, что постановленіе Военнаго совѣта по поводу англійскаго ультиматума должно быть оформлено въ видѣ соотвѣтствующаго акта, подписаннаго всѣми участниками совѣщанія.

Такого рода предложеніе встрѣтило и весьма настойчивыя возраженія. Начались споры. Одни высказывались за, другіе — противъ.

Мысль о необходимости составленія акта нашла энергичнаго сторонника и въ лицѣ Врангеля, который заявилъ, что, если подъ зафиксированнымъ постановленіемъ не будетъ подписей присутствующихъ на Совѣщаніи, онъ уѣзжаетъ заграницу.

Здѣсь выступилъ Сидоринъ и заявилъ:

— Генералъ Врангель не менѣе насъ, если не болѣе, отвѣтственъ за все происшедшее, а потому, если вопросъ ставится генераломъ Врангелемъ въ ультимативной формѣ, онъ, Сидоринъ, подъ этимъ актомъ не подпишется.

Послѣ обсужденія, вопросъ о необходимости составленія акта былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Документъ редактировался и подписывался членами военнаго совѣта, уже во время вечерняго совѣщанія, когда между Деникинымъ и Драгомировымъ произошелъ слѣдующій разговоръ по телеграфу.

— Пріѣхалъ ли генералъ Врангель? — спросилъ Деникинъ.

— Пріѣхалъ.

— Присутствовалъ-ли генералъ Врангель на засѣданіи въ 12 часовъ дня и освѣдомленъ ли онъ о политической обстановкѣ?

— Былъ освѣдомленъ. Сейчасъ прибылъ на совѣщаніе, начавшееся въ шесть часовъ вечера.

— Благославляю генерала Врангеля на его трудный путь.

Ставъ во главѣ вооруженныхъ силъ, Врангель оповѣстилъ населеніе и войска:

„Приказомъ отъ 22 марта за № 2899 я назначенъ Генераломъ Деникинымъ его преемникомъ.

„Въ глубокомъ сознаніи отвѣтственности передъ Родиной я становлюсь во главѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи.

„Я сдѣлаю все, чтобы вывести Армію и Флотъ съ честью изъ создавшагося тяжелаго положенія.

„Призываю вѣрныхъ сыновъ Россіи напрячь всѣ силы, помогая мнѣ выполнить мой долгъ. Зная доблестныя войска и флотъ, съ которыми я дѣлилъ побѣды и часы невзгоды, я увѣренъ, что армія грудью своей защититъ подступы къ Крыму, а флотъ надежно обезпечитъ побережье.

„Въ этомъ залогъ нашего успѣха.

„Съ вѣрой въ помощь Божью приступимъ къ работѣ".

Затѣмъ послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената о назначеніи Врангеля:

„Марта 24 дня 1920 года.

Именемъ закона. Правительствующій Сенатъ слушали:

Приказъ отъ 22 марта 1920 года бывшаго Главнокомандующаго всѣми Вооруженными Силами на Югѣ Россіи генерала Деникина о назначеніи Главнокомандующимъ всѣми Вооруженными Силами на Югѣ Россіи — генералъ-лейтенанта барона Врангеля, и приказъ послѣдняго о вступленіи его въ должность.

Приказали: Промысломъ Божіимъ предначертано новому Главнокомандующему стать ко главѣ воинскихъ силъ и гражданскаго управленія въ исключительной важности историческій моментъ, когда, не взирая на героическія усилія доблестной Арміи, большевистскія полчища стоятъ на подступахъ къ Крыму и мирное населеніе, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряетъ увѣренность въ будущемъ. Въ этотъ грозный часъ, съ честью вывести армію и населеніе изъ настоящаго безпримѣрно труднаго положенія и отстоять оплотъ русской государственности на Крымскомъ полуостровѣ, можетъ только крѣпкая вѣрою въ нее и сильная воля любимаго войсками вождя. Проникнутая беззавѣтной любовью къ родинѣ рѣшимость, незнавшаго пораженій и заслужившаго всеобщее довѣріе генерала Врангеля, пріять на себя великій подвигъ предводительства вооруженными силами, борющимися съ врагами Вѣры и Отечества, обязываетъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества сплотиться вокругъ него въ служеніи святому дѣлу спасенія родины. Правительствующій Сенатъ, со своей стороны, въ сознаніи лежащей на немъ обязанности — утвержденія законности и порядка, почитаетъ своимъ долгомъ призвать всѣ органы Государственнаго управленія и все населеніе страны къ дружному объединенію подъ властью новаго Главнокомандующаго, къ полному ему повиновенію, къ честному и самоотверженному служенію нуждамъ арміи, не за страхъ, а за совѣсть и не щадя живота своего. И къ сохраненію въ тылу спокойствія, порядка, бодрости духа. Въ благоговѣйномъ упованіи на милосердіе Господне къ изстрадавшейся родинѣ нашей и съ непоколебимою вѣрою въ новаго Народнаго Вождя, которому отнынѣ принадлежитъ вся полнота власти, военной и гражданской, безъ всякихъ ограниченій, — Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: особымъ указомъ дать знать о семъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ и распубликовать сей указъ во всеобщее свѣдѣніе.“

25 марта въ Севастополѣ послѣ парада войскамъ, Врангель обратился къ нимъ съ такой рѣчью:

„Три года тому назадъ, забывъ присягу, честь и совѣсть, непобѣдимыя дотолѣ русскія войска открыли фронтъ германцамъ, и обезумѣвшій русскій народъ пожаромъ и кровью залилъ Россію. Горе и страданія — вотъ что увидѣла русская земля.

„Нашлись, однако, честные сыны родины, которые, какъ Давидъ на Голіафа, пошли безстрашно умирать за счастье родной земли. Безъ снарядовъ, безъ патроновъ, босые и раздѣтые въ морозъ и стужу, въ палящій зной въ степяхъ, на высотахъ Кавказа, въ безводныхъ степяхъ Калмыцкихъ, шли они на великій крестный путь. Ширилась и развивалась эта

небольшая кучка вѣрныхъ сыновъ Родины, и освобождалась отъ красной нечисти русская земля. И чудился уже намъ трезвонъ московскихъ колоколовъ, уже бѣлѣли стѣны Кремля.

„Но Господу Богу угодно было покарать насъ за наши прегрѣшенія, и наше побѣдоносное движеніе перешло въ тяжелый и крестный путь страданій, невзгодъ. Теперь изстрадавшіеся, измученные, порѣдѣвшіе наши ряды нашли убѣжище въ Тавріи. Грудь противъ груди стоимъ мы противъ нашихъ родныхъ братьевъ, обезумѣвшихъ и потерявшихъ совѣсть. За нами бездонное море. Исхода нѣтъ . . .

„И въ этотъ грозный часъ я призванъ былъ стать во главѣ васъ. Безъ трепета и колебанія я сдѣлалъ это. Я твердо знаю, что Россія не погибла. Мы увидимъ ее свободной и счастливой. Я вѣрю, Господъ Богъ дастъ мнѣ умъ и силы вывести армію изъ тяжелаго, безвыходнаго почти, положенія.

Врангель въ Севастополѣ.
„Пусть тяжелый крестный путь будетъ для насъ искупленіемъ“...

„Сейчасъ Великій постъ, Великая недѣля, когда русскій человѣкъ очищается, чтобы безъ грѣха встрѣтить радостное Святое Воскресеніе. Пусть тяжелый крестный путь будетъ для насъ искупленіемъ, послѣ котораго настанетъ Воскресеніе. Пройдемъ черезъ горнило испытаній, и, подобно тому, какъ желѣзо, пройдя черезъ горнило переходитъ въ сталь, будемъ тверды, какъ сталь.

„Твердо вѣрю, что Русская армія явится оплотомъ дѣйствительно свободной и счастливой Россіи. Воскресеніе Родины увидимъ скоро“.

Тяжелое наслѣдство получилъ новый Главнокомандующій.

Совѣтъ Министровъ Южно-Русскаго Правительства былъ расформированъ приказомъ Деникина 16-го марта, и, такимъ образомъ, высшихъ представителей и руководителей гражданскаго управленія не было.

Финансовыя мѣропріятія ограничивались интенсивною дѣятельностью печатныхъ станковъ, изготовлявшихъ денежные знаки.

Въ области земельной реформы рѣшительно ничего не было сдѣлано.

Доставка продовольствія для войскъ и топлива для жел. дорогъ была весьма неудовлетворительна. Запасы обмундированія, снаряженія, оружія и техническихъ средствъ были брошены въ Таганрогѣ, Ростовѣ и Новороссійскѣ.

Войска частью были перевезены съ Кавказскаго побережья въ Крымъ, другія оставались еще въ раіонѣ Сочи.

Перевезенныя въ Крымъ совершенно не имѣли артиллеріи, лошадей и сѣдель — все это было оставлено въ Новороссійскѣ. Дезорганизація была полная.

Среди донскихъ казаковъ не вполнѣ улеглось броженіе, начавшееся еще на Кубани подъ вліяніемъ неудачъ и агитаціи.

Однако Врангель не палъ духомъ и со свойственной ему энергіей принялся за дѣло.

Горячій сторонникъ гласности, онъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, пригласилъ къ себѣ представителей прессы, чтобы изложить свой взглядъ на предстоящія задачи. Вотъ что пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ печати.

„Я первый разъ увидѣлъ Врангеля.

„Въ темно-сѣрой черкескѣ, онъ высокъ, худощавъ и полонъ той особенной военной выправки, которая такъ характерна для его фигуры.

„Впечатлѣніе полной противоположности съ генераломъ Деникинымъ.

„Если въ лицѣ и фигурѣ Деникина можно уловить выраженіе спокойнаго и слегка лукаваго упрямства, то въ лицѣ и движеніяхъ Врангеля чувствуется огромный порывъ, кипѣніе, напряженіе, стальная воля.

„Мною предложены были Главнокомандующему вопросы, касающіяся военнаго положенія, причины бывшихъ неудачъ, вопросы внѣшней и внутренней политики.

„Мнѣ не приходилось искать словъ и выраженій. Врангель диктовалъ и я записалъ нашу бесѣду буквально:

„Послѣ тяжелыхъ 6-ти дневныхъ боевъ мы овладѣли плацдармами Крыма и прочно ихъ за собою обезпечили.

„Армія, послѣ пережитыхъ испытаній, спѣшно приводится въ порядокъ, переформировывается. Въ самомъ ближайшемъ будущемъ я проведу цѣлый рядъ мѣръ организаціоннаго характера, которыя должны устранить часть тѣхъ недочетовъ, которые значительно затрудняли управленіе арміей. Проведены уже отчасти въ жизнь цѣлый рядъ мѣръ для повышенія нравственнаго уровня въ войскахъ. Въ частяхъ введены суды чести для офицеровъ, коимъ предоставлены широкія права до разжалованія штабъ-офицеровъ включительно.

„Наравнѣ съ заботами объ арміи будетъ проведенъ рядъ мѣръ къ разрѣшенію наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ государственной жизни.

„Трехлѣтняя анархія, неоднократная смѣна власти, изъ которыхъ каждая провозглашала программы, имѣющія цѣлью увлечь за собой симпатіи населенія заманчивыми обѣщаніями, исполнить каковыя физически не могла никакая власть, — настолько усложнили цѣлый рядъ отраслей промышленно-экономической жизни, что разрѣшить это сразу нѣтъ никакой возможности.

„Примѣромъ можетъ служить хотя бы земельный вопросъ.

„Я стремлюсь къ тому, чтобы разрѣшить наиболѣе назрѣвшіе вопросы, не превышая предѣлы фактической возможности.

Созданіе для населенія Юга Россіи, занятаго моими войсками, такого правопорядка, при которомъ населеніе могло бы быть удовлетворено въ своихъ чаяніяхъ возможно шире, — вотъ основныя задачи власти.

„Мною намѣченъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правахъ частной собственности тѣми, кто въ эту землю вложилъ свой трудъ. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежитъ сельско-хозяйственная будущность Россіи, крупное землевладѣніе отжило свой вѣкъ.

„Улучшеніе матеріальнаго благосостоянія рабочихъ и удовлетвореніе ихъ профессіональныхъ нуждъ является одной изъ моихъ главнѣйшихъ заботъ.

„Теперь о причинахъ нашихъ бывшихъ неудачъ.

„Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя ихъ, можно сказать, что стратегія была принесена въ жертву политикѣ, а политика никуда не годилась.

„Вмѣсто того, чтобы объединить всѣ силы, поставившія себѣ цѣлью борьбу съ большевизмомъ и коммуной и проводить одну политику „Русскую“, внѣ всякихъ партій, проводилась политика „Добровольческая“, какая то частная политика, руководители которой видѣли во всемъ томъ, что не носило на себѣ печать „Добровольцевъ“ — враговъ Россіи.

„Дрались и съ большевиками, дрались и съ украинцами и съ Грузіей и Азербейджаномъ, и лишь немногаго не хватало, чтобы начать драться съ казаками, которые составляли половину нашей арміи и кровью своей на поляхъ сраженій спаяли связь съ регулярными частями. Въ итогѣ, провозгласивъ Единую, Великую и Недѣлимую Россію, пришли къ тому, что разъединили всѣ антибольшевистскія русскія силы и раздѣлили всю Россію на цѣлый рядъ враждующихъ между собою образованій.

„Я вижу къ возсозданію Россіи совершенно иной путь. Нѣсколько дней тому назадъ мною заключено соглашеніе съ представителями всѣхъ казачьихъ войскъ, коимъ между мною и казаками установлены опредѣленныя взаимоотношенія. Казачьи области остаются въ своемъ внутреннемъ самоуправленіи самостоятельными, ихъ же вооруженныя силы полностью подчиняются мнѣ.

„Въ областяхъ не казачьихъ я объединилъ всю полноту гражданской и военной власти безъ всякихъ ограниченій, причемъ при разрѣшеніи вопросовъ внутренней жизни я намѣренъ широко обращаться къ помощи общественныхъ силъ.

„Мы въ осажденной крѣпости и лишь единая твердая власть можетъ спасти положеніе. Надо побить врага прежде всего, сейчасъ не мѣсто партійной борьбѣ.

„Когда опасный для всѣхъ призракъ большевизма исчезнетъ, тогда народная мудрость найдетъ ту политическую равнодѣйствующую, которая удовлетворитъ всѣ круги населенія. Пока же борьба не кончена, всѣ партіи должны объединиться въ одну, дѣлая внѣпартійную дѣловую работу, значительно упрощенный аппаратъ управленія мною строится не изъ людей какой либо партіи, а изъ людей дѣла. Для меня нѣтъ ни монархистовъ, ни республиканцевъ, а есть лишь — люди знанія и труда.

„На такой то точкѣ зрѣнія я стою въ отношеніи къ вопросу о такъ называемой „оріентаціи“. Съ кѣмъ хочешь, — но за Россію, — вотъ мой лозунгъ.

„Въ частности, касаясь германской оріентаціи, о которой такъ много пишутъ и говорятъ за послѣднее время, я не могу придавать ей серьезнаго значенія. Германія, истощенная войной и занятая внутренними дѣлами, едва ли можетъ оказать реальную помощь другимъ странамъ.

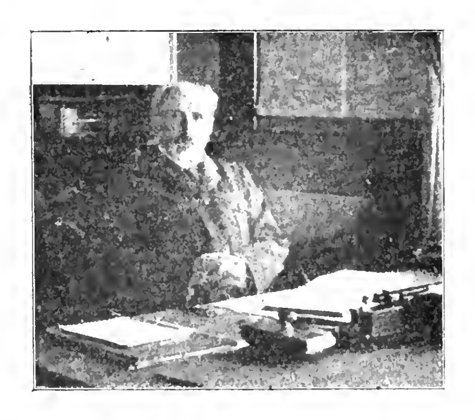
„Не тріумфальнымъ шествіемъ изъ Крыма къ Москвѣ можно освободить Россію, а созданіемъ хотя бы на клочкѣ Русской Земли такого порядка и такихъ условій жизни, которые потянули бы къ себѣ всѣ помыслы и силы стонущаго подъ краснымъ игомъ народа.“

Ставъ во главѣ правительства Юга Россіи и принявъ на себя полноту военной и гражданской власти, Врангель

прежде всего долженъ былъ рѣшить — кого назначить ближайшими сотрудниками въ отвѣтственной работѣ государственнаго строительства.

Не имѣя вначалѣ подъ рукой подготовленныхъ къ этому лицъ, Врангель поневолѣ довѣрилъ все гражданское управленіе своему военному помощнику генералу Шатилову, но назначеніе это являлось временнымъ, ибо такой молодой, сравнительно, человѣкъ какъ Шатиловъ, если и былъ на мѣстѣ въ роли Начальника Штаба, какъ послушный исполнитель воли Врангеля, то для управленія сложнымъ административнымъ аппаратомъ совершенно не годился.

У него для этого не было ни опыта, ни знаній, ни достаточно эрудиціи.



Глава Южно-Русскаго правительства
А. В. Кривошеинъ въ Крыму.

Въ маѣ мѣсяцѣ послѣдовало отчисленіе Шатилова и назначеніе пріѣхавшаго изъ Парижа А. В. Кривошеина, который, прежде чѣмъ принять отвѣтственный постъ помощника Правителя и Главнокомандующаго, долго колебался.

Назначеніе Кривошеина и пребываніе его у власти до самого конца существованія „бѣлаго" Крыма, дало поводъ многимъ органамъ русской заграничной печати упрекать Врангеля въ повтореніи старыхъ ошибокъ и поддержаніи реакціи.

Не вѣря демократической программѣ, принятой Врангелемъ въ основу новаго государственнаго строительства, элементы лѣваго лагеря, склоны были видѣть въ Кривошеинѣ бюрократа старой школы и „царскаго министра".

Однако вся прошлая дѣятельность этого „царскаго министра" проникнута извѣстной „оппозиціей Его Величеству" и служеніемъ интересамъ русскаго крестьянина.

Его государственный умъ и широкій опытъ, конечно, должны были принести большую пользу дѣлу, чѣмъ диллетантская самоувѣренность какого нибудь земца или общественнаго дѣятеля.

Это оцѣнилъ Врангель, который проводя свою программу, печатно заявилъ: „мнѣ нужны люди сильные духомъ, знающіе народную жизнь и умѣющіе ее строить. Партійная или политическая окраска ихъ для меня безразлична; были бы преданы Родинѣ и умѣли бы разбираться въ новыхъ условіяхъ.

„Подбору такихъ стойкихъ и умѣлыхъ людей, на всѣхъ ступеняхъ государственной лѣстницы, я придаю коренное значеніе.“

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ краткая біографія человѣка, рѣшившагося въ тяжелыя минуты государственнаго переустройства пойти рука объ руку съ борцами за родину.

Уже съ 1887 года Кривошеинъ посвятилъ себя работѣ по крестьянскому дѣлу.

Командировка на Дальній Востокъ, для постановки тамъ переселенческаго вопроса, затѣмъ назначеніе Комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Калишскую губернію, служба въ Земскомъ Отдѣлѣ, наконецъ назначеніе въ 1902 году Начальникомъ Переселенческаго Управленія, — таковы были первые этапы дѣятельности Кривошеина.

За это время онъ объѣздилъ по служебнымъ дѣламъ всю Россію, много разъ побывалъ въ Сибири и на Кавказѣ и лично руководилъ колонизаціей Азіатскихъ окраинъ, принявшей при немъ весьма значительные размѣры.

Въ 1905 году онъ былъ назначенъ Товарищемъ Министра Земледѣлія, въ 1906 году — Членомъ Государственнаго Совѣта, а затѣмъ Товарищемъ Министра Финансовъ, съ опредѣленной цѣлью широко развить дѣятельность Крестьянскаго Банка и направить ее къ повсемѣстному созданію мелкой крестьянской собственности.

Съ начала 1908 года по конецъ 1915 года Кривошеинъ былъ Министромъ Земледѣлія.

Дѣловымъ центромъ всей его работы въ этотъ періодъ было поднятіе благосостоянія русскаго крестьянства, развитіе мелкой собственности, повышеніе уровня сельско-хозяйственной культуры, созданіе русскаго хлопководства.

Политически А. В. Кривошеинъ былъ, какъ министръ, наиболѣе сильнымъ представителемъ либеральныхъ теченій въ правительственной средѣ, завязалъ прочныя и добрыя связи своего вѣдомства съ Государственной Думой и съ Земскимъ Самоуправленіемъ на мѣстахъ, и все время боролся съ опаснымъ разобщеніемъ Правительства и русскаго культурнаго общества.

Въ концѣ 1915 года — за годъ съ небольшимъ до переворота — онъ покинулъ постъ Министра Земледѣлія и уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста.

Весной 1917 года переѣхалъ въ Москву, гдѣ принималъ участіе въ такъ называемомъ „Правомъ Центрѣ", одной изъ наиболѣе вліятельныхъ политическихъ организацій, помогавшихъ Добровольческой Арміи и активно боровшихся съ большевизмомъ.

Лѣтомъ въ 1918 году былъ арестованъ большевиками, но успѣлъ скрыться и уѣхать въ Кіевъ.

Съ начала 1919 года, по приглашенію Деникина, работалъ въ Главномъ Комитетѣ Содѣйствія Добровольческой Арміи, а въ концѣ декабря 1919 года принялъ назначеніе на постъ Начальника Управленія Снабженій Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи.

Колоссальная трудоспособность Кривошеина тотчасъ же привела къ реальнымъ результатамъ.

Уже 25 мая было обнародовано правительственное сообщеніе по земельному вопросу.

Новый законъ, изданный въ суровой обстановкѣ военнаго лагеря, въ немногихъ словахъ можетъ быть выраженъ такъ: земля трудящимся на ней хозяевамъ. Эта руководящая мысль опирается на два основныя стремленія: охранить всякое землепользованіе, какъ оно установилось къ настоящему времени, и передать трудящимся на землѣ хозяевамъ — земли казенныя и частновладѣльческія. Законъ имѣетъ въ виду создать въ деревнѣ твердый земельный порядокъ, чтобы трудящійся на землѣ хозяинъ не страдалъ отъ посягательствъ на его землю въ настоящемъ и отъ неопредѣленности въ будущемъ.

„За прежними владѣльцами часть ихъ земли можетъ быть сохранена, но размѣръ этой части въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется на мѣстахъ мѣстными земельными учрежденіями.

„Не подлежатъ отчужденію всѣ надѣльныя земли, пріобрѣтенныя при содѣйствіи Крестьянскаго Банка и не превышающія установленнаго размѣра, участки, выдѣленные на отруба и хутора по законамъ землеустроительнымъ, церковно-приходскіе надѣлы, усадебные и высоко-культурные участки (сады, виноградники и т. п.), земли, принадлежащія сельскохозяйственнымъ и учебнымъ учрежденіямъ, участки подъ промышленными заведеніями (фабриками, заводами), а также всякія вообще владѣнія, не превышающія извѣстныхъ размѣровъ.

„Всѣ передаваемыя хозяевамъ земли закрѣпляются за ними актами и поступаютъ въ вѣчную, наслѣдственную собственность каждаго хозяина.

„Земля отчуждается не даромъ, а за выплату Государству стоимости ея. Такая передача земли обезпечиваетъ переходъ ея къ настоящимъ прочнымъ хозяевамъ, а не ко всякому падкому на даровщину и чужому землѣ человѣку.

„Цѣна за десятину земли опредѣляется пятикратной стоимостью средняго годового урожая съ десятины. Уплата за землю разсрочивается на 25 лѣтъ и, слѣдовательно, каждому хозяину придется вносить ежегодно $^{1}/_{4}$ часть урожая или выплачивать стоимость его. Уплата Государству можетъ быть производима какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами, — по желанію плательщика.

„При такихъ условіяхъ, уплачивая значительно меньше по сравненію съ тѣмъ, какъ обычно въ прежнее время платили съемщики земли, оставаясь при томъ вѣчными арендаторами, новый владѣлецъ черезъ 25 лѣтъ погашаетъ весь лежащій на его участкѣ долгъ и становится полнымъ собственникомъ своего участка.

„Владѣльцы отчуждаемыхъ земель будутъ вознаграждаться Государствомъ. Источникомъ для расплаты съ ними будетъ служить выручка Государства отъ хлѣбныхъ и денежныхъ взносовъ за переданныя въ новое владѣніе земли.

„На земельныя учрежденія возлагаются право и обязанность дѣйствительнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы вся земля была обработана и засѣяна, а урожай собранъ.

„Впредь до разработки и проведенія въ жизнь положеній о Волостныхъ, Уѣздныхъ и Губернскихъ Земствахъ, осуществленіе земельныхъ мѣропріятій возложено ча выборные волостные и уѣздные земельные совѣты.“

Слѣдомъ за земельнымъ закономъ былъ принятъ рядъ мѣръ по улучшенію быта рабочихъ: повышена оплата ихъ труда, организована выдача имъ интендантскаго пайка натурою, устроены казенныя потребительскія лавки.

Реорганизовавъ армію, Врангель обратилъ вниманіе и на улучшеніе матеріальнаго положенія военнослужащихъ и ихъ семействъ.

„Два года настоящей войны я провелъ въ рядахъ арміи“, писалъ Главнокомандующій, я видѣлъ всю тяжесть, испытываемую ею, и преклонялся передъ доблестью офицеровъ, солдатъ, казаковъ и матросовъ, безропотно переносившихъ невзгоды и лишенія. Заботы о нихъ и ихъ семьяхъ почитаю первымъ своимъ долгомъ“.

Но одновременно была объявлена безпощадная война противъ дезорганизаціи и деморализаціи во всѣхъ формахъ,

Южно-Русское правительство.

Въ первомъ ряду сидятъ: 1. ген. Шатиловъ, 2. Астраханскій атаманъ Ляховъ, 3. Терскій атаманъ ген. Вдовенко, 4. Донской атаманъ ген. Богаевскій, 5. Ген. Врангель, 6. Кубанскій атаманъ Иванисъ, 7. А. В. Кривошеинъ, 8. Председ. Донск. пр-ва Корженевскій.

Стоятъ: 3. И. д. министра Иностр. Дѣлъ Кн. Трубецкой, 6. Председ. Астраханск. пр-ва Санджи-Бояновъ, 9. И. д. н-ка Воен. Управл. ген. Никольскій, 11. Министръ юстиціи сенаторъ Таганцевъ, 12. Н-къ Граждан. части Тверской, 13. Мин. Торговли и Пром. Налабандовъ, 17. Министръ Землед. Глинка, 18. Н-къ Снабженій ген. Вильчевскій.

противъ злоупотребленій, взяточничества и другихъ проявленій разрухи и безпорядка какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу.

Совершенно въ новой плоскости былъ рѣшенъ вопросъ относительно красныхъ офицеровъ, оставившихъ ряды совѣтскихъ войскъ и перебѣжавшихъ къ добровольцамъ.

Во времена Деникина отношеніе къ этимъ несчастнымъ людямъ было самое несправедливое. Теряя при побѣгѣ свои семьи, все свое имущество, лишь для того, чтобъ подъ знаменемъ освобожденія пойти противъ большевиковъ, они находили въ „станѣ бѣлыхъ" не забвеніе ихъ прежней подневольной службѣ, а судебныя и военно-слѣдственныя комиссіи, а въ первое время даже пулю въ лобъ или петлю на шею.

Въ этомъ отношеніи, многіе высшіе начальники Добровольческой арміи были поразительно безсердечны и безжалостны. Генералъ Покровскій въ своей жестокости доходилъ до садизма. Однажды, послѣ разгрома X Совѣтской арміи на Манычѣ въ 1919 г., въ его корпусъ перебѣжалъ полк. И. — интендантъ X арміи. Покровскій его любезно встрѣтилъ, заставилъ разсказать все, что тотъ зналъ про положеніе красныхъ, накормилъ его обѣдомъ и къ вечеру повѣсилъ.

Позже, въ серединѣ 1919 г., когда Добровольцы начали занимать одинъ за другимъ города центральной Россіи и Украйны, къ воинскимъ начальникамъ стали являться десятки тысячъ офицеровъ, для поступленія въ Добровольческую армію. Въ одномъ Кіевѣ такихъ было до 13 000.

У всѣхъ былъ высокій подъемъ духа, всѣ горѣли желаніемъ служить Родинѣ. Но судебная волокита тянулась мѣсяцами, и первоначальный порывъ явившихся постепенно угасалъ, во время томительнаго ожиданія, передъ дверями слѣдственныхъ комиссій.

А недостатокъ средствъ и необходимость кормить семью иногда толкали ихъ искать частную службу и, такимъ образомъ, много хорошихъ боевыхъ офицеровъ было потеряно для арміи.

Правительство Крыма освободило отъ отвѣтственности всѣхъ служившихъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ и офицеры были возстановлены въ правахъ.

Въ своемъ обращеніи къ этимъ лицамъ, Врангель призывалъ ихъ протянуть руку его арміи.

„Русскіе люди, офицеры и солдаты красной арміи.

„Россія — Родина наша гибнетъ. Вѣра православная поругана, осквернены древнія святыни. Народъ порабощенъ.

города вымираютъ. Стоятъ фабрики, остановилась торговля, не засѣваются поля. Мы всѣ у края бездны.

„Вы тѣшите себя мечтой, что служите русской народности, отдавая жизнь за интернаціоналъ, отвергающій всякую народность.

„Поймите, для совѣтскихъ властителей чужая имъ Россія — только костеръ, чтобы зажечь міровой пожаръ. Имъ все равно, если отъ этого костра останется только пепелъ.

„За что же вы боретесь?

„За ваше рабство, за комиссаровъ-коммунистовъ, терзающихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей въ застѣнкахъ, за изувѣровъ, отрицающихъ Россію, за гнетъ, невиданный ни въ одной каторжной тюрьмѣ?

„Мы боремся не противъ васъ, а за васъ самихъ, за ваше достояніе, за свободу Россіи, за ея величіе.

„Мы въ Крыму уже отдали землю крестьянамъ и несемъ народу волю, рабочимъ обильный заработокъ, участіе въ прибыляхъ и просторъ мирнаго вольнаго труда.

„Три года льется кровь. Три года братья убиваютъ другъ друга. Ступайте по домамъ или идите къ намъ. Тогда прекратится безсмысленная бойня. Тогда весь народъ, очищенный страданіемъ, въ своей родной семьѣ самъ для себя установитъ порядокъ лучшей, истинно-свободной жизни. Тогда все забудется, все простится.

„Братья наши, офицеры и солдаты красной арміи!

„Мы протягиваемъ вамъ руку, протяните и вы намъ свою.

„Спасемъ нашу общую мать, кормилицу нашу Россію.“

Одной изъ труднѣйшихъ проблемъ всѣхъ русскихъ правительствъ былъ всегда еврейскій вопросъ. Позиція Врангеля въ разрѣшеніи этого вопроса была извѣстна изъ его бесѣды съ сотрудникомъ одной иностранной газеты:

„Въ народныхъ массахъ дѣйствительно замѣчается обостреніе ненависти къ евреямъ. Чувство это развивается все сильнѣе въ русскомъ народѣ. Въ послѣднихъ своихъ проявленіяхъ, противо-еврейскія настроенія буйно разрастаются на гнойникѣ большевизма. Народъ не разбирается, кто виноватъ. Онъ видитъ евреевъ-комиссаровъ, евреевъ-коммунистовъ и не останавливается на томъ, что это часть еврейскаго населенія, можетъ быть, оторвавшаяся отъ другой части еврейства, не раздѣляющаго коммунистическихъ ученій и отвергающаго совѣтскую власть. Всякое погромное движеніе, всякую агитацію въ этомъ направленіи, я считаю государственнымъ бѣдствіемъ и буду съ ними бороться всѣми имѣющимися у меня средствами. Всякій погромъ разлагаетъ армію. Войска, причастныя къ погромамъ, выходятъ изъ повиновенія. Утромъ они громятъ евреевъ, а къ вечеру они начнутъ громить остальное мирное населеніе.“

Закрывая крайне-правую газету „Русская Правда“ за рѣзко антисемитическое направленіе, правительство Крыма объявило:

„Неоднократно указывалось, что въ настоящій грозный часъ лишь въ единеніи всѣхъ русскихъ гражданъ спасеніе Родины. Всякая національная, классовая или партійная вражда, исключая возможность дѣловой работы, недопустима.“

Одно время въ Крыму сталъ публично выступать извѣстный своимъ отношеніемъ къ евреямъ протоіерей Востоковъ. Врангель вызвалъ проповѣдника къ себѣ и предупредилъ, что въ случаѣ повторенія имъ погромныхъ рѣчей, — онъ вышлетъ за предѣлы территоріи Крыма не только его, но всякого, независимо отъ сана, чина, или званія, сѣющаго политическую или національную рознь.

Однимъ изъ бѣдствій, губившихъ армію Деникина, были грабежи и бандитизмъ въ войскахъ. Новый Главнокомандующій приказалъ предавать виновныхъ въ этихъ преступленіяхъ военнополевому суду. Цѣлый рядъ лицъ, поплатившихся жизнію за свои преступленія, свидѣтельствуетъ о той строгости, съ какой они карались.

Всякаго рода реквизиціи войсками продуктовъ, скота, лошадей, перевозочныхъ средствъ и т. д. у мѣстнаго населенія, категорически воспрещались.

Но, насколько успѣшно проводилась желѣзная дисциплина на фронтѣ, настолько была трудна борьба въ тылу.

„Тылъ разъѣдается преступной дѣятельностью нѣкоторыхъ, укрывшихся за штыками фронта, лицъ, сѣющихъ смуту и недовольство тамъ, гдѣ все должно объединиться ко спасенію Родины“, было сказано въ одномъ приказѣ. „Такія лица будутъ высылаться въ предѣлы Совѣтской Россіи, гдѣ они смогутъ найти достойное примѣненіе своимъ силамъ.“

Наказаніе это, сильное и оригинальное, какъ все, отмѣченное печатью личной воли и мысли Врангеля, одними привѣтствовалось, другіе его жестоко осуждали.

Но ни кипучая энергія Врангеля, ни государственный умъ Кривошеина не могли возстановить нормальныхъ условій экономической жизни Крыма.

12 октября Главнокомандующій это оффиціально признаетъ:

„Обезцѣненіе денежныхъ знаковъ приняло характеръ народнаго бѣдствія. Бытовыя условія жизни тяжелы для всѣхъ, отъ рядового обывателя до члена правительства.

Недостатокъ товаровъ замедляетъ поступленіе изъ деревень хлѣба. Грозитъ опасность дальнѣйшаго сокращенія запашекъ. Еще болѣе тревожно положеніе городскихъ жителей. Равновѣсіе между городомъ и деревней нарушено.“

Съѣхавшіеся въ Севастополь изъ заграницы, по приглашенію правительства, видные дѣятели финансоваго и промышленнаго міра, кромѣ ряда пожеланій и совѣтовъ ничего не внесли, и финансово-экономическое положеніе продолжало ухудшаться, ибо не было главнаго — золотого запаса и умѣнія его найти.

ГЛАВА VIII.

На военномъ совѣтѣ въ Севастополѣ 22-го Марта, признавшемъ назначеніе Врангеля Главнокомандующимъ, была оглашена нота Британскаго Верховнаго Комиссара въ Константинополѣ, въ которой сообщалось, что Верховный Союзный Совѣтъ призналъ продолженіе въ Россіи гражданской войны явленіемъ, внушающимъ наибольшее опасеніе и угрозу для мира, при настоящемъ положеніи вещей въ Европѣ.

Отъ имени Англійскаго Правительства Верховный Комиссаръ извѣщалъ Главнокомандующаго, что Англія совѣтуетъ ему прекратить безнадежную борьбу и, въ случаѣ согласія на это, готова вступить въ переговоры съ совѣтской властью съ цѣлью обезпечить амнистію какъ населенію Крыма, такъ и чинамъ Добровольческой арміи, самому же Главнокомандующему и главнымъ его сподвижникамъ она предлагаетъ у себя гостепріимство.

Въ заключительныхъ словахъ ноты говорилось, что въ случаѣ отказа отъ принятія этого предложенія, Британское Правительство будетъ вынуждено сложить съ себя отвѣтственность за послѣдствія такого рѣшенія и пріостановить дальнѣйшее снабженіе Добровольческой арміи.

Сообщеніе Верховнаго Комиссара Англіи, носившее ультимативный характеръ, было обращено Британскимъ Правительствомъ къ Деникину, отвѣтить же на него пришлось Врангелю.

„Возлагая всю нравственную отвѣтственность за послѣдствія принятаго рѣшенія на Британское Правительство, — писалъ Главнокомандующій въ отвѣтной нотѣ, — и совершенно не допуская возможности непосредственныхъ переговоровъ съ противникомъ, я отдаю участь арміи, флота и населенія занятыхъ нами территорій, а также всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ настоящей борьбѣ на нашей сторонѣ, на справедливое рѣшеніе Правительства Великобританіи. Имѣя право требовать отъ подчиненныхъ жертвовать жизнью для пользы Родины, я не могу требовать отъ тѣхъ изъ нихъ, кто почиталъ бы для себя безчестнымъ воспользоваться амнистіей отъ врага — принять таковую. При этомъ условіи я считаю совершенно недопустимымъ, чтобы предлагаемая Британскимъ Правительствомъ возможность Главнокомандую-

щему и его главнѣйшимъ сподвижникамъ найти убѣжище внѣ Россіи, не была бы въ равной степени предоставлена и всѣмъ тѣмъ, кто предпочтетъ оставленіе Родины — принятію пощады."

Отвѣтъ Главнокомандующаго произвелъ на Англійское Правительство, повидимому, благопріятное впечатлѣніе.

4-го (17) Апрѣля Лордъ Керзонъ обратился къ совѣтскому народному комиссару иностранныхъ дѣлъ Чичерину съ телеграммой, предлагающей ему посредничество Англіи въ вопросѣ объ окончаніи войны съ остатками Добровольческой Арміи, сосредоточившейся въ Крыму подъ командованіемъ ген. Врангеля. Въ своей телеграммѣ лордъ Керзонъ добавлялъ, что если это предложеніе будетъ отклонено и большевики продолжатъ свое наступленіе на югъ, Британское Правительство отдастъ приказъ своимъ морскимъ силамъ принять всѣ необходимыя мѣры къ предотвращенію вторженія совѣтскихъ войскъ на территорію Крыма.

Совѣтская дипломатія уже давно заявила о своемъ отказѣ отъ всѣхъ международныхъ обычаевъ и общепризнанныхъ законовъ. Въ вопросѣ о прекращеніи гражданской войны при посредничествѣ Англіи, она не нашла нужнымъ измѣнять свои привычки. Принявъ чрезвычайно заносчивый тонъ, совѣтскіе дипломаты дали отвѣтъ Британскому Правительству не по существу вопроса и заявили о своемъ согласіи начать переговоры лишь при условіи полученія отъ Англіи разнаго рода льготъ и преимуществъ, находившихся совершенно не въ ея власти.

Отвѣтъ совѣтскаго правительства лишилъ Англію возможности продолжать свое посредничество между Правительствомъ Юга Россіи и Совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, между тѣмъ рѣзкія выступленія лѣвыхъ группъ и рабочихъ круговъ въ самой Англіи настойчиво требовали прекращенія гражданской войны въ Россіи.

Въ виду этого, Правительство Великобританіи сочло себя вынужденнымъ предложить Главнокомандующему непосредственно вступить въ переговоры съ совѣтской властью.

Врангель принялъ единственное возможное при такомъ положеніи рѣшеніе. Онъ указалъ Британскому Правительству на безцѣльность и недопустимость непосредственныхъ переговоровъ съ большевиками и сообщилъ свой взглядъ на тѣ основныя условія, которыя почитались имъ необходимымъ залогомъ успѣшности возрожденія разрушенной русской государственности.

Врангель не могъ отказаться отъ идеи возрожденія національной Россіи, а это составляло самое основное, самое непримиримое противорѣчіе между имъ и большевиками.

Ведя переговоры, совѣтское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточило у Крымскихъ перешейковъ значительныя

силы для овладѣнія Крымомъ, что вынудило бѣлыя войска въ концѣ Марта перейти въ наступленіе и отбросить красныхъ отъ перешейковъ.

Въ телеграммѣ изъ Лондона отъ 10-го іюня сообщалось, что премьеръ-министръ Ллойдъ Джорджъ, въ засѣданіи Палаты Общинъ, такъ очертилъ позицію, которую заняло Англійское Правительство по отношенію къ Крымской Арміи: „Мы сдѣлали все, что могли, чтобы послужить посредниками между совѣтскимъ правительствомъ и арміей ген. Врангеля, съ цѣлью поставить въ возможно лучшія условія бѣженцевъ изъ Крыма, но мы ясно дали понять ген. Врангелю, что не беремъ на себя отвѣтственности ни за его лично, ни за его армію, въ томъ случаѣ, если онъ предприметъ наступательныя операціи. Отвѣтственность за военныя дѣйствія падаетъ всецѣло на него. Какъ только мы объ этомъ (вѣроятно о военныхъ дѣйствіяхъ) узнали, Британская миссія была отозвана изъ Крыма."

Военный французскій атташе въ Крыму маіоръ Этиванъ.

Французскому правительству идея какого бы то ни было соглашенія съ большевиками была совершенно чужда. Присоединяясь къ мнѣнію другихъ державъ, что непрекращающаяся гражданская война въ Россіи представляетъ собою явленіе наиболѣе угрожающее спокойствію Европы, Франція не дѣлала изъ этого положенія вывода, что слѣдуетъ признать совѣтскую власть и не считала, что такое признаніе повлечетъ за собою всеобщее успокоеніе. Ей, болѣе чѣмъ какой либо другой державѣ, нужна Россія, и не какъ матеріалъ, не какъ пища удобная и легкая для экономическаго поглощенія, а какъ мощный союзникъ, какъ великая европейская держава, способная сохранить и поддержать общее политическое равновѣсіе Европы.

Въ результатѣ, лѣтомъ 1920 г. появился актъ глубокаго значенія — признаніе Франціей Правительства Юга Россіи.

Оффиціальное извѣщеніе объ этомъ послѣдовало въ телеграммѣ 31-го іюля (13 августа), Россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, начальнику управленія иностранныхъ дѣлъ въ Севастополѣ.

„Г. Мильеранъ только что извѣстилъ меня, что Французское Правительство рѣшило признать Правительство Юга Россіи и намѣрено отправить въ Севастополь дипломатическаго представителя". Подписана Базили.

Главнокомандующимъ 2-го Августа была отправлена отвѣтная телеграмма:

> „Его превосходительству господину Мильерану, предсѣдателю совѣта министровъ, министру иностранныхъ дѣлъ, Парижъ.
>
> „Въ виду принятаго Правительствомъ Республики рѣшенія признать Правительство Юга Россіи, считаю долгомъ, Господинъ Предсѣдатель Совѣта, принести Вамъ горячую благодарность за цѣнное содѣйствіе, оказанное Вами русскому національному дѣлу въ минуту рѣшительнаго испытанія, когда всѣ наши усилія направлены на выполненіе задачи по возстановленію Россіи на основѣ великихъ началъ свободы и прогресса.
>
> „Генералъ Врангель".

Съ момента признанія Франціей Правительства Врангеля, положеніе его юридически рѣзко измѣнилось, такъ какъ оно пріобрѣло всѣ права правительства самостоятельнаго государства.

Въ сентябрѣ Французское Правительство командировало въ Севастополь, на смѣну своего военнаго атташе, Верховнаго Комиссара, графа де Мартель, съ чинами миссіи и облекло его широкими полномочіями.

Пріѣздъ представителя Франціи въ Крымъ, пробудилъ въ правительствѣ, арміи и населеніи твердую увѣренность, что со стороны старой союзницы Россіи, будетъ оказана всемѣрная и самая широкая помощь войскамъ, которая облегчитъ имъ предстоящую зимнюю кампанію.
Въ 20-хъ числахъ сентября графъ де Мартель, на торжественномъ пріемѣ, устроенномъ донскими казаками Главнокомандующему и французскимъ гостямъ, произнесъ сильную рѣчь, изъ которой чувствовалось, что помощь Франціи дѣйствительно имѣла бы мѣсто, еслибъ крымская армія продолжала удерживать Крымъ.

„M. M. les représentants des Cosaques.

Je suis très heureux de pouvoir etre parmis vous à un moment si grave et si décisif pour votre vie et pour le sort de votre pays.

La France a toujours été amie de la Russie, et c'est avec une peine profonde, qu'elle voit ce grand pays, si riche et si beau, saccagé par une minorité, qui s'est imposée par la violence et le mène à la ruine.

La France n'a jamais transigé avec le bolchewisme; toujours elle a été à la tete du mouvement mondial contre lui, et c'est avec joie qu'elle a salué l'avènement du Gouvernement du Général VRANGEL,

Верховный комиссаръ Франціи графъ де Мартель.

. . C'est avec cet espoir, que je vous adresse les voeux de la France et les fraternelles salutations de vos amis et alliés, qui n'épargneront aucun effort pour vous aider dans la mésure du possible et jusq'au bout".

qui dans des difficultées sans précédent, a entrepris de grouper toutes les énergies pour conduire la lutte et assurer à chacun avec la victoire le respect de ses droits.

La France ne peut oublier, que si la guerre contre l'Allemagne s'est terminée par la victoire, la paix ne saurait exister dans le monde, que lorsque la Russie en jouira elle aussi, lorsque le bolchévisme, importé de l'Allemagne, aura été rayé de la carte de la Russie.

„Elle sait, que les Cosaques, qui ont été à l'avant-garde pendant la guerre, continuent la lutte dure et pénible contre cet ennemi intérieur.

„Maintenant vous vous dépensez pour arracher à la mort des millions de victimes russes, qu'une minorité intéressée la plus égoïste et la plus féroce, qu'on a jamais vu dans l'histoire, décime sans pitié, comme elle décimerait demain ces territoires-ci, s'il n'y avait un chef énergique, un chevalier sans peur et sans reproche, pour organiser la défense, maintenir, asseoir et développer la civilisation, l'ordre, la tranquilitée et le respect de tous les droits.

„Je souhaite ardemment, que vos territoires, encore occupés, jouissent bientôt de ces mêmes avantages. Vous avez choisi la bonne voie, en vous unissant pour la lutte. Encore quelques efforts et vous toucherez le but. Vous reverrez vos stanitsas et le paisible DON.

*„C'est avec cet espoir, que je vous adresse les voeux de la France et les fraternelles salutations de vos amis et alliés, qui n'épargneront aucun effort, pour vous aider dans la mesure du possible et jusq'au bout.**)

---

*) Переводъ. Господа казачьи представители. Я очень счастливъ быть среди васъ въ столь важный и рѣшительный моментъ вашей жизни и судьбы вашей страны. Франція была всегда другомъ Россіи и теперь съ чувствомъ глубокой горечи она смотритъ на эту великую богатую и прекрасную страну, захваченную насиліемъ горсти людей, ведущихъ ее къ разоренію.

Франція никогда не мирилась съ большевизмомъ. Всегда она была во главѣ всемірнаго противобольшевистскаго движенія и съ радостью привѣтствовала восшествіе правительства генерала Врангеля, который, при неимовѣрныхъ трудностямъ, предпринялъ объединеніе всѣхъ энергичныхъ людей для продолженія борьбы и обезпеченія русскимъ людямъ защиту ихъ правъ. Франція сознаетъ, что если война противъ Германіи закончилась побѣдой, всеобщій миръ можетъ существовать лишь тогда, когда онъ наступитъ и въ Россіи и большевизмъ, занесенный изъ Германіи, будетъ выметенъ изъ Русской земли. Франція знаетъ, что казаки были въ авангардѣ въ теченіе всей гражданской войны и продолжаютъ эту жестокую и трудную борьбу противъ этого врага. Вы сражаетесь, чтобъ вырвать милліоны русскихъ людей, обреченныхъ на смерть, которыхъ горсть людей въ своемъ эгоизмѣ уничтожаетъ безжалостно, съ жестокостью неизвѣстной въ исторіи, какъ она разрушила бы завтра Крымъ, если бы его территоріи не защищалъ энергичный Главнокомандующій — рыцарь безъ страха и упрека, взявшій на себя заботу охраненія порядка, спокойствія и охраненія правъ каждаго.

Я горячо желаю, чтобъ ваша земля, еще занятая противникомъ, скоро увидѣла бы то же. Вы выбрали единственный вѣрный путь, объединившись въ борьбѣ. Еще нѣсколько усилій, и вы пріидете къ цѣли — увидите ваши станицы и тихій Донъ.

Питая надежду въ скорое осуществленіе этого, я передаю вамъ пожеланія Франціи и братскій привѣтъ вашихъ друзей и союзниковъ, которые не пожалѣютъ никакихъ усилій, чтобъ вамъ помочь, по мѣрѣ возможнаго и до конца.

Отношеніе Правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ къ южно-русской власти, кратко характеризуется телеграммой министра иностранныхъ дѣлъ Штатовъ: „Разногласія Парижа и Вашингтона, по вопросу о признаніи Франціей Правительства Врангеля, происходятъ не отъ различности взглядовъ, а отъ различности политики".

Германія. Еще при Деникинѣ совершенно опредѣленно выяснилось, что Союзники не могутъ оказать реальной помощи живой силой, и тогда въ толщу массъ, борящихся съ большевиками, стало проникать желаніе нѣмецкой оріентаціи.

Но Капповская и Бермонтовская авантюры показали, что Германія, потрясенная экономической борьбой, надолго выведена изъ строя и помочь не можетъ.

Правительство Германіи, озабоченное тяжелымъ экономическимъ положеніемъ страны, устремило свои взгляды, наряду съ прочими государствами, на сырье Россіи. Хотя большевизмъ по своему существу враждебенъ нѣмецкой культурѣ, но для правительства Германіи разгромъ Польши большевиками, если бы таковой произошелъ, сулилъ выгоды какъ политическія, такъ и экономическія: общій врагъ — Польша, былъ бы уничтоженъ, и границы Германіи соприкасались бы съ совѣтской Россіей.

При такой конъюнктурѣ правительство Германіи, состоящее въ большинствѣ изъ членовъ лѣвыхъ партій, конечно, не могло признать правительства Врангеля и придавало большее значеніе представителю Совѣтской Россіи Коппу.

Разгромъ большевиковъ поляками открылъ глаза нѣмцамъ на безсиліе совѣтскихъ войскъ, а болѣе близкое знакомство съ бѣжавшими въ Германію и тамъ интернированными 60-ю тысячами красныхъ, указало на опасность занесенія большевизма.

Въ итогѣ, всѣ умеренныя партіи Германіи очень сочувственно стали относиться къ Правительству и арміи Врангеля, пока существовалъ Крымъ.

Въ отношеніи къ Польшѣ политика Крыма носила чрезвычайно неопредѣленный характеръ, равно какъ и со стороны Пилсудскаго не было сдѣлано реальныхъ шаговъ для закрѣпленія союза во имя борьбы съ русскимъ большевизмомъ.

Вслѣдствіе этого, военныя дѣйствія на каждомъ театрѣ — Польскомъ и Крымскомъ — велись безъ всякой взаимной связи, своими собственными силами, и позволили совѣтскому военному командованію имѣть постоянный численный перевѣсъ въ рѣшительную минуту надъ каждымъ изъ своихъ противниковъ.

Помните что Русскіе люди спасли Родину

Ген. Врангель

20 Октября г. Севастополь

ГЛАВА IX.

Боевыя дѣйствія въ Крыму, въ періодъ времени съ конца марта по августъ, по своимъ цѣлямъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ самостоятельныя операціи: первая — обезпеченіе выходовъ изъ Крыма, и вторая — овладѣніе Сѣверной Тавріей и закрѣпленіе въ ней.

Первой изъ этихъ операцій предшествовало сдѣланное Англіей Московскому правительству ультимативное предложеніе о неприкосновенности Крыма, на что правительство это отвѣтило принципіальнымъ согласіемъ и изъявило желаніе начать переговоры.

Одновременно совѣтское военное командованіе приказало дѣйствовавшей на Крымскомъ фронтѣ XIII арміи овладѣть Крымомъ, для чего усилило эту армію переброской на фронтъ ея крупныхъ силъ лучшей пѣхоты, конницы и артиллеріи.

Для обезпеченія успѣха атаки были приготовлены баллоны съ удушливыми газами, съ помощью которыхъ красные предполагали прорваться черезъ перешейки Крыма.

Получивъ обо всемъ этомъ свѣдѣнія, Врангель рѣшилъ, не давъ противнику сосредоточиться, вырвать починъ изъ его рукъ, разгромить его подходящія части и прочно обезпечить за собою выходы изъ Крыма. Съ этой цѣлью онъ приказалъ войскамъ нанести противнику сильный короткій ударъ, использовавъ господство флота для высадки крупныхъ десантовъ.

31 марта въ раіонѣ Перекопа разыгрался упорный встрѣчный бой.

Въ результатѣ — латышская дивизія съ сопровождавшей ее красной конницей была разбита кавалеріей генерала Морозова, поддержанной пѣхотой, броневиками, танками и аэропланами.

Такимъ образомъ Перекопскій валъ и ближайшіе къ нему подступы были удержаны Перекопской группой арміи.

1-го апрѣля красные, подтянувши новую 3 стрѣлковую дивизію и сосредоточивъ до 3.000 конницы, пытались снова наступать, но встрѣчнымъ ударомъ были отброшены съ громадными потерями. Въ этотъ же день правый дессантъ,

имѣвшій цѣлью отвлечь на себя резервы противника, благополучно высадился у Кириловки, въ 40 верстахъ восточнѣе Геническа, и занялъ с. Ефремовку.

2-го апрѣля на фронтѣ Крымскихъ перешейковъ было спокойно. Обѣ стороны готовились къ дальнѣйшей борьбѣ. Правый дессантъ продолжалъ наступленіе отъ с. Ефремовки на юго-западъ. Арбатскій отрядъ овладѣлъ южнымъ предмѣстьемъ Геническа. Въ Хорлахъ, съ цѣлью удара по тыламъ Перекопской группы красныхъ, была произведена высадка Дроздовской дивизіи. Высадка происходила при чрезвычайно трудныхъ условіяхъ, такъ какъ противникъ занималъ Хорлы 2 полками съ большимъ количествомъ пулеметовъ и 4 орудіями, хорошо пристрѣлянными по единственному ведущему въ портъ каналу. Всѣ эти препятствія были преодолѣны Дроздовцами при поддержкѣ моряковъ.

3-го апрѣля часть праваго дессанта продолжала продвиженіе на Ново-Алексѣевку. Съ цѣлью содѣйствовать ему и овладѣть Сальковскимъ выходомъ изъ Крыма, части генерала Ангуладзе атаковали и овладѣли ст. Сивашъ. Сивашскій мостъ былъ быстро исправленъ и Ангуладзе, продолжая дальнѣйшее наступленіе, при поддержкѣ бронепоѣздовъ, послѣ блестящей атаки юнкеровъ Константиновцевъ, занялъ Чонгарскую позицію красныхъ и ст. Чонгаръ.

Въ Перекопскомъ раіонѣ весь день 3-го апрѣля шли сильные бои. Красные, сосредоточивъ большое количество артиллеріи, вели упорныя атаки. При поддержкѣ введенныхъ въ дѣло резервовъ, всѣ атаки противника были отбиты съ колоссальными для него потерями.

Высадившаяся въ Хорлахъ Дроздовская дивизія, продолжая наступленіе, овладѣла с. Адамань, гдѣ захватила 4 орудія въ запряжкахъ и плѣнныхъ. Этой доблестной дивизіи приходилось вести бои въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ: конница красныхъ окружала ее со всѣхъ сторонъ, обоза не было, чувствовался недостатокъ снарядовъ.

4-го апрѣля частями полковника Гравицкаго и правымъ дессантомъ былъ взятъ Геническъ. Войска генерала Ангуладзе взяли укрѣпленную Джимбулукскую позицію; противникъ съ Чонгарскаго полуострова началъ въ безпорядкѣ отходить на сѣверъ.

Въ Перекопскомъ раіонѣ части Дроздовской дивизіи, продолжая наступленіе и отбивая атаки конницы противника, поддержанной многочисленной артиллеріей, прорвали фронтъ красныхъ южнѣе Преображенки и присоединились къ Перекопской группѣ, принеся съ собою всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ и сохранивши всѣ трофеи.

5-го апрѣля была занята ст. Сальково. На остальныхъ участкахъ было спокойно. Разбитый на всемъ фронтѣ, про-

Сѣверная Таврія и Крымъ.

тивникъ, потерявшій 6 орудій и 60 пулеметовъ, активности не проявилъ.

Такимъ образомъ, поставленная задача — обезпеченіе выходовъ изъ Крыма — была выполнена, и Врангель, отказавшись отъ дальнѣйшаго наступленія, занялся реорганизаціей арміи и созданіемъ укрѣпленной позиціи на перешейкахъ.

Между тѣмъ выходъ изъ горловины Крымскаго мѣшка Русской арміи взволновалъ большевистскіе военные круги. Немедленно красные стали пополнять части разбитой XIII арміи, вливая въ нее цѣлые полки, бригады и даже дивизіи, выдѣленныя изъ другихъ армій на усиленіе Польскаго фронта и уже слѣдовавшія по желѣзнымъ дорогамъ.

Достовѣрныя развѣдывательныя данныя опредѣленно указывали, что въ концѣ мая противникъ готовился перейти въ новое наступленіе на Крымъ крупными силами, съ задачей, во что бы то ни стало, овладѣть послѣднимъ.

Врангель рѣшилъ взять иниціативу въ свои руки. Образцовое состояніе войскъ и ихъ высокій наступательный духъ сулили успѣхъ.

Было рѣшено атаковать противника съ фронта и произвести глубокій обходъ его фланга. Штабъ детально разработалъ и подготовилъ операцію.

24-го мая, подъ личнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, было приступлено къ выполненію принятаго рѣшенія.

Въ ночь съ 24-го на 25-го мая, при невѣроятно трудныхъ условіяхъ, вслѣдствіе сильнаго шторма, совершенно неожиданно для красныхъ, въ 40 верстахъ сѣверо-восточнѣе Геническа, у Кириловки и Горѣлаго, былъ высаженъ дессантъ въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, подъ командой Слащева.

Къ утру 25 мая авангардъ дессанта овладѣлъ Ефремовкой и Давыдовкой, а на фронтѣ Крымскихъ перешейковъ войска атаковали укрѣпленную позицію красныхъ.

Безпримѣрной доблестью войскъ, при широкомъ содѣйствіи танковъ и аэроплановъ, позиціи красныхъ, послѣ упорнаго боя, были прорваны. Корпусъ ген. Писарева, овладѣлъ г. Геническомъ, селомъ и ст. Ново-Алексѣевкой и селомъ Ново-Михайловкой.

Войска ген. Кутепова на Перекопскомъ перешейкѣ, преодолѣвъ три линіи сильныхъ укрѣпленій и разбивъ лучшія части противника — латышскую и 3 стрѣлковую дивизіи, овладѣли Перво-Константиновской, Спендіаровымъ и селомъ Адамань.

Конница Морозова бросилась на Чаплинку.

Перекопская группа красныхъ была расколота на двѣ части: правая — болѣе крупная — отброшена на востокъ, лѣвая — меньшая — на западъ.

Къ вечеру правая группа красныхъ, оправившись и усилившись подошедшими резервами, перешла въ контръ-атаку, но выдвинутыми изъ резерва Дроздовцами была опрокинута.

26 мая дессантъ Слащева уже велъ бой у Б. Утлюга, въ 30 верстахъ западнѣе Мелитополя.

Наступавшіе въ центрѣ кубанцы, астраханцы и терцы съ боемъ вышли на линію ст. Юрицино-Рождественское-Ново-Троицкое.

Корпусъ Кутепова подвергся серьезному испытанію. Противникъ собралъ у Перво-Константиновки около двухъ пѣхотныхъ и одной конной дивизіи и перешелъ въ рѣшительную контръ-атаку на Перекопъ. При мощной поддержкѣ эскадрильи самолетовъ, Кутеповъ разбилъ наступавшихъ и прижалъ ихъ къ озеру Сивашу. Эта группа частью была уничтожена, частью сдалась въ плѣнъ. Съ ликвидаціей этого наступленія красныхъ, корпусъ Кутепова получилъ возможность развивать свой успѣхъ на сѣверѣ и овладѣлъ линіей Асканія Нова—Чаплинка—Каланчакъ.

27-го мая Слащевъ занялъ послѣ упорнаго боя станціи Б. Утлюгъ и Акимовка, перерѣзавъ желѣзную дорогу, и 28-го вошелъ въ Мелитополь.

Части Писарева овладѣли ст. Сокологорной и продолжали бой съ конницей противника въ раіонѣ Рождественское — Ново-Михайловская.

Бронепоѣзда были выдвинуты на ст. Б. Утлюгъ и вошли въ связь съ частями Слащева.

29-го мая Слащевъ зашелъ въ глубокій тылъ противника, державшагося въ центрѣ противъ донцовъ и кубанцевъ.

На фронтѣ Кутепова снова начались упорные бои. Красные, поддержанные полками слѣдовавшими на Польскій фронтъ, сосредоточили на Каховскомъ направленіи три пѣхотныхъ и одну конную дивизіи и повели рѣшительное наступленіе на Перекопъ. Отойдя въ центрѣ и оставивъ свои фланги на мѣстахъ, Кутеповъ втянулъ противника въ мѣшокъ, послѣ чего самъ перешелъ въ наступленіе и снова нанесъ Перекопской группѣ противника жестокое и на этотъ разъ окончательное пораженіе. Большая часть красныхъ бѣжала на Каховку, остальные начали поспѣшный отходъ на сѣверо-востокъ.

Ликвидировавъ Перекопскую группу красныхъ, Кутеповъ овладѣлъ Каховкой и Алешками и повелъ энергичное

преслѣдованіе, поспѣшно отходившаго на сѣверо-востокъ непріятеля.

Положеніе противника, задержавшагося на фронтѣ донцовъ и кубанцевъ послѣ выхода въ его тылъ частей Слащева, стало безнадежнымъ и онъ началъ отходъ на сѣверъ.

Съ цѣлью обезпечить этотъ отходъ, красные оттянули всѣ свободные резервы и рѣшили разбить Слащева, чтобы помѣшать его выдвиженію на западъ и на сѣверъ, на перерѣзъ ихъ отступающимъ частямъ.

Въ теченіе 30 и 31 мая, 1 и 2 іюня красные въ Мелитопольскомъ раіонѣ безнадежно атаковали корпусъ Слащева, значительная часть котораго въ это время находилась въ тылу противника, наступавшаго противъ донцовъ и кубанцевъ.

31 мая красные почти окружили Слащева, такъ что фронтъ его имѣлъ подковообразную форму. Утомленныя морскимъ переходомъ и безпрерывными въ теченіе недѣли боями, но сильные духомъ, войска отразили всѣ атаки и 2 іюня сами перешли въ наступленіе, опрокинули противника и погнали его на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Въ то же время Кутеповъ, поддержанный донцами и кубанцами, въ теченіе недѣли неотступно, безъ отдыха, преслѣдовалъ противника, поспѣшно отходившаго въ полномъ безпорядкѣ.

Въ двѣнадцатидневныхъ бояхъ молодая Русская армія совершенно разгромила XIII совѣтскую армію въ составѣ 3, 15, 46, 52, 29, 42 и латышской стрѣлковыхъ дивизіи, 2-ой кавалерійской дивизіи, кавалерійской бригады 15-ой дивизіи, запасной кавалерійской бригады и многихъ отдѣльныхъ отрядовъ и командъ. Остатки этой арміи разсѣялись въ плавняхъ Днѣпра, немногіе переправились на правый его берегъ, и только нѣкоторымъ коннымъ частямъ и крайне небольшимъ частямъ пѣхоты удалось уйти на сѣверо-востокъ.

Захвачено было: болѣе 10,000 плѣнныхъ, 48 орудій, 9 броне-автомобилей, 250 пулеметовъ, 3 бронепоѣзда, огромное количество патроновъ и снарядовъ, 16 баржъ, пароходъ и нѣсколько милліоновъ пудовъ хлѣба, собранныхъ большевиками для вывоза на сѣверъ. Кромѣ того взято много баллоновъ съ удушливыми газами, приспособленіями для ихъ употребленія и лабораторіей.

Въ рукахъ Врангеля оказалась вся Сѣверная Таврія и территорія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи была увеличена вдвое.

Совѣтское правительство крайне встревоженное потерей хлѣбородной мѣстности, служившей житницей для сосѣдняго каменноугольнаго раіона, забило тревогу.

Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ красныхъ газетъ по этому вопросу:

„Бѣлыя банды генерала Врангеля продолжаютъ развивать свою дѣятельность на Югѣ Россіи. Онѣ вступили въ самыя богатыя губерніи. Это наступленіе приноситъ неисчислимые убытки Совѣтской республикѣ“.

„Не успѣвъ ликвидировать бѣлыхъ минувшей зимой, мы дорого платимъ за нашу небрежность. Не теряя ни мгновенія, мы должны принять самыя срочныя мѣры ...“

„Партія коммунистовъ должна понять, что если генералъ Врангель достигъ успѣховъ, то только потому, что партія коммунистовъ не достаточно внимательно относилась къ начинаніямъ бѣлыхъ. Центральный комитетъ партіи предлагаетъ всѣмъ членамъ партіи принять всѣ мѣры, чтобы остановить наступленіе генерала Врангеля ...“

Началась интенсивная переброска краснымъ командованіемъ на Крымскій фронтъ свѣжихъ частей изъ сосѣднихъ IX и XIV армій и пополненіе разгромленной XIII арміи.

Для развитія своего успѣха на Польскомъ фронтѣ большевики направили изъ раіона казачьихъ областей двѣ конныя дивизіи Жлобы и дивизію Блинова. Разгромъ красной крымской арміи заставилъ ихъ на время отказаться отъ первоначальнаго рѣшенія и всю конницу, предназначенную для дѣйствій противъ поляковъ, обратить противъ Русской арміи, занявшей Сѣверную Таврію.

Наученные цѣною жестокаго пораженія, нанесеннаго имъ еще въ маѣ 1919 года въ долинѣ Маныча Кавказской конной арміей, подъ личной командой Врангеля, большевики воспріяли методы сведенія частей кавалеріи въ крупныя массы. На Крымскомъ фронтѣ подъ начальствомъ Жлобы были объединены его двѣ дивизіи, дивизія Блинова и двѣ отдѣльныя бригады. Всего во вновь сведенный конный корпусъ входили 18 полковъ, общей численностью до 7.500 шашекъ. Кромѣ того корпусу была придана пѣхота съ большимъ числомъ пулеметовъ, сильная артиллерія и авіаціонный отрядъ изъ 10 аппаратовъ.

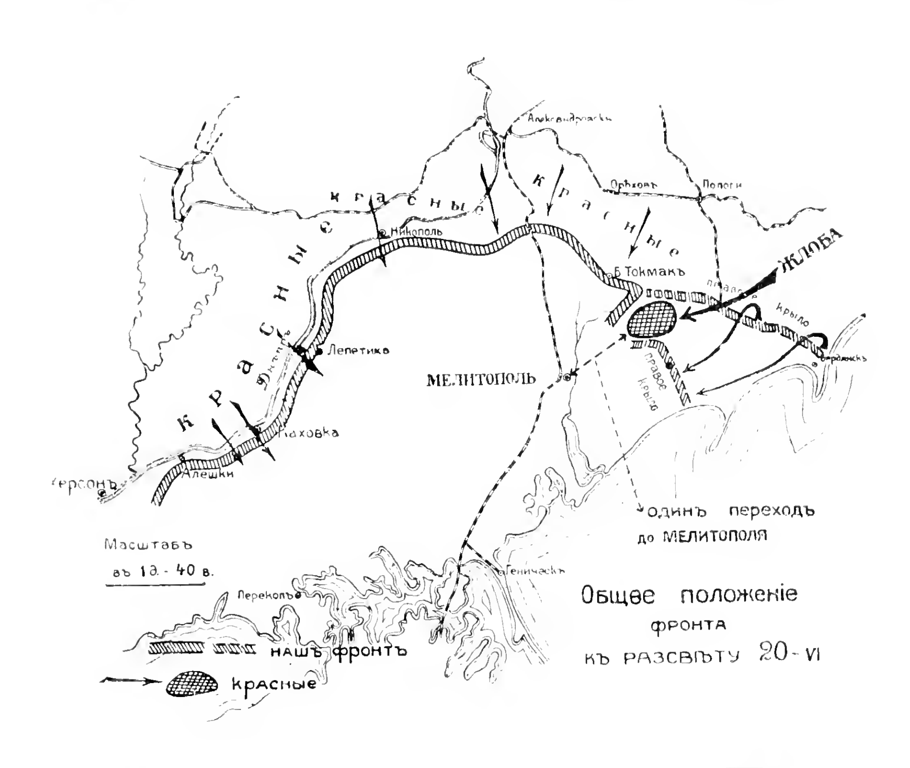
Ко времени появленія коннаго корпуса Жлобы на поляхъ Тавріи, красное командованіе уже пополнило свои разстроенныя войска, усилило коммунистическія ячейки и 15-го іюня перешло въ наступленіе съ востока, стремясь отодвинуть армію Врангеля возможно дальше отъ желѣзнодорожной линіи Александровскъ-Орѣховъ-Бердянскъ.

Къ моменту рѣшительнаго столкновенія положеніе на восточномъ секторѣ Русской Арміи было таково: лѣвое крыло и центръ оставались въ районѣ Большого Токмака. Правое крыло сильно отвалило назадъ, приблизившись на 2 перехода къ Мелитополю.

Планъ красныхъ заключался въ слѣдующемъ.

Чтобы отвлечь вниманіе отъ пункта, гдѣ предполагалось рѣшить участь сраженія, а, быть можетъ, и всей Крымской кампаніи, — вести сильныя демонстраціи на Днѣпрѣ частями 7 и 58 дивизій XII Кіевской арміи, стремясь устроить переправы во многихъ мѣстахъ Днѣпра, охраняемаго на протяженіи 200 верстъ отъ устья слабыми частями Русской Арміи.

Затѣмъ, дѣлая нажимъ по всему фронту, и въ особенности въ сѣверо-восточномъ Орѣховскомъ направленіи, вклиниться коннымъ корпусомъ въ направленіи отъ Верхняго Токмака къ Мелитополю, сосредоточеннымъ ударомъ овла-



дѣть Мелитополемъ, выйти въ тылъ арміи и, захвативъ перешейки, отрѣзать всю Русскую Армію отъ ея базы — Крыма.

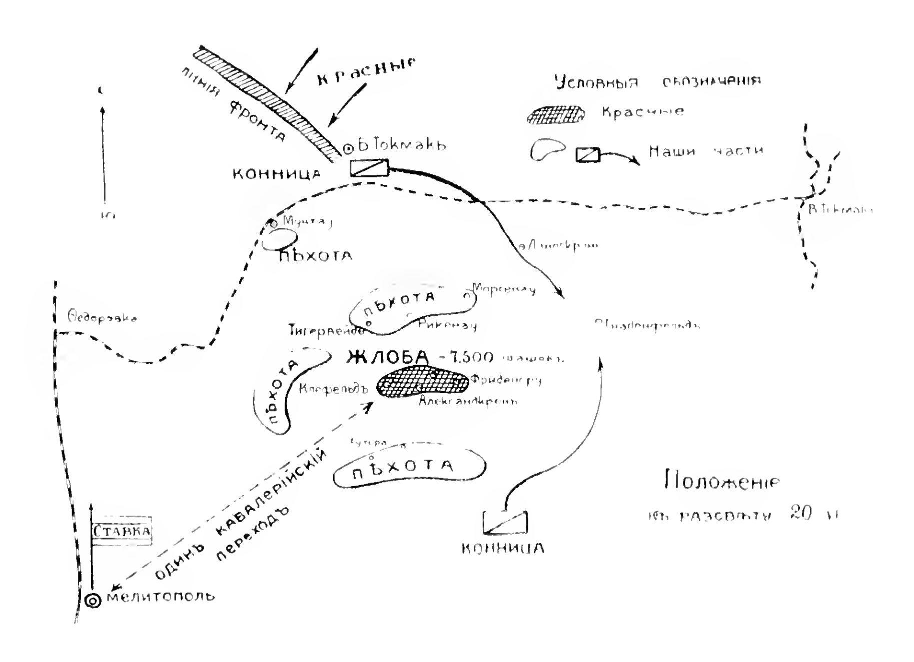
При удачѣ, армія Врангеля должна была положить оружіе, послѣдній очагъ борьбы угасалъ, и освободившіяся части трехъ красныхъ армій съ могущественной конницей могли быть переброшены на усиленіе войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Польши.

Перспектива для красныхъ была очень заманчива, все было ими предусмотрѣно, и только одного обстоятельства они не учли — духъ Русской арміи былъ еще непоколебленъ.

Планъ дѣйствій Врангеля заключался въ томъ, чтобы не только разбить, но совершенно уничтожить главный боевой элементъ непріятеля — его конницу. Красная пѣхота для войскъ, созданныхъ изъ славныхъ частей прежнихъ добровольческихъ полковъ — Корниловскихъ, Дроздовскихъ и Марковскихъ, не представляла пока серьезнаго противника.

Не имѣя достаточной конницы для уничтоженія коннаго корпуса Жлобы, Главнокомандующій привлекъ для этого пѣхоту, частью посаженную на повозки, и всѣ самолеты, какіе были въ его распоряженіи.

Совершенно своеобразнымъ чутьемъ крупнаго военнаго дарованія, Врангель уловилъ моментъ, когда конница про-



тивника, занявъ сосредоточенное для удара расположеніе, промедлила сутки, чѣмъ и воспользовался, чтобы ночью окружить ее пѣхотою.

Преслѣдуя поставленную ближайшую цѣль — захватить Мелитополь, Жлоба 19-го іюня сталъ давить на пѣшихъ донцовъ, стоявшихъ на пути къ Мелитополю, дабы безъ помѣхи съ утра 20-го начать свой побѣдоносный маршъ къ Крымскимъ перешейкамъ. Весь день 19-го іюня вели донцы неравный бой, просили о поддержкѣ, и, не получивъ ея, стали отходить къ Мелитополю, втягивая Жлобу въ мѣшокъ.

Съ наступленіемъ темноты 19-го и всю ночь на 20-е іюня пѣхотныя части корпуса Кутепова, пѣшкомъ и на повозкахъ, стали окружать корпусъ Жлобы, расположившійся въ раіонѣ селеній Лихтфельдъ-Александерталь, и къ разсвѣту 20-го іюня заняли исходное положеніе.

Въ Штабѣ арміи замѣчалось нервное настроеніе. Высказывалось опасеніе, что Жлоба не дастъ закончить перегруппировки и всей своей конной массой бросится на Мелитополь, слабо защищенный сборными командами и юнкерами.

Главнокомандующій оставался глухъ ко всякимъ разговорамъ и не отдавалъ приказа о наступленіи.

На разсвѣтѣ 20-го Врангель самъ сѣлъ за телеграфный аппаратъ, связался со всѣми старшими начальниками и, прежде чѣмъ показались первые лучи солнца, направилъ концентрическимъ движеніемъ свои войска на конницу Жлобы.

Съ сѣвера на с. Ракенау двигалась Корниловская дивизія.

Выѣхавшая на открытую позицію артиллерія этой дивизіи открыла бѣглый огонь по коннымъ полкамъ красныхъ, едва успѣвшимъ осѣдлать коней. Одновременно съ тыла ворвался въ гущу красной конницы броневикъ „Екатеринославецъ". Эскадрилья аэроплановъ осыпала красныхъ сверху пулеметнымъ огнемъ.

Атака была столь неожиданна, что массы красной конницы въ полномъ безпорядкѣ бросились частью на востокъ, частью на сѣверо-западъ.

Первая група, численностью до 4 бригадъ, наскочила на Корниловскій полкъ, встрѣтившій ее сильнымъ ружейнымъ огнемъ, уклонилась въ сторону и налетѣла на Дроздовцевъ, обратившихъ эту группу въ бозпорядочное бѣгство. Не имѣя конницы, преслѣдованіе, между прочими велъ, сидя въ повозкѣ, командиръ Дроздовскаго полка съ 40 ординарцами.

Стремясь пробиться на сѣверо-востокъ, разрозненныя части этой группы были перехватываемы конницей Морозова съ сѣвера и донцами съ юга, брошенныхъ на пути отступленія непріятеля и замыкавшихъ кольцо войскъ вокругъ корпуса Жлобы.

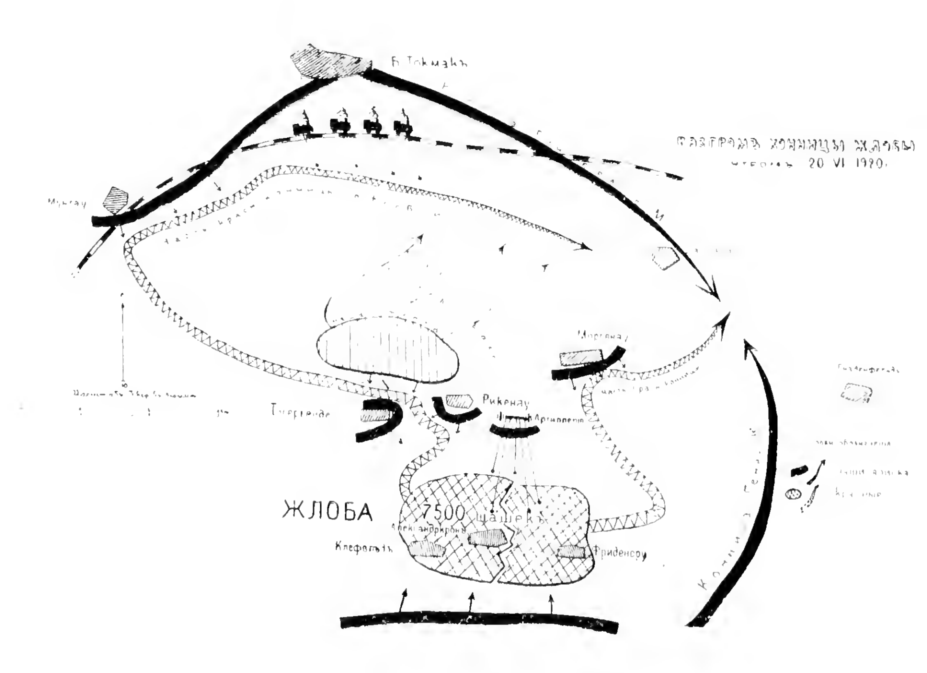
Отъ 4-хъ бригадъ этой группы красныхъ остались лишь отдѣльные всадники, стремившіеся пробиться черезъ сомкнутое кольцо пѣхоты и кавалеріи.

Вторая група красныхъ, силою до 6 бригадъ, подъ командой самого Жлобы, послѣ паники, вызванной обстрѣломъ артиллеріи, вышла въ сравнительномъ порядкѣ и двинулась въ атаку на два полка Корниловской дивизіи, но была отброшена дружнымъ ружейнымъ огнемъ.

Пытаясь въ дальнѣйшемъ уже просто пробраться и натыкаясь на пѣхотныя части, разстрѣливавшія его, Жлоба на-

правился на Б. Токмакъ, увѣренный, что, наконецъ, найдетъ спасеніе. Однако здѣсь въ полной готовности стояли бронепоѣзда, бѣшеннымъ огнемъ встрѣтившіе красныхъ. Уклонившись на югъ, метался Жлоба, ища выхода изъ замкнутаго кольца. Въ погонѣ за его кавалеріей и имъ самимъ повела на повозкахъ преслѣдованіе пѣхота Дроздовцевъ.

Тыловыя части и обозные ловили отдѣльныя группы всадниковъ красной кавалеріи. Повара и ординардцы Начальника пѣхотной дивизіи Ангуладзе перешли въ яростную атаку и захватили около взвода красныхъ. Съ воздушной „колбасы", не утерпѣвъ, спустилось два наблюдателя и взяли въ плѣнъ пулеметъ на тачанкѣ.



Даже мѣстные крестьяне пришли въ воинственное настроеніе и принялись ловить убѣгавшихъ.

Самъ Жлоба едва ускользнулъ отъ преслѣдованія, но его автомобиль съ помощникомъ начальника штаба былъ захваченъ въ плѣнъ.

Къ 9 часамъ утра 20-го іюня разгромъ корпуса Жлобы былъ полный.

Все поле боя на 50-верстномъ пространствѣ было усѣяно трупами людей, лошадей и брошенными орудіями и повозками. 40 орудій, 20 пулеметовъ и около половины лошадей корпуса Жлобы достались побѣдителямъ.

Такимъ образомъ, задуманная красными операція отвоевать Сѣверную Таврію окончилась полной неудачей на всѣхъ направленіяхъ.

Совершенно растрепанъ конный корпусъ Жлобы изъ двухъ кавалерійскихъ дивизій, вторая кавалерійская дивизія Блинова, сороковая стрѣлковая дивизія и запасная кавалерійская дивизія, корпусъ Буденнаго.

Разсѣяны и понесли значительныя потери: 42 и части 3-й стрѣлковой дивизіи и отдѣльныя бригады 23, 29 и 41 стрѣлковыхъ дивизій.

За время этой операціи захвачено около 11.500 плѣнныхъ, 60 орудій, 300 пулеметовъ, 2 броневика, большое количество винтовокъ, холоднаго оружія, патроновъ, конскаго снаряженія и лошадей.

Всего же отъ начала лѣтней кампаніи Врангель взялъ 21.000 плѣнныхъ, 106 орудій, около 550 пулеметовъ, 3 бронепоѣзда, 11 броневыхъ автомобилей, 4000 строевыхъ лошадей и большіе обозы.

Разгромъ корпуса Жлобы имѣлъ въ свое время громадное военно-политическое значеніе. Въ трагическій моментъ борьбы на западѣ, когда на Польскомъ фронтѣ произошелъ переломъ въ пользу большевистскаго оружія, Врангель отвлекъ на себя 63 пѣхотныхъ и 32 конныхъ красныхъ полка, изъ которыхъ болѣе $^{3}/_{4}$ уже направлялись противъ поляковъ и съ пути были повернуты на Крымскій фронтъ.

Такая поддержка не могла, конечно, не оказать вліянія на ходъ операцій на Польскомъ фронтѣ, что скоро и сказалось въ послѣдовавшемъ наступленіи польскихъ войскъ. И не будь этой поддержки, Польшѣ, быть можетъ, пришлось бы пережить не потрясеніе, а катастрофу и новое порабощеніе. Здѣсь мы не намѣрены разбирать того, насколько былъ правъ Врангель, помогая Полякамъ, начавшимъ войну съ совѣтской Россіей за границы 1872 года. Коль скоро Польша отказалась отъ этихъ границъ, и война поляковъ протекала подъ лозунгомъ борьбы съ русскими большевиками, Врангель, какъ главнокомандующій Русской бѣлой арміей, не колеблясь пошелъ съ Польшей противъ ихъ общаго врага.

Послѣ разгрома корпуса Жлобы наступило затишье, и до середины іюля крупныхъ боевъ не было. Можно лишь отмѣтить попытки красныхъ переправиться черезъ Днѣпръ въ западномъ секторѣ фронта, окончившіяся неудачей и взятіе Русской Арміей 12-го іюля Орѣхова.

Въ серединѣ іюля красные сдѣлали еще одну попытку овладѣть Сѣверной Тавріей и сосредоточили въ раіонѣ г. Орѣхова конную армію въ составѣ трехъ кавалерійскихъ дивизій: 2, 16 и 21.

17-го іюля красные перешли въ наступленіе, но опять были разбиты кавалеріей Русской Арміи и въ безпорядкѣ бѣжали на сѣверъ.

Одновременно въ Верхне-Токмакскомъ направленіи была разгромлена 42-я п. дивизія красныхъ, и части Русской Арміи вышли въ тылъ Верхне-Токмакской группы противника на д. Семеновку, захвативъ 4 бронепоѣзда красныхъ, плѣнныхъ, орудія и пулеметы.

ГЛАВА X.

Лѣтніе успѣхи Русской арміи, въ связи съ расширеніемъ территоріи, дали возможность пополнить ряды войскъ мобилизованными и добровольцами, а найденные въ сѣверной Тавріи большіе запасы зерна обезпечили населеніе Крыма хлѣбомъ, и позволили заняться экспортомъ его за-границу. Настроеніе въ войскахъ было превосходное, несмотря на то, что снабженіе солдатъ чрезвычайно страдало: не было бѣлья, обуви, обмундированіе обтрепалось. Всѣ вѣрили Главнокомандующему и безропотно переносили лишенія и тягость безпрерывныхъ боевъ.

Населеніе очень благожелательно относилось къ войскамъ, ибо утверждался всюду правопорядокъ, однако отъ принудительной мобилизаціи уклонялось.

Но какъ ни было благопріятно положеніе Крымской арміи, военное командованіе превосходно сознавало, что для успѣшной борьбы съ московскими коммунистами, въ дальнѣйшемъ нужно уравновѣсить силы. Красная армія, занятая въ іюлѣ войной на Польскомъ фронтѣ, все же легче возмѣщала свои потери на Крымскомъ театрѣ, ибо за ней стояли неисчерпаемыя пополненія необъятной территоріи Россіи. У Врангеля этого преимущества не было. Пока существовалъ Польскій фронтъ, онъ еще могъ расчитывать на успѣхъ, но въ дальнѣйшемъ, Русская армія, лишенная источниковъ пополненія, обрекалась на пораженіе.

Учитывая все это, Штабъ Главнокомандующаго обратилъ свое вниманіе на Донъ и Кубань.

Какъ при созданіи Добровольческой арміи, массовый переходъ казаковъ на сторону Деникина далъ ему возможность создать изъ горсти офицеровъ регулярную армію, такъ и въ Крыму сознавали, что безъ помощи казачества Русской арміи не побѣдить врага.

Послѣ оставленія Деникинымъ Екатеринодара и Новороссійска, донскія и кубанскія войска ушли изъ Туапсе и далѣе двинулись къ границамъ Грузіи. Отсюда часть ихъ была переведена въ Крымъ, часть разсѣялась въ горахъ, но большинство, съ Кубанскимъ атаманомъ Букретовымъ во главѣ, сдалось 20 апрѣля большевикамъ.

Уже съ мая мѣсяца въ Крымъ стали доходить слухи, какъ оказалось позже сильно преувеличенные, о волненіяхъ охватившихъ казачьи области. Прибывшія депутаціи отъ повстанцевъ рисовали Крымскому штабу фантастическія картины поголовнаго возстанія казаковъ, говорили объ успѣхахъ отряда Фостикова и звали на помощь Кубани.

Не провѣривъ основательно всѣ эти свѣдѣнія, не сдѣлавъ всего возможнаго для установленія болѣе тѣсной связи съ возставшими, Штабъ Врангеля сталъ торопиться съ перенесеніемъ военныхъ дѣйствій на территорію Дона и Кубани.

Прежде всего 26-го іюня на Кривой Косѣ — между Таганрогомъ и Маріуполемъ — высадился дессантъ донскихъ казаковъ, силою въ нѣсколько сотенъ, при 1 конной батареѣ, подъ начальствомъ полковника Назарова.

Высланные противъ этого отряда изъ Таганрога красные курсанты были разбиты, и Назаровъ, открывъ себѣ дорогу, двинулся на сѣверо-востокъ и 9 іюля занялъ Александровскъ-Грушевскій, въ 35 верстахъ сѣвернѣе Новочеркаска. Дальнѣйшая судьба Назарова, не поддержаннаго казаками, на что главнымъ образомъ расчитывали организаторы, чрезвычайно печальна: отрядъ его распылился, частью былъ уничтоженъ, офицеры казнены въ мѣстныхъ Чека.

На Кубань — колыбель Добровольческой арміи — было обращено большее вниманіе. Но подготовка къ веденію операціи на новомъ театрѣ не была достаточно продумана, и во всякомъ случаѣ не дѣлала чести Начальнику Штаба Главнокомандующаго. Готовясь перебросить часть силъ изъ состава и безъ того слабой по количеству бойцовъ Крымской арміи, Штабъ, конечно, долженъ былъ принять всѣ мѣры, чтобъ для элемента случайности въ новой экспедиціи оставить самый ничтожный шансъ, и успѣхъ обезпечить по крайней мѣрѣ на 75%.

Между тѣмъ Шатиловъ не располагалъ многими совершенно необходимыми данными: онъ не зналъ достаточно о силахъ противника, не учелъ того, что переброска красныхъ войскъ съ Кавказскаго театра на Польскій еще только начиналась, не держалъ связи съ возставшими, не зналъ истиннаго настроенія придавленнаго комиссародержавіемъ казачества.

Наконецъ, не было точнаго плана дѣйствій, все должно было подчиниться обстановкѣ на мѣстѣ, въ зависимости отъ рѣшенія ген. Улагая, назначеннаго начальникомъ дессанта. Въ назначеніи послѣдняго, завистливый къ популярности другихъ Шатиловъ, правда, былъ неповиненъ, но онъ навязалъ Улагаю своего протеже ген. Драценко, человѣка способнаго, но въ общемъ неудачливаго, и съ которымъ Улагай, какъ и съ предыдущими своими начальниками штабовъ, работать не могъ, ибо вообще ихъ не признавалъ и Генеральный штабъ не жаловалъ.

Такимъ образомъ „Кубанская операція", правильно задуманная въ прінципѣ, была не серьезно подготовлена, несвоевременно и съ недостаточными силами начата, безъ талантливаго управленія и потому заранѣе обрекалась на неудачу. Только русское „авось" могло заставить крымское командованіе приступить къ ея выполненію.

Вотъ что пишетъ С. Смоленскій въ своей краткой брошюрѣ „Крымская катастрофа", по поводу провала экспедиціи на Кубани:

„Въ Феодосію и Керчь были собраны всѣ Кубанскія части, туда же прибыла Рада, правительство и спеціяльно выписанные изъ за-границы Кубанскіе генералы Филимоновъ и Науменко.

„Кубанцы собирались какъ будто не въ бой, а къ себѣ по домамъ, брали съ собой на суда весь свой скарбъ, женъ и дѣтей. На проводы десанта прибылъ самъ ген. Врангель, говарились рѣчи, играла музыка, никто не сомнѣвался въ грядущемъ успѣхѣ. Главныя силы десанта, подъ прикрытіемъ мелкихъ судовъ военнаго флота, были высажены почти безъ боя въ Ахтарской бухтѣ на Таманскомъ берегу Азовскаго моря. Кубанцы были охвачены прежнимъ „порывомъ" и рвались впередъ... къ себѣ домой. Отдѣльныя группы соперничали въ быстротѣ передвиженія и черезъ нѣсколько дней головныя части были въ разстояніи 50 верстъ отъ Екатеринодара. Красныя войска, до сего времени отходившія, неожиданно оказали упорное сопротивленіе и сами обрушились на фланги зарвавшихся Кубанскихъ колоннъ. Одновременно красный флотъ, воспользовавшійся преступнымъ уходомъ судовъ Русскаго флота изъ Азовскаго моря, высадилъ въ той же Ахтарской бухтѣ десантъ красныхъ частей, переброшеныхъ моремъ изъ Маріуполя.

„Положеніе создавалось катастрофическое. Кубанцы и, главнымъ образомъ, юнкера принуждены были пробивать себѣ дорогу къ берегу моря. Ген. Врангель послалъ своего генералъ-квартирмейстера ген. Коновалова спасать положеніе и только хладнокровіе и талантъ послѣдняго помогли вывести разрозненные остатки Кубанскаго десанта въ Керчь.

„Такъ закончилась, такъ называемая, Таманская операція, первая крупная неудачная операція Русской арміи. Моральное значеніе ея было громадно. Въ частяхъ пошли разговоры, раньше не имѣвшіе мѣста. Рядовое офицерство въ первый разъ усумнилось въ своихъ генералахъ. Молва считала главнымъ виновникомъ неудачи не командовавшаго десантомъ ген. Улагая, а его начальника штаба, ген. Драценко. Эти пересуды въ арміи пріобрѣли особенно острый характеръ, когда, непосредственно вслѣдъ за неудачей, ген. Драценко получилъ высшее назначеніе — командующимъ II арміей, а ген. Улагай былъ уволенъ.

„Правда, части вернувшіяся съ Кубани нѣсколько увеличились въ своемъ составѣ, но это увеличеніе произошло или за счетъ такъ называемыхъ „камышатниковъ“ — элементъ негодный въ боевомъ отношеніи, или молодыхъ казаковъ, еще не обученныхъ обращенію съ оружіемъ“.

Къ концу іюля фронтъ Русской арміи тянулся отъ Азовскаго моря — у Бердянска на Верхній Токмакъ, ст. Попово и далѣе шелъ по Днѣпру. Весь лѣвый берегъ Днѣпра былъ въ рукахъ войскъ Врангеля за исключеніемъ небольшого учаска у Каховки, гдѣ противникъ сильно укрѣпился и устроилъ тетъ-де-понъ, разширенный вскорѣ въ плацдармъ. Значеніе Каховскаго плацдарма было превосходно учтено красными офицерами Генеральнаго Штаба: владѣя имъ, совѣтское командованіе заставляло Врангеля при каждомъ продвиженіи его арміи на сѣверъ, оглядываться на свой тылъ и опасаться, что противникъ въ нужную минуту вырвется изъ Каховки и отрѣжетъ его коммуникацію съ Крымомъ, поэтому Каховскія укрѣпленія постоянно совершенствовались, усиливались тяжелой артиллеріей крупныхъ калибровъ и въ гарнизонъ назначались коммунистическіе полки и курсанты.

Не принявшій своевременно мѣръ къ уничтоженію плацдарма, когда онъ только появился, — генералъ Слащевъ получилъ отставку. Правда, это была одна изъ многихъ причинъ, побудившихъ Главнокомандующаго разстаться съ излишне самостоятельнымъ генераломъ.

Сознавая весь вредъ Каховки, Врангель дѣлалъ неоднократныя попытки къ его ликвидаціи, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ, и Каховка впослѣдствіи явилась могилой Русской арміи.

Смѣнившій Слащева-Крымскаго въ командованіи корпусомъ, генералъ Витковскій въ серединѣ іюля получилъ категорическое приказаніе „ликвидировать плацдармъ“. Поведенная атака въ лобъ при помощи Корниловцевъ и при участіи танковъ, сперва увѣнчалась успѣхомъ — противникъ былъ опрокинутъ и бѣжалъ на другую сторону Днѣпра. Но закрѣпиться войска Витковскаго не могли — дальнобойныя орудія противоположнаго берега, превосходно пристрѣлянныя, взяли въ перекрестный огонь тетъ-де-понъ и выбили сильно потрясенныя, понесшія тяжелыя потери части.

Въ августѣ намѣченная Врангелемъ реорганизація арміи была закончена и войсковыя соединенія приведены въ стройную военную систему.

Всего сформировано двѣ арміи:

1-ая ген. Кутепова: изъ его прежнихъ 3 дивизій Корниловской, Марковской и Дроздовской, корпуса Писарева, и донскихъ казаковъ ген. Абрамова — изъ 2 конныхъ и 1 пѣшей дивизіи.

II-ая армія ген. Драценко состояла изъ: 2-го корпуса ген. Витковскаго и 3-го корпуса ген. Скалона, вновь сформированнаго изъ частей вернувшихся съ Кубани.

Регулярная конница составила конный корпусъ ген. Барбовича; прочія казачьи части — отдѣльную конную группу ген. Бабіева. Весь боевой составъ Русской арміи былъ не свыше 40 тысячъ штыковъ и сабель, т. е. равнялся примѣрно корпусу военнаго времени.

Фронтъ армій оставался приблизительно прежній, въ видѣ подковы, упиравшейся своими концами въ Азовское и Черное море.

Общая военно-политическая обстановка слагалась къ этому времени невыгодно для Крыма: война на Польскомъ театрѣ закончилась, наступило перемиріе, совѣтское правительство получило свободу дѣйствій на югѣ, помощи было ждать не откуда.

Но Русское командованіе не теряло бодрости духа, расчитывая на техническую и матеріальную помощь Франціи, на заключеніе заграничнаго займа, наконецъ, на разложеніе большевиковъ и возстанія въ ихъ тылу.

А тѣмъ временемъ армія Кутепова предприняла рядъ чрезвычайно смѣлыхъ, но въ сущности не оправдываемыхъ обстановкой операцій, по расширенію занятой территоріи на востокъ и сѣверъ. Проникнувъ разъѣздами до Маріуполя, Синельниково и Юзово, войска Кутепова шли безъ сопротивленія, захватили громадную военную добычу и плѣнныхъ, но не могли закрѣпиться, и уходя снова обрекли населеніе на всѣ ужасы краснаго террора.

Параллельно съ продвиженіемъ впередъ арміи Кутепова, рѣшено было развить операціи II-ой арміи Драценко на правомъ берегу Днѣпра.

22 сентября Драценко получилъ директиву, перейдя на другую сторону рѣки, имѣть своей ближайшей задачей выходъ въ тылъ Каховской группѣ противника, и при удачѣ развить свое наступленіе къ югу для завоеванія Херсонщины.

Содѣйствовать операціи съ фронта долженъ былъ 2-й корпусъ Витковскаго, снабженный всѣми техническими средствами, конница Бабіева назначалась, послѣ переправы съ о. Хортицы (у Александровска), выйти въ тылъ противника.

Авторъ упомянутой брошюры „Крымская катастрофа“ такъ описываетъ за-Днѣпровскую операцію: „Исполняя полученную директиву, части II арміи въ ночь съ 24 на 25 сентября блестяще переправились черезъ Днѣпръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на рыбачьихъ дубкахъ и, продвигаясь впередъ, съ боемъ вышли на желѣзную дорогу Никополь-Апостолово у станціи Чартомлыкъ. Пѣхота двигалась въ

западномъ направленіи и заняла деревню Марьинское. Конница же, совершивъ демонстрацію у Никополя, сосредоточилась у с. Шолохово.

„Красные оказывали во многихъ мѣстахъ упорное сопротивленіе и боевая развѣдка вскорѣ выяснила присутствіе значительно большаго количества красныхъ частей, чѣмъ ранѣе опредѣляла развѣдка агентовъ. Наша конница у Шолохова уже не была въ состояніи развернуться, сдавливаемая съ фланговъ болѣе многочисленной конницей красныхъ. Въ это время случайнымъ разрывомъ былъ убитъ ген. Бабіевъ. Едва оправившіеся послѣ Таманской неудачи, потерявъ любимаго вождя, кубанцы сдѣлались совершенно небоеспособными, начали распыляться, и вереницы казаковъ потянулись въ плавни. Ген. Науменко, замѣнившій ген. Бабіева, ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ конницы, донесъ, что „конница потеряла сердце, и онъ снимаетъ съ себя отвѣтственность за ея дѣйствія". Въ этихъ тяжелыхъ, но еще не критическихъ условіяхъ создавшейся обстановки, ген. Драценко уже не думалъ больше использовать выгодное положеніе своей пѣхоты и самостоятельно отдалъ приказъ объ отводѣ войскъ обратно за Днѣпръ.

„Главное командованіе было поставлено передъ совершившимся фактомъ.

„Въ это время обстановка на лѣвомъ флангѣ у Каховки складывалась слѣдующимъ образомъ. Съ разсвѣтомъ 25-го сентября корпусъ ген. Витковскаго, усиленный 10 танками и большимъ количествомъ тяжелой артиллеріи, перешелъ въ рѣшительное наступленіе противъ укрѣпленій тетъ де-пона. Артиллерія красныхъ открыла ураганный огонь, подавить который артиллеріи ген. Витковскаго не удалось, и части 2-го корпуса, подойдя вплотную къ проволокѣ и понеся чрезвычайно тяжелыя потери, были встрѣчены стремительной контръ-атакой красныхъ и начали отходъ. Эти деморализованныя части уже не могли быть остановлены на своей исходной линіи, ихъ съ трудомъ удалось задержать и привести въ порядокъ у Чаплынки. Изъ десяти танковъ изъ боя удалось вывести только три: четыре сгорѣло, три были захвачены красными. Въ этомъ бою противникъ впервые примѣнилъ новое оружіе — обливаніе горючей жидкостью.

„Правильно принятое Командованіемъ Русской арміи рѣшеніе ликвидировать постоянную угрозу красныхъ у Каховки путемъ переброски крупной ударной группы на правый берегъ Днѣпра для дѣйствія въ тылъ Берислава, осуществить не удалось. Неточность свѣдѣній, добытыхъ развѣдкой, и неиспользованное до конца выгодное положеніе ударной пѣхоты, повлекли преждевременный отходъ частей за Днѣпръ и превратили первоначальный успѣхъ въ новую неудачу.

„Для II-й арміи правобережная операція имѣла большія послѣдствія. Не только конница, но и пѣхота „потеряла сердце", а, главное, потеряла вѣру въ свое командованіе, въ правильность принимаемыхъ рѣшеній. Заглохнувшая, было, критика распоряженій начальства снова усилилась до небывалой степени.

Въ частяхъ и штабахъ виновникомъ неуспѣха считали, какъ и послѣ Таманской операціи, ген. Драценко, который былъ отрѣшенъ отъ командованія и замѣненъ генераломъ Абрамовымъ".

Имя другого виновника называлось въ Севастополѣ еще упорнѣе — это былъ, къ сожалѣнію, самъ начальникъ штаба Главнокомандующаго, настоявшій передъ Врангелемъ не только на назначеніи Драценко, но и побудившій послѣдняго взять къ себѣ помощникомъ ген. Масловскаго.

По словамъ офицеровъ, наблюдавшихъ въ теченіе всей операціи за работой Штаба арміи, Масловскій находился все время въ состояніи необъяснимой паники, волновался, не могъ отдать ни одного распоряженія, ему постоянно чудились обходы, пулеметная стрѣльба, и всѣмъ своимъ видомъ онъ на окружающихъ производилъ самое тягостное впечатлѣніе. —

Къ концу сентября обстановка на Крымскомъ театрѣ слагалась угрожающе: Совѣтское командованіе, развязавшись окончательно съ поляками, рѣшило использовать всѣ свободныя войска и направить ихъ на югъ. Въ первую очередь пошли эшелоны съ конницей Буденнаго.

Уже начиная отъ Елисаветграда развѣдывательное отдѣленіе Штаба Врангеля зафиксировало прибытіе туда полковъ Буденнаго и по числамъ знало сколько эшелоновъ и куда направлялось. Помимо конницы, для „уничтоженія послѣдняго очага бѣлогвардейщины засѣвшей въ Крыму", были посланы двѣ новыя арміи. Итого, противъ Врангеля на красномъ южномъ фронтѣ подъ командой латыша Фрунзе, съ начальникомъ штаба ген. Петинымъ, были собраны подавляющія большевистскія силы: XIII, VI, часть IX и XI армій и двѣ конныя арміи, при могущественной тяжелой и легкой артиллеріи.

Кромѣ того прибыли парки понтонныхъ баталіоновъ, изъ нихъ одинъ моторный изъ Петрограда, для устройства переправъ черезъ Днѣпръ.

24 сентября Врангель, въ сопровожденіи французскаго Верховнаго комиссара графа де Мартель, отправился въ Евпаторію на I-ое засѣданіе вновь открывшагося Донского Круга. Выслушавъ привѣтствіе казаковъ, Главнокомандующій обратился къ нимъ съ рѣчью, обрисовалъ положеніе на фронтѣ и указалъ на предстоящія испытанія, которыя въ

ближайшіе дни выпадутъ на долю Русской Арміи и неразрывно съ ней связаннаго казачества. „Мнѣ, возможно, придется отвести армію за перешейки, дабы не подвергнуть ее отдѣльному пораженію, сказалъ Врангель, но Крыма мы, конечно, не отдадимъ.“

Съ этой увѣренностью Главнокомандующій отвѣчалъ въ тотъ день каждому, кто только боязливо его спрашивалъ о прочности Крыма.

„Не нужно ли мнѣ начать готовиться къ эвакуаціи, Ваше Превосходительство?“ допрашивалъ Евпаторійскій городской голова.

„Нѣтъ . . . объ эвакуаціи не можетъ быть и рѣчи“, замѣтилъ Врангель.

Откуда же такой оптимизмъ у Главнокомандующаго? Неужели онъ дѣйствительно исключалъ всякую возможность пораженія? Отнюдь нѣтъ. Врангель отвѣчалъ такъ, какъ долженъ былъ отвѣтить человѣкъ, опасавшійся прежде всего паники въ тылу, могущей передаться на фронтъ.

Въ оперативномъ отдѣленіи штаба онъ считался съ возможностью пораженія и принялъ всѣ мѣры, чтобъ, въ случаѣ катастрофы, спасти воиновъ и довѣрившееся ему населеніе.

Генералъ Квартирмейстеръ Штаба Коноваловъ, уже на другой день по заключеніи перемирія между большевиками и поляками, принялся за разработку плана эвакуаціи изъ Крыма. Были взяты на учетъ всѣ русскіе пароходы и заранѣе расписано въ какихъ портахъ, какими частями и въ какой срокъ производить посадку; гражданское населеніе тоже было принято въ разсчетъ.

Одно можно поставить въ упрекъ Врангелю: послѣ блестящей побѣды въ іюнѣ надъ Жлобой, онъ измѣнилъ своей обычной твердости и сдался на просьбы офицеровъ пустить ихъ семьи въ Крымъ. За этими семьями потянулись и прочіе безъ конца, жившіе съ момента гибели арміи Деникина заграницей.

Всѣ эти лица, увеличившія населеніе Крыма, естественно должны были осложнить впослѣдствіи успѣшность эвакуаціи.

Имѣя довольно точныя свѣдѣнія о сосредоточеніи армій Южнаго Совѣтскаго фронта, Врангелю оставалось принять свое рѣшеніе. Въ штабѣ было разработано два плана: первый — которому сочувствовалъ Генералъ-Квартирмейстеръ — сводился къ тому, чтобы отнюдь не ввязываться въ упорный бой, оставить въ сѣверной Тавріи на главныхъ операціонныхъ направленіяхъ слабые арьергарды, главными силами отойти за сильную укрѣпленную позицію на Крымскихъ перешейкахъ; второй планъ заключался въ томъ, чтобы путемъ маневра, дѣйствуя по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, какъ это было въ теченіе всей лѣтней кампаніи, бить про-

тивника по частямъ и затѣмъ уже, дѣйствуя по обстановкѣ, остаться по прежнему въ сѣв. Тавріи или запереться въ Крыму. Второй планъ поддерживалъ Начальникъ Штаба Шатиловъ, и къ нему естественно долженъ былъ склониться Кривошеинъ, озабоченный вывозомъ зерна изъ Геническа и Скадовска, безъ чего финансовый кризисъ обѣщалъ превратиться въ катастрофу.

Разбираясь въ прошломъ теперь, когда извѣстная историческая перспектива позволяетъ о многомъ судить съ большей объективностью, мы естественно обязаны поставить упрекъ Главнокомандующему, невольно принесшему стратегію въ жертву политикѣ.

Врангель, конечно, меньше всего этого хотѣлъ, и если склонился съ доводами Шатилова, то только потому, что второй планъ болѣе отвѣчалъ его кипучей натурѣ, не боящейся риска. Врангель не утратилъ еще вѣры въ свое боевое счастье, хотя уже было два предупрежденія, и пошелъ ва-банкъ, чтобы сразу убить крупную карту.

Во исполненіе принятого рѣшенія — дать бой впереди Перекопскихъ позицій, главная масса пѣхоты и конницы сосредоточилась, въ первыхъ числахъ октября, въ раіонѣ Сѣрогозы, подъ общимъ начальствомъ Кутепова. Этотъ ударный кулакъ по директивѣ долженъ былъ дать переправиться сѣверной группѣ противника у Никополя, разбить ее, отбросить за Днѣпръ и, оставивъ противъ нея заслонъ, прочими силами обратиться на Каховскую группу пѣхоты и конницы красныхъ, какъ только она начнетъ дебушировать изъ плацдарма.

Перехваченный приказъ краснаго южнаго командованія съ точностью рисовалъ планы противника, называлъ время перехода въ наступленіе, и далъ возможность штабу Врангеля произвести всѣ расчеты.

Одновременно были приняты мѣры по съуженію всей линіи фронта, отодвинутаго на востокъ до Пришиба.

Едва закончилась перегруппировка, и войска Русской арміи заняли исходное положеніе, части противника, въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и трехъ кавалерійскихъ дивизій, начали переправу у д. Н. Рогачинъ, между д. Лопатиха и городомъ Никополемъ.

Согласно директивѣ, Кутепову надлежало разбить эту группу съ тѣмъ, чтобы въ дальнѣйшемъ развязать себѣ руки для дѣйствій противъ Каховки, откуда должна была наступать вся конная армія Буденнаго.

Боясь ввести свою пѣхоту цѣликомъ въ дѣло, Кутеповъ сталъ посылать войска въ бой пачками. Въ результатѣ, вмѣсто побѣды, Корниловцы понесли отдѣльное пораженіе и должны были отойти, и Н. Рогачинъ остался въ рукахъ красныхъ.

Переправившаяся 11 октября новая конная группа противника у Никополя развила общій успѣхъ и стала тѣснить къ югу казачьи дивизіи Донцовъ.

Вслѣдъ за этими дѣйствіями, непріятель перешелъ въ рѣшительное наступленіе со стороны Каховки всей I конной арміей Буденнаго и ударной пѣхотой, силою до 30 000 штыковъ. Въ составъ пѣхоты входило 6 дивизій, изъ нихъ одна латышская и одна огневая бригада. Пѣхота безъ труда опрокинула слабый 2-й корпусъ Витковскаго, поспѣшно отступившій подъ защиту Перекопскихъ позицій; конница Буденнаго двумя колоннами пошла на Сальково, на перерѣзъ жизненной артеріи всей Р. Арміи — желѣзной дорогѣ Мелитополь—Симферополь.

Лѣвая колонна кавалеріи Буденнаго, уже на первомъ переходѣ, наткнулась къ сѣв.-востоку отъ Асканія Нова, на конный корпусъ Барбовича и, вступивъ съ нимъ въ бой, задержалась, но правая, болѣе сильная, безостановочно шла впередъ, никѣмъ не сдерживаемая, и 15 октября заняла Сальково и Геническъ, гдѣ въ то время происходила поспѣшная погрузка хлѣба на пароходы и баржи.

Перерѣзавъ желѣзную дорогу, Буденный двинулся къ югу на Чонгарскій полуостровъ, который временно и занялъ.

Дерзкій маршъ маневръ красной конницы имѣлъ серьезныя послѣдствія: большая часть Русской Арміи оказалась отрѣзанной отъ Крыма, была порвана телеграфная связь штаба Главнокомандующаго съ Кутеповымъ и Абрамовымъ, потеряно управленіе войсками.

Врангель, выѣхавшій передъ началомъ операціи въ Джанкой, однако не растерялся. Все, что можно было собрать, — выздоравливающіе, юнкера, этапныя команды, — было брошено имъ лично къ ст. Сивашъ, чтобы не дать непріятельской кавалеріи прорваться въ Крымъ. Одновременно, по радіо Абрамовъ получилъ приказаніе атаковать Буденнаго съ сѣвера. 3-я донская дивизія, двинувшись на Ново-Алексѣевку, вышла въ тылъ кавалеріи Буденнаго, смяла ее, очистила Чонгарскій полуостровъ, захватила плѣнныхъ, отобрала Геническъ и Сальково и возстановила сообщеніе съ Крымомъ.

Положеніе временно улучшилось, но о побѣдѣ нечего было и думать. Предпринятый Главнокомандующимъ маневръ — переброска пѣхотной дивизіи по желѣзной дорогѣ отъ Мелитополя на югъ, для ликвидаціи Буденнаго — не удался, такъ какъ неожиданно наступившіе морозы парализовали всякое желѣзнодрожное сообщеніе: замерзли водонапорныя башни, вода въ паровозахъ . . .

Невиданная въ это время стужа, при сильномъ вѣтрѣ, явилась могущественнымъ союзникомъ краснаго главнокомандующаго Фрунзе, Неодѣтые, въ большинствѣ безъ

шинелей, защитники Крыма, чтобы какъ нибудь согрѣться, набивали себѣ подъ рубахи солому и проводили ночи безъ сна у костровъ.

Отбросивъ Буденнаго, Главнокомандующій рѣшилъ перейти въ наступленіе въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Сальково, въ тылъ Каховской группѣ красныхъ, начавшихъ уже атаки на Перекопъ.

Но приказаніе осталось не выполненнымъ. Противникъ самъ наступалъ со всѣхъ сторонъ, тѣснилъ съ востока, шелъ съ сѣвера; уже былъ оставленъ Мелитополь со всѣми складами снабженія арміи, техническими мастерскими, ангарами аэроплановъ, запасами зерна.

На маневръ расчитывать было нельзя, ибо войска физически и морально надорвались и несли въ себѣ зародышъ разложенія.

„Кто могъ остановить эту неудержимую лавину перемѣшавшихся частей, парковъ и обозовъ?", задаетъ вопросъ очевидецъ и далѣе пишетъ:

„Сюда на Сальково и на Чонгаръ прорывались и 1-й корпусъ, и 3-й корпусъ, и донцы, и конный корпусъ ген. Барбовича.

„Всѣ эти части были совершенно небоеспособны. Ими были понесены огромныя потери въ людяхъ, орудіяхъ и пулеметахъ. Конница совершенно замотала своихъ лошадей. Все это было естественнымъ послѣдствіемъ непрерывныхъ отступательныхъ боевъ при 15—20 градусныхъ морозахъ, безъ ночлеговъ и при полномъ отсутствіи квартирныхъ размѣщеній. Люди были голодны, утомлены до нельзя и только и ждали теплой крыши.

„При этихъ условіяхъ никто и не могъ думать о переходѣ въ наступленіе, а отходившія части незамѣтно проходили заранѣе подготовленныя для обороны позиціи и весь Чонгарскій полуостровъ съ его оборонительными постройками былъ оставленъ безъ боя.

Потеря связи и самыя неблагопріятныя климатическія условія создали для отступающей Русской Арміи исключительно тяжелую обстановку, весьма близкую къ катастрофической.

„Остатки арміи были отброшены за перешеекъ, ихъ нужно было смѣнить свѣжими резервами.

„Но резервовъ въ Крыму не было."

Пока происходили бои къ сѣверу отъ перешейковъ, Севастополь переживалъ тревожные дни. Всѣ чувствовали, что на фронтѣ не совсѣмъ благополучно, но продолжали вѣрить въ военное искусство Главнокомандующаго. Обывателя волновала лишь мысль, что онъ снова въ укрѣплен-

номъ лагерѣ со всѣми послѣдствіями такого сидѣнія: военнымъ положеніемъ, вздутыми цѣнами и постоянной угрозой сѣсть на корабль.

Глава Правительства Кривошеинъ былъ настроенъ пессимистически: съ одной стороны онъ получалъ постоянные запросы изъ Парижа отъ Барка о времени доставки Крымскаго зерна въ Марсель, безъ получки котораго затруднялось заключеніе 150 милліоннаго займа, съ другой стороны — съ фронта ему доносили о послѣдовательномъ оставленіи всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ грузились пароходы хлѣбомъ.

19-го октября Врангель возвратился изъ Джанкоя въ Севастополь. Его пріѣздъ вдохнулъ бодрость въ Правительство и населеніе. Главнокомандующій наружно оставался спокойнымъ, не зная отдыха отдавалъ всего себя оперативной работѣ, и въ ту минуту безусловно вѣрилъ и въ крѣпость позиціи, и въ стойкость войскъ.

Оборона Крыма была поручена Кутепову съ его арміей.

Не считаясь съ волей противника, полагая его, очевидно, пассивнымъ и уставшимъ отъ предыдущихъ боевъ, Командующій І-й арміей началъ съ ряда ошибочныхъ распоряженій. Вѣря исключительно въ свои войска, онъ желалъ видѣть на отвѣтственныхъ участкахъ только свои, испытанныя въ 2-хъ лѣтней гражданской войнѣ полки, упуская изъ виду, что позиціи защищаютъ лучше тѣ части, которыя ихъ хорошо знаютъ. И началась колоссальная перегруппировка, измотавшая и безъ того обезсиленныя войска и оставившая самого Кутепова безъ необходимаго маневреннаго резерва. Въ довершеніе несчастія, на участокъ Чувашскаго полуострова, что восточнѣе Перекопа, его распоряженіемъ были поставлены необученные, безъ пулеметовъ и средства связи, со слабымъ офицерскимъ составомъ, Кубанцы ген. Фостикова, экстренно переброшенные изъ Феодосіи, гдѣ они только начали формироваться.

Едва Кубанцы смѣнили стоявшую на Чувашскомъ полуостровѣ 34-ую дивизію Ненешина, въ ту же ночь на 27-го октября, двѣ пѣхотныя дивизіи противника съ нѣсколькими полками конницы переправились черезъ Сивашъ, сбили Кубанцевъ и вышли въ глубокій тылъ первой линіи Перекопской позиціи у Армянскаго базара. Между тѣмъ позиція эта создавалась цѣлое лѣто, была отлично укрѣплена, усилена могущественной тяжелой артиллеріей, отлично примѣненной къ мѣстности и пристрѣлянной. Только неправильное управленіе войсками со стороны Кутепова, могло позволить краснымъ обойти эту позицію и взять всю ея артиллерію. Не смѣни Кутеповъ корпусъ Витковскаго цѣликомъ, первые бои, вѣроятно, разыгрались бы именно на 1-й линіи. Теперь же

Корниловцы и Дроздовцы съ боемъ прокладывали себѣ дорогу въ тылъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ противникомъ.

Съ потерей Перекопа положеніе создалось грозное: для защиты Крыма оставалась послѣдняя линія укрѣпленной позиціи у Юшуни, хотя и называвшаяся главной, но еще незаконченная по оборудованію прикрытій и землянокъ для резервовъ.

Штабамъ Кутепова и Главнокомандующаго сдѣлалось совершенно яснымъ направленіе главнаго удара противника, и къ Юшуни стали лихорадочно перебрасываться всѣ свободныя войска и наиболѣе стойкія единицы.

Но было уже поздно.

Противникъ ввелъ въ бой подавляющія силы пѣхоты и артиллеріи, его конница успѣла уже перейти полузамерзшее гнилое море Сивашъ. Его тяжелыя батареи и болѣе 100 легкихъ пушекъ неумолчно громили проволочныя загражденія и окопы Юшуни въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, послѣ чего латыши и коммунисты десятками параллельныхъ цѣпей пошли въ атаку. Одновременно началось сильное наступленіе и на Чонгаръ, поддержанное могущественной артиллеріей.

14 послѣдовательныхъ атакъ отбили доблестные старые добровольцы, грудью своей защищавшіе послѣдній оплотъ пристанища бѣлыхъ, гдѣ, въ смертельномъ страхѣ, ожидали своей участи ихъ жены, матери и дѣти.

Цѣлыя горы труповъ выросли впереди полуразрушенной проволочной сѣти, уже невозможно было прицѣльно стрѣлять изъ-за грудъ непріятельскихъ тѣлъ, но красные вливали въ порѣдѣвшія цѣпи все свѣжія пополненія и возобновляли атаки.

Въ ночь съ 28 на 29 октября, Юшунская позиція была прорвана, вслѣдъ за ней пала Чонгарская линія, и лавина красныхъ бурнымъ потокомъ полилась въ Крымъ.

Началась агонія Русской Арміи. Было безсмысленно думать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, пытаться, путемъ маневра, задержать противника и тѣмъ болѣе отбросить его снова за перешейки. Для этого не было ни свѣжихъ резервовъ, ни возможности привести въ порядокъ разбитыя, потрясенныя войска.

Врангель это понялъ и отдалъ приказъ немедленно отходить къ портамъ Чернаго моря, для погрузки арміи на корабли для эвакуаціи.

Но сознавая, что вся армія съ ея гигантскимъ тыломъ быть вывезена не можетъ, съ другой стороны, стремясь сохранить ея кадровое лучшее офицерство, Главнокомандующій отдалъ приказъ, въ которомъ объявилъ, что всѣ, кто можетъ безбоязненно остаться при совѣтскомъ режимѣ, должны это

сдѣлать, дабы не обременять эвакуаціи и не подвергать вѣрному разстрѣлу остальныхъ.

Войскамъ было точно указано куда отходить: пѣхота направлялась въ Севастополь, конница въ Ялту, Кубанскіе казаки въ Феодосію, Донцы въ Керчь.

Врангель до послѣдняго момента оставался въ Севастополѣ и лично руководилъ посадкой на суда, использовавъ всѣ плавучія средства свои и предоставленныя ему иностранцами.

По отходѣ послѣдняго парохода, провожаемый оставшимися на берегу жителями и рабочими, онъ переѣхалъ въ Ялту, а затѣмъ въ Феодосію и Керчь, наблюдая за порядкомъ эвакуаціи. И когда только вся армія, всѣ, кто хотѣлъ покинуть предѣлы родной земли были погружены на суда, отплылъ и генералъ Врангель на крейсерѣ „Корниловъ" къ берегамъ Босфора, въ таинственную даль, на неизвѣстное будущее, но неразрывно связанный со своей арміей, чтобы съ ней раздѣлить ея тяжелую судьбу, какъ дѣлилъ прежде ея славу, ея крестный путь во имя Родины.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Трагическій конецъ вооруженной борьбы Бѣлаго Юга съ московскими коммунистами невольно ставитъ вопросъ: кто же виноватъ въ Крымской катастрофѣ?

Безсмысленно винить въ этомъ одного человѣка, хотя и облеченнаго всѣмъ могуществомъ власти.

Выходъ Польши изъ войны осенью 1920 г. далъ возможность красному командованію всѣ свободныя войска бросить на югъ. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, Крымъ не имѣлъ ни источниковъ комплектованія, ни нужныхъ запасовъ вооруженія, снабженія, техники, ни широкой помощи извнѣ. Финансовый аппаратъ правительства пришелъ въ полный упадокъ, станокъ не успѣвалъ печатать потерявшихъ цѣнность денегъ, экономическій кризисъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Вотъ истинныя причины вызвавшія сдачу Крыма. Рядъ военныхъ ошибокъ, со стороны командованія и главныхъ исполнителей, лишь ускорилъ развязку.

Бой данный впереди перешейковъ въ стратегическомъ отношеніи былъ рискованъ: на сторонѣ красныхъ съ начала до конца оставалось превосходство въ силахъ, пути отхода крымской арміи подвергались угрозѣ съ фланга и тыла, иниціатива принадлежала совѣтскому командованію, физически и морально Русская Армія была нѣсколько подорвана предыдущими боями и двумя послѣдними крупными неудачами на Кубани и за Днѣпромъ.

Въ силу этихъ причинъ, генеральное сраженіе выгоднѣе было дать на укрѣпленной позиціи, хотя это мало отвѣчало условіямъ политическо-экономическимъ.

Мнѣніе, что Перекопъ не былъ укрѣпленъ, не выдерживаетъ критики. Врангель сдѣлалъ все возможное для созданія на перешейкахъ неприступной позиціи. Еще съ весны

1920 года всѣ техническія средства, севастопольская крѣпостная артиллерія, лучшіе артиллеристы, инженеры, были направлены на Перекопъ. Сперва ген. Юзефовичъ, позже ген. Макѣевъ работали по укрѣпленію линіи Чонгаръ—Сивашъ—Юшунь: рылись окопы, плелась проволока, устанавливались тяжелыя пушки, пристрѣливались подступы. И никогда за всю гражданскую войну не было болѣе законченной позиціи чѣмъ перекопская, хотя на ней почти отсутствовали блиндажи, укрытія, землянки-жилища — все, что выдвинула техника современной войны.

Крымская твердыня пала потому, что была занята усталыми и, въ значительной долѣ, мало-стойкими войсками, занята слишкомъ поздно, уже подъ ударами повалившагося въ огромномъ превосходствѣ врага, по роковой ироніи судьбы того же русскаго крестьянина-солдата, ставшаго послушнымъ орудіемъ въ желѣзной рукѣ московскихъ палачей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Типографія „Нейе Цейтъ“
Берлинъ-Шарлоттенбургъ